

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Центр истории Византии и восточнохристианской культуры

РОССИЙСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Традиции и перспективы

Тезисы докладов XIX Всероссийской
научной сессии византинистов

Москва 27–29 января 2011 года

Издательство Московского университета 2011

УДК 94.4
ББК 63.3
Р 76

***Оргкомитет XIX Всероссийской
научной сессии византинистов:***

Председатель

С.П. Карпов (член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор, декан исторического факультета МГУ)

Заместитель председателя

М.В. Бибилов (доктор исторических наук,
ректор Государственного академического университета гуманитарных наук,
руководитель Центра истории Византии и восточнохристианской культуры
Института всеобщей истории РАН,
профессор филологического факультета МГУ)

Ученый секретарь

М.В. Грацианский (кандидат исторических наук,
с. н. с. исторического факультета МГУ)

Шукуров Р.М. (кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ)

Кузенков П.В. (кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ)

Захарова А.В. (кандидат искусствоведения,
м. н. с. исторического факультета МГУ)

**Р 76 Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тези-
сы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. —
М.: Издательство Московского университета, 2011. — 242 с.**

ISBN 978–5–211–05963–4

Издание содержит тезисы докладов, сделанных на XIX Всероссийской научной сессии византинистов, проходившей на базе Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 27–29 января 2011 г. В докладах представлены научные темы и направления современного российского византиноведения.

- © Национальный комитет византинистов Российской Федерации, 2011
- © Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011
- © Институт всеобщей истории РАН, 2011

С.П. Карпов

Российское византиноведение сегодня: школы, итоги и перспективы

Анализ всего состояния нашей науки вряд ли возможен в рамках одного доклада. Скорее можно говорить о выявлении тенденций развития, что и попытаюсь сделать. Сейчас для этого создан полезный инструмент. Это библиография новейшей византиноведческой литературы представленная ныне на сайте Национального Комитета византистов России¹. Пополняемая база библиографических данных была создана на основе сканирования и обработки материалов П.В. Кузенковым, М.В. Грацианским, М.М. Ощепковой, Н.И. Быстрицким. Ресурс содержит удобный интерфейс и поисковую систему. Надеемся на пополнение и совершенствование этой базы данных при критическом и конструктивном участии всех коллег. Позволю себе, опираясь на этот ценный библиографический ресурс, опустить обильное цитирование публикаций и остановлюсь в большей мере на направлениях и важнейших результатах исследований.

В настоящее время сложилось несколько крупных научных школ и ряд направлений, разрабатываемых отдельными учеными. Я рассматриваю лишь труды, относящиеся непосредственно к истории Византии, в меньшей мере — к смежным темам. Предметом анализа являются результаты последнего десятилетия. В обзор включены некоторые типологически важные труды наших ближайших соседей, прежде всего — с Украины, написанные на русском языке. Я не касаюсь истории византийского искусства и археологии, о чем будут специальные доклады.

По результатам составленной базы данных в последнее десятилетие наиболее интенсивно разрабатывались следующие темы:

- Византийская цивилизация как исторический феномен (К.В. Хвостова, М.А. Поляковская);

¹<http://meridionalia.ru/Byzant/>;
[index.html](http://www.hist.msu.ru/Byzantine/index.html).

<http://www.hist.msu.ru/Byzantine/>

- Администрация и управление империей (Г.Г. Литаврин, В.П. Степаненко);
- Социальная история ранней (А.А. Чекалова, Г.Е. Лебедева) и поздней (М.А. Поляковская, Р.М. Шукуров, Т.А. Шамгунова, И.А. Кучина) Византии;
- Демография византийских провинций (С.П. Карпов, Р.М. Шукуров, М.А. Курышева, А.Л. Пономарев);
- Город и рынок, проблемы торговли (С.Б. Сорочан, Г.Г. Литаврин, С.П. Карпов, А.Л. Пономарев, Н.П. Мананчикова);
- Финансовая политика ранней Византии (В.В. Серов);
- Финансы и денежное обращение поздней Византии (А.Л. Пономарев);
- Налоги и налогообложение (Г.Г. Литаврин, В.В. Серов, А.Н. Домановский, И.А. Назаров);
- Хозяйство монастырей (М.А. Морозов, А.А. Войтенко);
- История византийских императоров (С.Б. Дашков, А.М. Величко);
- Византийская армия, военная доктрина империи (В.В. Кучма, А.С. Мохов, П.В. Шувалов, И.В. Кривушин, С.П. Карпов, В.Н. Шиканов, А.К. Нефёдкин, В.А. Золотовский, М.В. Шилов);
- Суд и правовая культура Византии (И.П. Медведев, Г.Г. Литаврин, К.В. Хвостова, В.А. Сметанин, Л.А. Герд, Ю.Я. Вин, Т.А. Шамгунова, А.М. Величко, С.В. Красиков—С.Я. Гаген);
- Рецепция византийского права в славянских странах (Я.Н. Щапов, К.А. Максимович, А.Ю. Климов);
- Политическая идеология Византии (И.П. Медведев, К.В. Хвостова, И.С. Чичуров, М.А. Поляковская, А.В. Муравьев, Л.А. Андреева);
- Общественная мысль и философия Византии (И.П. Медведев, К.В. Хвостова, А.И. Сидоров, А.В. Ситников, Л.А. Сугрей, М.А. Поляковская, Т.В. Куш, К.В. Лобовикова, А.И. Юрченко, В.М. Лурье, Д.И. Макаров, П.А. Моисеев, П.В. Доброцветов, В.И. Пустовалова);
- Наука в Византии (Г.Е. Лебедева, В.А. Уколова, Л.В. Павленко);
- Эстетика (В.В. Бычков, А.М. Лидов);
- Быт, культура повседневности, одежды, обряды, церемониал (М.А. Поляковская, А.А. Чекалова, С.А. Иванов, Т.В. Смирницких).

К числу штудий по истории отдельных регионов Византии следует отнести:

- Историю византийского и поствизантийского Крыма —
 - Византийской Таврии, крымской Готии и Херсонеса (А.И. Романчук, А.И. Айбабин, С.Б. Сорочан, А.В. Сазанов, С.А. Беляев, В.М. Зубарев, Н.А. Алексеенко, Ю.М. Могаричев, А.В. Подосинов, В.В. Майко, В.Н. Залесская, А.В. Шаманов, Е.Ю. Кленина, С.Г. Рыжов, В.Е. Науменко, Н.Е. Гайдуков, В.Г. Тур);
 - Каффы, Солдаи и иных генуэзских факторий (А.Г. Еманов, А.Л. Пономарев, В.Л. Мыц, С.Г. Бочаров, Е.А. Айбабина, Е.А. Яровая, Е. Катюшин, А.А. Кравченко);
 - Княжества Мангуп/Феодоро (А.Г. Герцен, Т.М. Фадеева, А.К. Шапошников, В.П. Степаненко, Х.-Ф. Байер, Н.И. Бармина, В.П. Кирилло, В.Е. Науменко).
- Историю Алании и Зихии (С.Н. Малахов, А.Ю. Виноградов, В.С. Флёров, О.Б. Бубенок);
- Абхазии (Л.Г. Хрушкова);
- Понта и Трапезундской империи (С.П. Карпов, Р.М. Шукуров, Э.Г. Жордания);
- Никейской империи (П.И. Жаворонков, Ю.Г. Соколов);
- Государств крестоносцев в св. Земле, Латинской Романии, на Кипре (С.П. Карпов, С.И. Лучицкая, С.В. Близнюк).

Международные связи Византии:

- Контакты Византии и варварского мира раннего Средневековья (В.П. Буданова, В.И. Уколова, А.С. Козлов, А.К. Нефедкин);
- Византия и Армения (В.А. Арутюнова-Фиданян, В.П. Степаненко);
- Византия, славяне и Древняя Русь (Г.Г. Литаврин, М.В. Бибииков, А.В. Назаренко, А.А. Турилов, И.С. Чичуров, П.В. Шувалов, Г.М. Прохоров, П.П. Толочко, О.А. Акимова, Е.И. Малето, П.В. Кузенков, И.О. Князький, А.Х. Кожаров, о.Августин (Никитин), В.В. Петрунин);
- Византия и Далмация (Н.П. Мананчикова);
- Византия и Болгария (Г.Г. Литаврин, Л.В. Горина, Н.И. Польшванский, С.А. Иванов, О.В. Лощакова, О.И. Нуждин, К.А. Максимович, В.Н. Шиканов);

- Византия и Сербия (Б.Н. Флоря, О.И. Нуждин);
- Византия и Восток (Р.М. Шукуров, Н.И. Сериков, Д.А. Коробейников, М.В. Кривов, О.С. Апанович, Ю.В. Максимов, К.А. Панченко, С.Ф. Орешкова);
- В том числе, связи Византии и Золотой Орды (А.Л. Пономарев, С.П. Карпов, Р.М. Шукуров, О.Б. Бубенок, М.П. Булатов, И.Г. Коновалова, М.Г. Крамаровский, Ш.Ф. Мухамедьяров, И.М. Миргалеев);
- Византия и Запад (С.П. Карпов, А.В. Бармин, Н.Г. Пашкин, М.А. Поляковская, С.Я. Гаген, В.В. Василик).
- Византия и Италия:
 - Южная (М.Л. Абрамсон, М.А. Курышева);
 - Равеннский экзархат, фема Италии (О.Р. Бородин, А.С. Мохов);
 - Венеция и Генуя (С.П. Карпов, А.А. Талызина, С.В. Близнюк, А.Л. Пономарев, Л.Г. Климанов, М.Н. Бахматова, Н.Д. Прокофьева).

Труды по изданию и переводу источников:

- Корпус римского права Юстиниана (проект под рук. Л.Л. Кофанова, В.А. Сметанин, А.А. Новиков);
- Военные трактаты (В.В. Кучма, П.В. Шувалов);
- Агиографические тексты (Е.В. Желтова, С.А. Иванов, А.А. Войтенко, А.Ю. Виноградов);
- Св. Кирилл Александрийский (В. Дмитриев);
- Дионисий Ареопагит и Максим Исповедник (Г.М. Прохоров, А.И. Сидоров);
- Прокопий Кесарийский, Иоанн Малала (А.А. Чекалова, Л.А. Самуткина);
- Евагрий Схоластик (И.В. Кривушин);
- Иоанн Златоуст (И.В. Пролыгина);
- Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов (митроп. Иларион (Алфеев));
- Иоанн Лествичник (О. Рогачева);
- Иоанн Мосх (М.И. Хитров);
- Иоанн Дамаскин (Я.А. Слинин, Д.Е. Афиногенов, А.Р. Фокин);
- Константин Багрянородный, Кекавмен (Г.Г. Литаврин и др.);
- Михаил Пселл (Я.Н. Любарский);

- Анна Комнина (Я.Н. Любарский);
- Филипп Монотроп (Г.М. Прохоров);
- Георгий Акрополит (П.И. Жаворонков);
- Никифор Влеммид (Л.С. Ряшко);
- Мануил Фил (О.В. Смыка);
- Иоанн Кантакузин (Г.М. Прохоров);
- Алексей Макремволит (М.А. Поляковская);
- Евмафий Макремволит (С.В. Полякова);
- Виссарион Никейский (И.П. Медведев);
- Латинские и западноевропейские источники по истории Византии:
 - Лиутпранд Кремонский (И.В. Дьяконов);
 - Перо Тафур (Л.К. Масиель Санчес);
 - Публикация документов итальянских архивов (С.П. Карпов, Н.Д. Прокофьева, А.А. Талызина, А.Л. Пономарев, С.В. Близняк);
 - Публикация рукописных и архивных источников по истории Византии на восточных языках (Р.М. Шукуров, Н.И. Сериков).

Текстологические и источниковедческие исследования трудов византийских писателей:

- Византийская хронистика (И.Н. Попов, А.С. Козлов, Д.Е. Афиногенов, И.В. Тамаркина, Ю.В. Балакин);
- Эпистолография (Д.А. Черноглазов, Т.В. Куш, С.К. Севастьянова, К. Сарычева);
- Риторика, полемические трактаты (И.С. Чичуров, А.В. Бармин, С.В. Красиков—С.Я. Гаген, о. Нектарий (Яшунский));
- Канонические тексты (Л.А. Герд, В.В. Василик, К.К. Акентьев, Н.Д. Успенский);
- Гимнография (В.В. Василик, О.В. Гладкова, А.Ю. Никифорова, Г.М. Прохоров, Н.С. Смелова, Р.Н. Кривко, А.В. Богаевский);
- Патриарх Мефодий I (К.А. Максимович);
- Патриарх Фотий (Д.Е. Афиногенов, П.В. Кузенков);
- Михаил Пселл (Я.Н. Любарский, И.П. Медведев, В.А. Сметанин);
- Анна Комнина (Я.Н. Любарский, И.В. Нарусевич);
- Иоанн Зонара (Д.А. Черноглазов, А.Г. Бондач);

- Иоанн Цец (Д.А. Черноглазов);
- Михаил Глика (Л.Т. Авилушкина);
- Иоанн Киннам, Никита Хониат (Я.Н. Любарский, Д.Е. Афиногенов, Н.П. Чеснокова);
- Михаил Хониат (А.М. Крюков);
- Никифор Влеммид (Л.С. Ряшко, С.В. Красиков—С.Я. Гаген);
- Никифор Григора (С.В. Красиков—С.Я. Гаген);
- Григорий Палама (Д.И. Макаров);
- Димитрий Кидонис (М.А. Поляковская, Т.В. Куш);
- Мануил Хрисолора (И.П. Медведев, Т.В. Куш, С.В. Соловьев);
- Мануил II Палеолог (Т.В. Куш);
- Исидор Киевский (Т.В. Куш);
- Иоанн Евгеник (М.М. Бандиленко, А.В. Занемонец, Б.Л. Фонкич);
- Георгий Трапезундский (И.П. Медведев, К.В. Лобовикова);
- Георгий Амируци (С.П. Карпов).

Разные аспекты истории Церкви:

- Религиозная политика, государство и церковь (М.В. Грацианский, Л.А. Андреева, А.В. Логинов, Е.В. Уханова, Л.Ю. Костогрызова, Д.Ю. Лескин, Т.В. Ливенцева, О.А. Новиков);
- Византийское миссионерство и паломничество (С.Ю. Житенев, С.А. Иванов);
- Проблемы народной религиозности (Н.Д. Барабанов);
- Феномен юродства (С.А. Иванов);
- Сирийское, египетское и коптское монашество (А.А. Войтенко, А.В. Муравьев);
- Иконоборчество (Д.Е. Афиногенов, Л.В. Луховицкий);
- Соборы XII в. (П.В. Ермилов);
- История Афона и его рукописных собраний (Б.Л. Фонкич, М.В. Бибииков);
- Отношение к исламу в Византии (Р.М. Шукуров, Ю.В. Максимов, К.И. Лобовикова);
- Церковное право (о. Всеволод Цыпин, А.Б. Ванькова);
- Христианская археология и топография (Л.А. Беляев, М.В. Бибииков, В.Н. Залеская).

Огромное количество трудов посвящалось разным вопросам византийского богословия, патрологии. Их число ныне трудно обозреть и мы

отмечаем лишь бурное развитие этой отрасли науки. Примерно тоже можно сказать и об изучении проблем византийского наследия в культуре разных стран и народов.

Современное византиноведение (И.П. Медведев, Г.Е. Лебедева, С.А. Иванов, А.А. Чекалова, И.С. Чичуров, К.К. Актентьев).

Специальные исторические дисциплины:

- Греческая палеография, изучение рукописных собраний России и мира (Б.Л. Фонкич, И.П. Медведев, Л.А. Герд, М.А. Курышева);
- Поствизантийские греческие грамоты в отечественных собраниях и русские дипломатические документы, относящиеся к греческому Востоку (Б.Л. Фонкич, Н.П. Чеснокова, В.Г. Ченцова, С.М. Каштанов, К.А. Панченко, Н.Н. Лисовой, Д.А. Яламас, Ю.А. Пятницкий);
- Рукописное наследие и архивы русских византинистов. Изучение их творчества (И.П. Медведев, Я.Н. Щапов, Л.А. Герд, Г.Е. Лебедева, В.И. Земскова, Э.Н. Хрущева);
- Хронология (О.Р. Бородин, П.В. Кузенков);
- Нумизматика (А.Л. Пономарев, В.В. Гурулева, Т.И. Слепова, Е.Ю. Гончаров, Н.С. Смелова);
- Сфрагистика, глиптика (В.С. Шандровская, В.Н. Залесская, Е.В. Степанова, В.П. Степаненко, Н.А. Алексеев);
- Картография и историческая география (А.В. Подосинов, И.К. Фоменко, И.Г. Коновалова, П.В. Шувалов);
- Эпиграфика (А.Ю. Виноградов, В.Н. Залесская, Д.В. Вальков);
- Геральдика, вексиллология, символика (Е.А. Яровая, С.П. Карпов);
- Византийская музыка (Г.В. Алексеева, Г.А. Пожидаева, О.В. Чевела).

В настоящее время мы можем говорить о существовании следующих научных школ и направлений:

- Институт всеобщей истории РАН: Центр истории Византии и восточно-христианской культуры, Центр Восточной Европы в античном и средневековом мире, Группа по изучению Христианского Востока;
- Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова: кафедра истории Средних веков и лаборатория истории Византии и Причерноморья, кафедра истории зарубежного искусства, кафедра истории Церкви Исторического факультета, отделе-

ние византийской и новогреческой филологии Филологического факультета;

- Институты славяноведения и археологии РАН;
- Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук;
- Санкт-Петербургский государственный университет — кафедра истории Средних веков Исторического факультета, отделение византийской и новогреческой филологии, кафедра общего языкознания Филологического факультета, Византийский Центр;
- Государственный Эрмитаж;
- Уральский государственный университет имени А.М. Горького;
- Волгоградский государственный университет;
- Тюменский государственный университет;
- Ивановский государственный университет;
- Армавирский государственный педагогический университет;
- Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
- Духовные школы — МДА и др.

К числу достижений отечественного византиноведения можно отнести: изучение византийской цивилизации, публикацию Свода византийских свидетельств о Руси (М.В. Бибииков), Архивов русских византистов (рук. — И.П. Медведев), комплексные исследования истории Причерноморья, издание Православной энциклопедии с большим вниманием к византиноведению, серии «Византийская библиотека» («Алетейя»), публикации издательств «Индрик», «О. Абышко» и др.

Сейчас стало широко практиковаться переиздание старой классической литературы и издание переводов иностранных авторов. Есть прекрасные примеры подготовленных и выверенных текстов: публикация трудов В.Г. Васильевского, В.Е. Вальденберга, еп. Порфирия Успенского и др. Но есть и другие примеры — небрежного, без должного редактирования, со многими ошибками, издания переводов хороших книг: монографий А. Гийу, Ж.-К. Шейнэ и Дж. Норвича и др. Все это не украшает ни издательства, ни науку в целом.

Несколько слов о нашем основном периодическом издании — «Византийском временнике». В настоящее время приходится прилагать немало усилий к его регулярному выходу в свет, сохранению объема и поддержанию высокого международного уровня. По договоренности с руководством ВАКа он остается в ВАКовском списке реферируемых

изданий, без превращения его в журнал и без обязательной подписки. Мы не пошли на изменение правил библиографического оформления сносок и иные новации, нарушающие традиции этого старейшего академического органа. Однако некоторые разумные изменения вносить необходимо: это резюме на английском языке, список ключевых слов, наличие не менее двух рецензентов каждой статьи. Во «Временнике» нужно расширить раздел рецензий и аннотаций, хроники. Портфель временника будет комплектоваться в строго обозначенные сроки. Для редактирования статей и подготовки издания создана рабочая группа.

В числе симптомов времени нельзя не отметить процесса индивидуализации исследований. Не коллективные труды, но конкретно-исторические исследования и коллективные обобщения доминируют. Отчасти преодолеть такую тенденцию помогают гранты.

Очевидной лакуной стала аграрная история. После кончины Г.Г. Литаврина, много лет плодотворно изучавшего византийскую деревню, исследователей аграрной истории Византии почти не осталось. Ныне здравствующие ученые, внесшие большой вклад в исследование византийской деревни и публикацию источников: И.П. Медведев, К.В. Хвостова перешли к разработке иных тем. Пожалуй, только Ю.Я. Вин продолжает работать в этой области, уделяя внимание проблемам развития поздневизантийской общины и византийской деревни, в немалой степени опираясь на систематизированные им материалы византийских законодательных памятников.

Снизился интерес к истории города как такового, к истории дипломатии.

Очевидно отсутствие значимых обобщающих работ, какими раньше были, например, История Византии, Культура Византии. Что делать? Переписывать и переиздавать старые или создавать новые сводные труды? Идея перевода и переиздания словаря под ред. А.П. Каждана, не поддержанная грантами и серьезными коллективами, умерла. Да и не правильнее ли издавать новый Словарь, в том числе, опираясь на задел «Православной энциклопедии»?

Среди переводимых источников также очевидны лакуны. Упомяну хотя бы отсутствующие в русских переводах сочинения Иоанна VI Кантакузина, Халкокондила и Критовула... Правда, в настоящее время, насколько мне известно, в издательстве «Дмитрий Пожарский» осуществляется издательский проект «Мириовивлион». Там готовятся переводы Зосима, «Пасхальной хроники», Симеона Логофета,

Псевдо-Симеона, Иоанна Скилицы и др. Такая инициатива не может не приветствоваться.

Очевидный минус – неучастие отечественных ученых в крупных международных проектах, как *Corpus Fontium, Tabula Imperii* и т.п.

За последние годы произошла ощутимая смена поколений и ориентиров. От нас, один за другим, ушли многие выдающиеся ученые и организаторы науки: З.В. Удальцова (1918–1987), М.Я. Сюзюмов (1893–1992), А.П. Каждан (1922–1997), Г.Л. Курбатов (1929–2003), С.С. Аверинцев (1937–2004), Г.Г. Литаврин (1925–2009). Наука осиротела. Как в отечественном, так и в зарубежном византиноведении (с кончиной Н. Икономидиса, И.И. Шевченко, Р. Браунинга, А. Лайу) и уходом из университетов и научных центров Ж. Дагрона, А. Кариле и многих других) наблюдается отсутствие лидеров научных школ и направлений. Реальным проявлением этого становится измельчение тематики, преобладание книг, где под одной обложкой с броским названием присутствуют по сути разные частные сюжеты. Быть может, в этом тоже есть закономерность и логика. Но развитие науки вне научных школ и направлений чрезвычайно сложно. Поэтому задача укрепления, консолидации, а где можно создания школ есть первейшая задача византиноведения. В нашей стране она стимулируется несомненным ростом интереса к истории Византии широких слоев населения, выходом на телеэкраны фильмов и передач, посвященных Византии, бурному распространению любительских и профессиональных сайтов в русскоязычном интернете. Качество всех этих массмедиа продуктов неодинаково. Некоторые из них получают научную апробацию и одобрение, некоторые дискуссионны, иные искажают и вульгаризируют историю. Для унификации и научной экспертизы всего этого нужен профессиональный портал, обладающий доверием и признаваемый нашим сообществом. Таковой планируется создать в МГУ и мы готовы обмениваться баннерами и информацией с серьезными научными сайтами других центров.

Сейчас отчетливо видно, что будущее любой науки, и нашей в частности, невозможно без интернета, без компьютерных технологий, без общения в сети (я исключаю из этого «мусор», нередко содержащийся в разнообразных блогах). И в академической переписке, и в подготовке публикаций, компьютер и Интернет занимают первое место. Поэтому и необходимо создание общего информационного ресурса, не дробление усилий, а их консолидация на серьезной, продуманной основе, при открытости и пополняемости баз данных. Открытость подразумевает неконъюнктурность, неангажированность, допуск разных мнений и по-

зиций, без какого-либо ограничения, за исключением научной экспертизы релевантности материалов. Научные и учебные порталы и базы данных не должны быть полем для дилетантов и графоманов. Они призваны содержать выверенную и верифицированную информацию. Все это вопрос и энтузиазма, и ресурсов. Привлечение грантов, дополнительных источников финансирования - задача как создателей ресурсов, так и Национального комитета.

Несколько слов о проблемах нашей Ассоциации. Она имеет междисциплинарный характер, ибо включает и историков, и филологов, и искусствоведов, и археологов, и философов, и юристов, и представителей многих иных наук, включая информатику и математические дисциплины. В этом ее сила и преимущества. Она давно и хорошо инкорпорирована в международные научные структуры, и ее члены участвуют уже на протяжении многих десятилетий в международных конгрессах византистов. Руководители нашего национального Комитета — З.В. Удалцова, Г.Г. Литаврин — являлись вице-президентами и членами бюро Международной Ассоциации византистов, влияли на принятие ответственных решений всей нашей ученой корпорации. Делаем мы это в меру сил и сейчас. Однако структурная и организационная неформальность нашего Национального комитета мешает его плодотворной работе. Сейчас он является частью Национального Комитета историков России, но не имеет юридического лица. Оплата сравнительно небольших ежегодных взносов в казну Международной Ассоциации каждый раз становится проблемой и требует привлечения ресурсов отдельных учреждений, как Исторический факультет МГУ, ИВИ РАН, Инслав, Институт Археологии РАН, Эрмитаж и др., где византиноведческие исследования занимают весомое место. Но это не решение проблемы. Необходимо более четкое оформление членства и структуры Национального комитета, планирование и координирование научных конференций, издательской деятельности, иных мероприятий. Созыв всероссийских конференций византистов должен стать делом не отдельных энтузиастов и даже не отдельных организаций, как сейчас, а делом всех членов Национального комитета.

Уверен, что развитие российского византиноведения — важнейшая задача всего исторического сообщества нашей страны. Оно может и должно основываться на солидной университетской подготовке, при условии поддержания и развития научных школ, первостепенного внимания к изучению древних и новых языков, специальных дисциплин.

Л.Т. Авилушкина

Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности рукописной традиции Хроники Михаила Глики*

Всемирная хроника византийского писателя XII в. Михаила Глики, состоящая из 4 частей (первая содержит подробное описание шести дней творения и богословские рассуждения автора; вторая — ветхозаветную историю; третья — историю Римской империи и новозаветную; четвертая — историю Византийской империи до 1118 г.), является оригинальным по композиции и содержанию памятником византийской хронографии¹. Она имеет богатую рукописную традицию (шестьдесят кодексов XIII–XVIII вв., из них двадцать представляют наибольшее значение для изучения истории текста памятника).

В 1660 г. греческий текст хроники Михаила Глики был издан Ф. Лаббе. В основу издания была положена рукопись, имеющая лакуны. Дополнительные материалы из рукописей, поступивших к издателю позднее, были помещены в примечаниях, с указанием какие и к какой части относятся. Перед началом Хроники Ф. Лаббе напечатал текст Пинакса (Πίναξ) из кодекса Fontisebraldensi (F). В примечаниях к первой части были помещены два варианта прозаического заглавия из кодексов Vallicellianus (V) и F, два варианта стихотворного заглавия из кодексов Claromontanus (C) и F; тексты пяти дополнительных фрагментов (три из кодекса C во второй части; два из кодекса F в третьей части); к перечню византийских императоров заглавия из трех кодексов (F — σύνοψις ὡς ἐν πίνακι τῶν βασιλέων, V — βασιλεῖς Κωνσταντινουπόλεως ἐντεῦθεν ἐσχέχασιν τὴν ἀρχήν, C — οἱ βασιλεῖς οἵτινες ἐβασίλευσαν ἀπὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου) и текст самого перечня, содержащий имена императоров от Кон-

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 09–01–00205а.

¹Krumbacher K. Michael Glykas // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der Kaiserlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. 1894. Ht. 3. München, 1895. S. 391–460; Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ. Η Εξαήμερος του Μιχαήλ Γλυκά: Μία εκλαϊκευτική επιστημονική πραγματεία του 12ου αιώνα // Βυζαντινά. 1994. Τ. 17. Σ. 7–70; Авилушкина Л.Т. Структурные особенности Хроники Михаила Глики // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. С. 199–206.

стантина Великого до Иоанна Комнина с указанием времени правления каждого, а также тексты для восполнения лакун из кодексов V и F (одиннадцать — в первой части, два — во второй, три — в третьей). Текст первого издания хроники Глики был перепечатан в Боннском корпусе (1836) и в Греческой Патрологии Миня (Т. 158, 1866), в которых лакуны были восполнены текстами, напечатанными Ф. Лаббе в примечаниях, а дополнительные фрагменты помещены в подстрочные примечания².

Изучение доступных нам списков хроники Михаила Глики проводилось *de visu*, по микрофильмам, ксерокопиям и CD. Марцианский кодекс, датируемый XIII в. (Marcianus gr. 402), содержит полный текст Хроники Глики. Краткий просмотр списка *de visu* позволил определить, что в нем содержатся четвертый и пятый дополнительные фрагменты, имеется заглавие к четвертой части хроники *οἱ βασιλεῖς Κωνσταντινουπόλεως ἐντεῦθεν ἐσχέμασι τὴν ἀρχήν*, которое совпадает с заглавием к перечню византийских императоров, напечатанному Ф. Лаббе из кодекса V. В нем также присутствуют тексты для восполнения большей части лакун. Куаленовский и Венский списки, датируемые XV в. (Paris Coisl. 312, Vind. hist. gr. 79), содержат полный текст хроники, прозаические заглавия, которые совпадают с заглавием, приведенным Ф. Лаббе из кодекса V, четвертый дополнительный фрагмент. В них есть такое же заглавие к четвертой части, как в Марцианской рукописи и тексты для восполнения лакун. Парижский, Мюнхенский и Венский кодексы, датируемые XVI в. (Paris gr. 1719, Monac. gr. 434, Vind. hist. gr. 28), содержат полный текст хроники, прозаические и стихотворные заглавия, которые совпадают с приведенными Ф. Лаббе из кодекса F, четвертый и пятый дополнительные фрагменты, совпадающие с текстами, приведенными Ф. Лаббе, а также тексты для восполнения лакун. Имеющиеся в этих трех рукописях заглавия к перечням византийских императоров совпадают с заглавием, напечатанным Ф. Лаббе из кодекса F, а перечени за исключением незначительных разночтений совпадают с приведенным Ф. Лаббе. Мюнхенский и Пражский списки датируются XVI (Monacensis gr. 152, Strahov. II. D.G. 6). Полный текст хроники содержится в Мюнхенском кодексе, в Пражском находится неполный ее текст (первая, вторая, третья и первая половина четвертой части). В обоих кодексах находятся стихотворные заглавия, в которых имеются строки, приведенные Ф. Лаббе из кодекса C и из кодекса F, четвертый и пятый дополнительные фрагменты,

²Авилушкина Л.Т. Особенности и характер изданий Хроники Михаила Глики // АД-СВ. 2009. Вып. 39. С. 389–397.

совпадающие с текстами, напечатанными Ф. Лаббе, а также тексты, восполняющие лакуны. Перечни византийских императоров в этих двух кодексах приведены без заглавий, а их тексты за исключением небольших разночтений совпадают с перечнем, напечатанным Ф. Лаббе. Для пяти рукописей (Paris gr. 1719, Monac. gr. 152 и 434, Vind. hist. gr. 28, Strahov. II. D.G. 6) характерна одна общая черта — наличие большой смысловой лакуны достаточно значительного объема (Bonn 106.8–115.15). Еще одной особенностью этих пяти кодексов является наличие в них текстов Пинаксов, которые, по нашим наблюдениям, отличаются от Пинакса, напечатанного Ф. Лаббе. В Вольфенбюттельской рукописи, датируемой XV в. (Guelf. Gudian gr. 54), и в Берлинской, датируемой XVI в. (Berol. gr. 235), содержатся неполные тексты хроники (первая, вторая, третья и начало четвертой части), тексты всех пяти дополнительных фрагментов, совпадающие с напечатанными Ф. Лаббе, тогда как тексты, которые приведены Ф. Лаббе в примечаниях для восполнения лакун, в них отсутствуют. В этих двух списках присутствуют перечни византийских императоров с заглавием, которое совпадает с заглавием, напечатанным Ф. Лаббе из кодекса С; а их тексты совпадают с перечнем, приведенным Ф. Лаббе. Петербургский кодекс, датируемый XVI в. (Q 7), содержит почти полный текст хроники (Bonn 3–603), стихотворное заглавие, которое совпадает с заглавием, приведенным Ф. Лаббе из кодекса Е, четвертый дополнительный фрагмент, тексты для восполнения большей части лакун. В то же время в Петербургской рукописи по сравнению с текстом хроники, изданном в Боннском корпусе, присутствуют дополнительные фрагменты (два — в первой части; четыре — во второй; восемь — в третьей), которые отсутствуют в перечисленных выше рукописях.

А.А. Адашинская

Институт славяноведения РАН (Москва)

Погребальные церемонии и иконографическая программа нартекса: Case study монастыря Козия

Согласно традиции ктиторского права, в обязанности ктитора входили постройка здания монастыря, снабжение его всем необходимым для литургии и обеспечение его материальной базой в виде дарованных земель¹. Ктиторские права имели ритуальный характер и выражались в наличии портрета основателя и его погребения в церкви, ежегодных и

¹Троицки С. Ктиторско право у Византији и Немањинској Србији // Глас СКА. 1935. Т. 168. С. 81–94.

еженедельных поминовениях, в соответствии с указаниями типиконов². Хотя типикон монастыря Козия не сохранился, из многочисленных грамот³ мы знаем, что валахский воевода Мирча чель Бэтрын «воздвиг его от основания» в 1387 или 1388 г.⁴, снабдил обширными земельными владениями и утвердил здесь первого игумена, попа Гаврилу. Осуществление ктиторских прав, таким образом, соответствовало эсхатологическим ожиданиям средневекового человека, а потому Мирча чель Бэтрын, чей переписанный в 1517 г. вотивный портрет помещен на западной стене наоса⁵, построил монастырь «на помин своей души» «ради спасения», и определил место для своего гроба в нартексе церкви Св. Троицы.

Когда 31 января 1418 г. воевода Мирча умен, его тело было перенесено из резиденции в Арджеше в Козию для погребения в церкви св. Троицы⁶, где в нартексе, уже было подготовлен саркофаг. До наших дней сохранились лишь его обломки, и даже само место захоронения воеводы в храме известно не точно⁷; реконструкция гробницы сейчас находится в юго-восточной части нартекса. В данной статье мы попытаемся показать, как выбор притвора в качестве места для захоронения повлиял на его иконографическую программу, и попробуем более точно определить расположение надгробия в пространстве нартекса.

Именно в нартексе, относительно небольшом (7, 30 × 6, 30), вытянутом по оси восток-запад помещении, сохранилась первоначальная живопись XIV в. Верхние части стен и свод занимает синаксарь, средний регистр восточной стены — построчная иллюстрация акафиста. В среднем регистре южной, западной и северной стен помещены сцены вселенских соборов, включающих также видение Кирилла Александрийского над западным входом, и чудо с мощами св. Евфимии Халкидоской (северная стена). В нижнем ярусе расположены изображения отшельников и монахов с раскрытыми свитками. Также на восточной стене наоса на-

²Милаш Н. Ктитори, њихове дужности и права // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1925. Т. 5. С. 113–116.

³Всего Мирчей было дано Козии семь основательных, дарственных и иммунных грамот в 1387, 1388, 1389, 1392, 1402–1403, 1404–1406, 1415 гг. (Documenta Romaniae Historica, B. Țara Românească. Vol. I (1247–1500) / ed. P. Panaitescu. București, 1966. № 8 (P. 24), 9 (P. 25–27), 10 (P. 28–29), 17 (P. 42–43), 25 (P. 58–59), 28 (P. 63–65), 37 (P. 78–80).

⁴Barbu D. Pictura murală din Țara Românească în secolul al XIV-lea. Bucarest, 1986. P. 60.

⁵Vaida G. Mănăstirea Cozia. București, 1977. P. 56.

⁶Giurescu C., Giurescu D. Istoria Românilor. Vol. 2: De la mijlocul secolului al XIV-lea pînă la începutul secolului al XVII-lea. București, 1975. P. 90. Panaitescu P. Mircea cel Bătrân. București, 1944. P. 344–345.

⁷См. Vaida G. Op. cit P. 58–60.

ходятся две небольшие ниши, с очевидно литургической иконографией: кормление Ильи вороном (северная) и жертвоприношение Авраама (южная). По сторонам от прохода из нартекса в наос стоят архангелы Михаил (с мечом, с северной стороны) и Гавриил (со свитком, с южной).

По крайней мере, часть этой иконографической программы можно объяснить погребальными или поминальными обрядами, проводившимися в этом помещении. Византийские погребальные обряды и поминальные практики разделяются на три категории: 1) подготовка тела к упокоению, которая происходит в доме умершего, если он светское лицо, или в монастырской кельи, если он монах; 2) предваряющая непосредственно погребение, церемония протесиса, для которой положенное в гроб тело обычно выставлялось в нартексе, что позволяло родственникам умершего в последний раз проститься с ним; 3) поминальные практики, включавшие службы на 3, 9 и 40 дни после смерти, а также недельные и годовичные поминовения⁸.

Поскольку в пространстве храма проходили только последние две группы обрядов, именно к ним стоит обратиться подробнее. Для обряда протесиса тело полагалось посреди нартекса в гробу на возвышении, с приподнятой на подушке головой и лицом, обращенным на восток, ожидая грядущего воскресения⁹. Таким образом, в нартексе Козии покойный смотрел на восточную стену, где находится цикл акафиста¹⁰, а также изображения архангелов по сторонам от входа: Михаила с мечом и Гавриила со свитком, содержащим текст: «мжжіе зрите мечь его же приносить Михайль при двѣрѣхъ». В образующейся здесь иконографической схеме, Гавриил вступает в диалог с покойным и присутствующими в храме, указывая им на находящегося с другой стороны от входа архангела, а проход в наос становится образом райских «дверей», к которым обращен покойный, и при которых Михаил является стражем¹¹. Более того, в некоторых редакциях евхология чин погребения начинается со слов 117 псалма: «Отворите мне врата правды; войду

⁸Kyriakakis J. Byzantine burial customs: care of the deceased from death to the. Prothesis // The Greek Orthodox Theological Review. 1974. Vol. 19. P. 37–72.

⁹Ibid. P. 55.

¹⁰Peltomaa L.M. The image of the Virgin Mary in the Akathistos hymn. Leiden, 2001. P. 74–75, 178, 204.

¹¹Афиногенова О.Н. Культ архангела Михаила в Византийской империи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. P. 30–32, 142–145.

в них, прославлю Господа»¹². Таким образом, все пространство восточной стены нартекса «изображает» то, о чем говорить в службе.

Поминальные церемонии, по-видимому, проходили в Козии также в нартексе, о чем говорят расположенные в южной стене ниши с литургическими сюжетами. Однако, ввиду отсутствия у нас типикона монастыря сложно сказать, какой именно вид службы здесь использовался: в Козии могли пользоваться какой-то славянской редакцией Евергетидского типика, т.к. духовный отец Мирчи, Никодим Тисманский, принимавший участие в постройке и организации монастыря¹³, был членом братии афонского Хиландара, чей типик является редакцией Евергетидского¹⁴. С другой стороны, в XIV в. Иерусалимский устав практически вытесняет все другие типиконы, в том числе и в сербских монастырях¹⁵. В пользу первой гипотезы говорит сходство пространства нартекса Козии с припратами рашских храмов, имевших по сторонам капеллы для проведения поминальных церемоний; в пользу второй — состав живописного синаксаря, который отличается от Евергетидского и наиболее близок к Стишному Прологу. Так или иначе, в обоих типаках есть указание на поминальные службы, проводимые в нартексе, причем в случае Иерусалимского типика — это вечерня с пятницы на субботу, когда поются «за мрътвыхъ двѣ кирь ігзана дамаскина»¹⁶. По сообщению Симеона Солунского также и «последование Акафиста весьма многие совершают в каждый вечер пятка»¹⁷. Таким образом, появление цикла акафиста в нартексе может объясняться имевшей здесь место поминальной службой вечером пятницы.

Возвращаясь к вопросу о местоположении саркофага воеводы Мирчи, мы можем выдвинуть еще одну гипотезу. Современное положение надгробной плиты, кажется не первоначальным в силу ее слишком близкого соседства с одной из литургических ниш в восточной стене. Более того, традиционно в византийских церквях продольная часть гробницы находилась возле стены, что здесь отсутствует. Однако изображения

¹²Velkovska E. Funeral Rites according to the Byzantine Liturgical Sources // DOP. 2001. Vol. 55. P. 36–37.

¹³Turdeanu E. Études de littérature roumaine et d'écrits slaves et grecs des principautés roumaines. Leiden, 1985. P. 17–37. Documenta Romaniae Historica. B. № 32. P. 70–71.

¹⁴Живојиновић М. Хиландарски и Евергетидски типик. Подударности и разлике // ЗРВИ. 1994. Т. 33. С. 85–101.

¹⁵Пентковский А.М. Иерусалимский типикон в Константинополе в Палеологовский период // ЖМП. 2003–2005. С. 77–87

¹⁶Типик архиепископа Никодима / Под ред. Л. Мирковића. Београд, 2007. С. 286.

¹⁷Симеон Солунский, архиепископ Фессалоникийский. Сочинения. М., 1994. С. 471.

монахов в нижнем ярусе фресок могут указать на возможное первоначальное положение гроба. Большинство текстов на их свитках посвящено правилам монастырской жизни и происходят из дидактических сочинений, и только один, св. Иоанн Чудотворец, держит в руке свиток с надписью: «*члцн что въ сѣ матеѣмъ пѣтъ краткѣ ѣмъ же тѣчемъ*» — этими словами начинается надгробный тропарь, приписываемый Иоанну Дамаскину¹⁸. Само изображение св. Иоанна Чудотворца расположено в западной части южной стены, что как нельзя точнее соответствует традиционному месту установки саркофагов¹⁹.

З.А. Акопян

Ереванский государственный университет

Возвращение Животворящего Креста в памятниках армянской скульптуры VII в.

VII столетие — один из самых значимых периодов в истории армянского средневекового искусства, а также армяно-византийских отношений. Памятники армянской архитектуры этого периода в отличие от византийских храмов имеют богатое внешнее убранство, однако композиции рельефных изображений, представляющих подчас совершенно оригинальные иконографические схемы, во многом восходят к византийской традиции.

В армянской пластике VII в. особое место занимают рельефные композиции Мренского храма (639–640), выявляющие характерную для эпохи близость к византийской иконографии. Западный вход в Мренский храм украшает монументальная композиция с изображением Христа, архангелов, апостолов и ктиторов, не имеющая прецедента в армянском искусстве. Другой рельеф (Рис. 1), расположенный над северным входом, представляет сцену поклонения Кресту, которая, будучи не совсем понятной с точки зрения канонической иконографии, была определен С. Тер-Нерсисян как *харах*. И действительно, данная композиция не находит параллелей в памятниках восточнохристианского искусства.

На Мренском рельефе представлены три фигуры; одна, стоящая в центре, водружает Св. Крест, а две других подходят к нему. Фигура справа представляет духовное лицо, так как имеет кадило в руке, а за ним —

¹⁸Жития святых по изложению святителя Димитрия митрополита Ростовского. Т. 12. Месяц декабрь. Барнаул, 2003–2004. С. 73 (день 4).

¹⁹Поповић Д. Српски владарски гроб у средњем веку. Београд, 1992. С. 145.

Рис. 1. Мрен. Рельеф северного входа.

символическое Древо жизни. Исследователи по-разному трактуют данную сцену. Одни видят здесь траурное шествие (Б. Аракелян), другие — сцену закладки храма (М. Саргсян, Л. Азарян). И только Н. Тьерри совершенно справедливо связывает сцену мренского рельефа с событиями возвращения Животворящего Креста в Иерусалим. Такая интерпретация верна уже потому, что только событие общехристианской значимости могло послужить сюжетной основой для декорации средневекового храма.

До последнего времени композиция северного входа в мренский

храм представляла собой единственный подобный сюжет и поэтому оставалась малопонятной и малоизученной. Теперь же, на примере заново открытой плиты из Кохба, мы имеем вторую подобную композицию, что дает возможность вновь вернуться к данному сюжету.

Рис. 2. Рельефная плита из Кохба.

Из Кохба происходит рельефная плита, некогда украшавшая церковный вход (Рис. 2). Здесь в центре представлен большой крест на ступенчатом основании, к которому с левой стороны обращены три фигуры, а справа изображено большое пальмовое дерево. Идентичность сюжетов Мрена и Кохба не вызывает сомнения, так как здесь совпадает не только общее композиционное построение, но и ряд деталей, таких как количество представленных фигур, Крест, которому поклоняются, и символическое дерево.

Соглашаясь в общих чертах с интерпретацией Н. Тьерри, видевшей в мренском рельефе возвращение Св. Древа императором Ираклием, мы констатируем тот же сюжет в Кохбе. Мы также считаем, что сюжет данных рельефов связан с реалиями как византийской, так и армянской

истории: изображенный в центре император Ираклий, окружен историческими персонами, представляющими светскую и духовную власть Армении, которые вместе поклоняются Св. Кресту. Такое видение продиктовано целым рядом обстоятельств.

Победоносное возвращение Св. Древа (630 г.), которое имело огромное значение для всего христианского мира, в то же время было чрезвычайно важным событием в контексте истории Армении, так как военные действия византийско-персидской войны происходили на ее территории, а армянские князья со своими дружинами воевали на стороне Византии. Из Армении начинался и путь торжественного возвращения Св. Креста в Иерусалим, сопровождаясь процессиями и службами в церквях. Примечательно также, что в эпиграфике Армении, в надписях церковей Мрена (639–640 гг.), Аламана (637 г.) и Багавана (639 г.), упоминается император Ираклий. Очевидно, что события византийско-персидской войны и возвращение Св. Древа были восприняты армянским народом как реалии собственной истории и в этом смысле весьма показательным возникновением на протяжении веков множества устных и письменных преданий о Кресте (повесть о Хационском Кресте, Каринский Крест, Крест Цицерна, Апаранский Крест и т. д.), а также постройка ряда монастырей и церковей во имя Св. Креста (Хачкаванк, Сурб Ншан, Св. Креста в Заринджа, первая четверть VII в и др.).

А.И. Александрова

Санкт-Петербургский государственный университет

Неопубликованное петербургское житие Иоанна Златоуста и агиографическая традиция

Текст неопубликованного жития Иоанна Златоуста, о котором идет речь в данном докладе, содержится в рукописи № 213 (греч.), хранящейся в Российской национальной Библиотеке. Житие не только не публиковалось, но и никогда всерьез не изучалось на предмет авторства, датировки, художественно-литературной и исторической ценности. Поэтому одной из наших основных задач является изучить житие и найти его место в контексте других житий святого. Для этого необходимо познакомиться с агиографической традицией текстов об Иоанне Златоусте. В этом докладе мы рассмотрим несколько поздних житий Иоанна Златоуста, по стилю и манере изложения фактов сходных с нашим житием.

Среди всех опубликованных на данный момент жизнеописаний святого наиболее близким к нашему житию является текст, который содержится в Ватиканском кодексе № 1669 (BHG 875d) и опубликован

Ф. Алкеном¹. Тексты не просто похожи по излагаемым в них фактам (иногда, как мы увидим, это даже вовсе не так), но подчас целыми страницами дословно повторяют друг друга. Впрочем, ни про одного из авторов нельзя сказать, что он просто копирует текст другого. Параллельное сравнение текстов показало, что часто тексты различаются в отдельных словах, которые по разным причинам предпочел один из авторов, в других же местах они разнятся в выборе фактов, излагаемых авторами. Кроме того, значительное число орфографических, грамматических и синтаксических ошибок в нашем тексте говорит о недостаточной грамотности нашего автора (или же переписчика), а их отсутствие в сравниваемом тексте, напротив, об образованности автора ватиканского жития. Проведенное сравнение показало, что если и существует непосредственная связь между этими текстами, то заимствование происходило из нашего текста в текст 875d. Впрочем, различия в текстах показывают, что, либо наше житие было всего лишь одним из источников, либо, что кажется более вероятным, оба заимствовали из некоего общего, очень близкого и тому, и другому, текста.

Интересным является и сравнение с другим житием, текст которого содержится в кодексе № 73 Ватопедского монастыря (ВНГ 874h) и опубликован Оммеслеге². Текст его пересекается не столько с текстом нашего жития, сколько с текстом жития 875d, где в некоторых эпизодах один порой дословно повторяет другой. При этом надо отметить, что нет ни одного дословного совпадения нашего текста с текстом 874h. Текст Ватиканского кодекса повторяет текст Ватопедского именно в тех местах, где он не совпадает с нашим текстом. В то же время, в других случаях эти тексты довольно существенно отличаются, что говорит о том, что текст 874h скорее всего не был непосредственным источником жития из Ватиканского кодекса. Кроме того, нельзя сказать, что во всех случаях, где текст 875d не совпадает с нашим текстом, он совпадает с текстом 874h, что значит, что у него был еще один источник, отличающийся от нашего текста и текста жития 874h.

Среди наиболее известных и распространенных житий Иоанна Златоуста ближе всего к нашему тексту стоят жития Симеона Метафраста³ (ВНГ 875) и Георгия Александрийского⁴. Считается, что житие Метаф-

¹Halkin F. Douze recits byzantins sur Saint Jean Chrysostome. Bruxelles, 1977. P. 385–428.

²Ommeslaeghe F. van. Une vie acéphale de Saint Jean Chrysostome dans le Batopedinus 73 // AB. 1976. T. 94. Fasc. 3–4. P. 317–356.

³PG. Vol. 114. Col. 1045–1210.

⁴Halkin F. Op. cit. P. 70–285.

раста находится в прямой зависимости от текста Георгия⁵ (ВНГ 873bd). Подробное сравнение же показывает, что при общей схожести этих текстов, в метафрастовском тексте присутствуют детали, которых мы не видим в житии Георгия, но встречаем в нашем житии. Это свидетельствует о том, что, скорее всего, у жития Метафраста и нашего жития был один, возможно, утраченный источник. В то же время интересной особенностью этих текстов является то, что при схожем изложении одних и тех же фактов мы не встречаем почти нигде дословного совпадения. Один автор пересказывает другого, пользуясь своими, на его взгляд более подходящими словами, и, таким образом, проявляет себя не просто как переписчик, но и как создатель собственного уникального текста.

В целом, нужно отметить, что отношения зависимости даже между такими, в целом похожими друг на друга текстами сложнее, чем они могут показаться на первый взгляд. Сравнение показывает, что жития не просто бездумно переписываются, но их авторы заимствуют сведения из разных источников, преобразуют свой текст в соответствии со своим уровнем образованности, дополняют или сокращают повествование, уделяя большее или меньшее внимание отдельным фактам или сторонам деятельности святого. Таким образом, агиографическая традиция текстов об Иоанне Златоусте чрезвычайно богата и представляет собой интересный материал для дальнейшего изучения.

В.А. Арутюнова-Фиданян

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Образ армян в византийских источниках X–XI вв.*

Сотни монографий и статей посвящены армянам в Византии и византийскому присутствию в Армении (т. е. персоналиям и военно-политической истории), а также догматическим и иерархическим разногласиям Армянской и Византийской Церквей, однако исследований образа армян, созданного византийцами (вне их догматического противостояния), не слишком много. В историографии преобладают две тенденции: 1. византийцы предвзято (негативно) относятся к армянам, перенося неприятие «армянской» веры на ее приверженцев; 2. анализ сведений об армянах (императорах, полководцах, интеллектуалах, чиновниках, церковниках и т. д.) показывает, что единого образа армян

⁵Древние жития святителя Иоанна Златоуста / Под ред. А.И. Сидорова. М., 2007. С. 56.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а.

в византийских письменных источниках не существовало, они оцениваются в зависимости от социальной, экономической, политической, а главное конфессиональной позиции автора того или иного сочинения.

А между тем во второй половине IX в. (с ослаблением Арабского халифата и возобновлением армянской государственности) под пером патриарха Фотия появляется образ Армении и ее правителя, князя князей Ашота Багратуни, «возлюбившего общее для всех христиан царство», т. е. Византийскую империю. В письме патриарха Николая I Мистика, обращенном к армянскому католикосу Иоанну Драсханакертци (начало X в.), вновь возникает образ Армении, которая может не только принять политическое покровительство, но и веру ромеев.

«Закавказское досье» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (сер. X в.) рассматривает армянских владетелей как вассалов империи, вводя их в систему «духовных» родственных связей («сыновья» и «друзья» византийского императора), а также в систему титулов, жалуемых императором его контрагентам.

Образ Армении в трактате «Об управлении империей», строго говоря, нельзя назвать византийским портретом, поскольку его писали армяне на службе империи. Однако представление об армянских землях, как неотъемлемой части империи, а об армянах, как подданных византийского императора, является частью государственной идеологии и политики.

Позитивный образ Армении и армян органично вошел в византийскую историографию в период присоединения большей части армянских территорий к империи в X–XI вв. Скилица и Атталиат, свидетели инкорпорации армянских земель, рассматривают армянских владетелей как вассалов византийских императоров, передающих свои земли сюзерену, а когда армянские царства и княжества преобразовываются в византийские военно-административные округа, они становятся частью империи, а их население и наместники (в основном, из местной знати) становятся ромеями по государственной принадлежности. Иоанн Скилица и его Продолжатель с одобрением рассказывают о представителях армяно-халкидонитской аристократии на службе империи. Героем последних разделов «Обозрения» Скилицы стал полководец Катакалон Кекавмен (отвага, мужество, воинские таланты и т. д.) и даже его прибытие в константинопольский дворец синхронизируется и сопоставляется с коронацией Исаака I Комнина в 1057 г.

В конвое единственной рукописи «Стратегикона» Кекавмена находится несколько сочинений, направленных против «ереси армян», а в

самом тексте рукописи отношение к армянам достаточно благожелательное, что, по-видимому, нельзя объяснить только родственными связями Кекавмена. Близость Кекавмена, Скилицы и его Продолжателя к армяно-халкидонитским кругам не вызывает сомнений, Атталиат также происходил из Малой Азии, а именно в их трудах начала формироваться идеология военной аристократии и новая парадигма императора (дальнейшее развитие общественной мысли Византии, закрепляющее аристократическую кастовость в имперском менталитете содержится в сочинениях Анны Комнины и Никифора Вриенния). В произведениях историографов X–XI вв. находит отражение «образ армянина»: вассала, полководца, приближенного императора и даже лица, возводящего императора на престол, т. е. возникает образ не «чужого», но по-своему близкого мира, что способствует утверждению в Византии имманентных армянскому миру феодальных добродетелей.

Мы можем констатировать, что негативный «образ армян» в империи, сложившийся на основе богословской полемики против армянской (монофиситской церкви), отличается от вполне позитивного образа, появившегося в византийской историографии в период генезиса и существования контактной зоны. Положительный образ армян в Византии в X–XI вв. представляет собой явный коррелят (парадоксально для периода экспансии) позитивного (иногда даже панегирического) образа Византийской империи, который в то же время возникает и развивается в армянской средневековой историографии. Этот феномен находит объяснение в концепции генезиса и существования уникального цивилизационного типа в зоне контакта византийского и армянского субстратов, слияние которых породило новую общественную модель — «синтезную контактную зону» X–XI вв. В рамках этой модели и происходили этно-культурные, конфессиональные и ментальные процессы взаимовлияния, трансформировавшие «образ чужого».

Н.Д. Барабанов

Волгоградский государственный университет

Достойны ли именоваться христианами?

Иосиф Вриенний о религиозности византийцев XV в.

Изучение специфики византийского христианства на его народном, или, лучше сказать, повседневном уровне, предполагает анализ аспекта, который можно было бы назвать «пастыри о пастве». Многочисленные проповеди, послания или иные творения, адресатом которых являлись

массы прихожан, содержат помимо традиционной увещательной риторики ценные сведения о воззрениях и религиозном поведении рядового населения империи. В полной мере это относится к трудам Иосифа Вриенния.

Монах Иосиф Вриенний (ок. 1350 — ок. 1431 гг.) — заметная фигура в истории поздневизантийской церкви. Известно, что ему выпало на долю занимать должность священнопроповедника на Крите, быть придворным проповедником, преподавать и одновременно возглавлять патриаршую академию. Во время важных переговоров с кипрской церковью он исполнял обязанности патриаршего местоблюстителя на острове, а затем представлял Византию на Констанцском соборе. Функции Вриенния в константинопольском патриархате и при императорском дворе, поручения и миссии, которые ему доверялись, а также деятельность в столице, свидетельствуют об активном участии в политической и церковной жизни. Переменчивая судьба заставляла инока постоянно быть в гуще событий, иметь обширный круг общения. По этой причине изначально можно предполагать, что Вриенний обладал уникальной степенью информированности о положении дел в обществе и церкви, как в центре империи, так и на ее окраинах. Для нас особенно важно то, что его наблюдения, прямые свидетельства очевидца, нашли отражение в изрядном количестве сочинений, среди которых имеются богословские и полемические трактаты, проповеди и письма. Изучение данного наследия неизбежно приводило к тому, что в центре внимания исследователей оказывался сам Иосиф Вриенний, его богословские и общественно-политические воззрения. Однако труды мыслителя представляют большой интерес и тем, что содержат в себе описание конкретных реалий византийской истории и повседневного бытия ромеев. В частности, в нескольких творениях инок затрагивал тему религиозного сознания и поведения своих современников, что позволяет нам рассмотреть сохранившиеся данные в контексте темы, заявленной в названии доклада.

Сведения о религиозном состоянии общества и о положении дел в церкви рассыпаны по многим произведениям Иосифа Вриенния, но особое внимание он уделил данному сюжету в «Прощальном слове критянам», в «Третьей речи по поводу Спасительного Распятия от 14 апреля 1419 г.», а также в «Сорока девяти главах», которые представляют собой сокращенное собрание его миссионерских проповедей. В указанных творениях автор стремился доказать пастве, что главной причиной бедствий, переживаемых византийцами, является их собственная

греховность и многочисленные отклонения от норм христианской веры. Он находил серьезные недостатки в служении клира и в поведении монашества, но особенно сурово и эмоционально критиковал рядовых верующих. Как строгий ревнитель чистоты Православия инок создал перечень недопустимых, по его мнению, явлений в жизни христиан. В него вошло сорок пунктов, которые в совокупности составляют яркий очерк религиозной этнографии Византии первой половины XV в. Следует особо подчеркнуть, что данный материал лишен риторических преувеличений и не сводится к традиционным сетованиям и брюзжанию по поводу всеобщей распущенности и деградации. Сведения из перечня подвергаются проверке свидетельствами других источников. Сопоставление с соответствующими материалами из канонов Трулльского (V–VI-го) собора, из сочинений Феодора Вальсамона, из судебных постановлений патриаршего синода, из разделов номоканонов и исповедальных вопросников, а также других текстов, позволяет определить, какой комплекс представлений и ритуалов стоит за тем или иным свидетельством Вриенния. Кроме того, суть многих явлений из религиозной жизни византийцев XV в. становится более понятной при сравнении с данными греческой этнографии времени туркокрации и периода XIX–XX в.

Приводимые Вриеннием факты подвергнуты систематизации и включены в общий фонд сведений о народной религиозности византийцев. Так, к примеру, большое внимание им было уделено увлечению ромеев мантикой в форме гадания по частям тела и на ячмене, по полету и крику птиц и толкования сновидений. Отмечены также составление прорицаний, занятия астрологией и ежедневные обращения к волхвам и предсказателям. Вриенний зафиксировал устойчивое сохранение магических действий, совершаемых для плодородия полей, приплода и здоровья скота, удачной охоты, обильного урожая виноградников. Не ушли из календаря византийцев праздники языческого происхождения, отмечаемые с присущими им ритуалами, карнавальными обрядами и прыганием через костры. Вриенний знал об активном использовании амулетов и талисманов, о продолжающемся поклонении дубравам и о сохранении верования в населяющих море нереид. Перечисленные, а также многие другие приведенные в трудах инокa сведения обладают особой ценностью, которая видится в том, что они составляют целостную картину бытовой религиозности и позволяют видеть в изучаемой теме не совокупность случайных разрозненных девиаций в сознании и поведении, а гармоничный мифо-ритуальный ансамбль, каковым и являлось византийское народное христианство.

К.Ю. Бардола

Харьковский национальный университет им В.Н. Каразина

Византийское налогообложение в российской историографии. Взгляд со стороны

Медиевистика традиционно недостаточно внимания уделяет проблемам налогообложения. Вплоть до периода складывания централизованных монархий налогообложение не играло приоритетной роли в социально-экономическом развитии европейского общества. Однако, чем дальше взгляд медиевиста направляется на восток, тем чаще он может наблюдать почти прямую связь легитимной устойчивости политических элит и состояния государственного налогообложения. В Византийской империи с ее развитыми товарно-денежными отношениями, большой долей городского населения, достаточно многочисленной бюрократической структурой государственного управления налогообложение имело первостепенное значение. Поэтому, любой серьезный исследователь социально-экономической истории Византии, так или иначе, касается проблем византийского налогообложения. Не стало это исключением и для российской историографии. Целая плеяда выдающихся российских византинистов кон. XIX — нач. XX вв., вслед за В.Г. Васильевским посвятили множество работ экономическим проблемам византийского государства. В.Н. Бенешевич, П.В. Безобразов, Д.Ф. Беляев, Ф.И. Успенский, Б.А. Панченко, А.А. Васильев — вот далеко не полный список российских византинистов этого периода, которые открывали для общества экономическую историю Византии¹. До сих пор не потеряли актуальности и вызывают живой интерес их исследования о характере византийской налоговой системы *jugatio-capitatio*, о вопросах коллективной налоговой ответственности, проблематике отдельных налогов, таких как *азрикон*, *капникон*, об особенностях налогообложения Византии XI–XIV вв. и многие др. Однако столь блестящее

¹Васильевский В.Г. Материалы для внутренней истории византийского государства // ЖМНП. 1879–1880. Т. 202–210; Беляев Д.Ф. BYZANTINA: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. I: Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891–1906; Успенский Ф.И., Бенешевич В.Н. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927; Безобразов П.В. Материалы для истории Византийской империи // ЖМНП. 1887–1889. Т. 254–264; он же. Патмоская писцовая книга // ВВ. 1900. Т. 7; Успенский Ф.И. Следы писцовых книг в Византии // ЖМНП. 1885. Т. 240; он же. Византийские землемеры // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т. 2. 1888; Панченко Б.А. О тайной истории Прокопия // ВВ. 1896. Т. 3; он же. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903.

прошлое российской историографии сыграло «злую шутку» с развитием темы византийского налогообложения. Методологическая установка исследования, применяемая еще В.Г. Васильевским, которую кратко можно представить в таком порядке: «источник — систематика — критика — выводы», была достаточно успешной для большинства российских ученых «золотого века» византистики и во многом определила основательность проведенных исследований. Однако с другой стороны внимание византистов было сконцентрировано на периодах, максимально освещенных источниками, периоде IV–V вв. и поздней Византии. Период второй пол. VI–IX вв. остался в значительной мере «заброшенным».

К этому надо добавить характерный интерес российской историографии к проблеме землевладения, в особенности крестьянского землевладения в Византии, что, впрочем, неудивительно, учитывая общественный интерес и политическую обстановку начала XX в. Такие хронологические «предпочтения» и основная проблематика остались во многом неизменными и в дальнейший период развития советского и российского византиноведения. Работы А.П. Каждана, К.А. Осиповой, Б.Т. Горянова, Г.Г. Литаврина, несмотря на несомненную ценность для истории византийского налогообложения, традиционно были сфокусированы на проблемах земельной собственности в Византии и охватывали уже привычный период X–XIII вв.² Затухание основных дискуссий 60–70-х годов о характере византийской экономики, таким образом, во многом определило спад интереса историографии к теме византийского налогообложения.

В последние десятилетия можно наблюдать возрождение интереса со стороны российских исследователей к истории византийских налогов. В первую очередь, это связано с исследованиями К.В. Хвостовой и В.В. Серова³. Трудно переоценить их вклад в развитие данной проблема-

²Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XII–XIV вв. М., 1952; он же. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960; Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960; он же. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977; Осипова К.А. Аллиленгий в Византии в X веке // ВВ. 1960. Т.17; она же. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии в X в // ВВ. 1956. Т.10; Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

³Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского государства — неисследованная тема в отечественной исторической науке // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Всероссийская научно-методическая конференция, ноябрь 1994 г.: тезисы выступлений. Томский государственный университет. Томск, 1994; он же. Финансовая

тики, учитывая отсутствие комплексного исследования данной темы. К тому же В.В. Серов и К.В. Хвостова применяют для исследования византийского налогообложения совершенно новые подходы. Но необходимо отметить, что хронологические рамки их научных интересов остаются прежними, период IV — пер. пол. VI вв. (кодексы Феодосия и Юстиниана), и время поздней Византии. Вероятно подобная хронологическая избирательность при анализе системы налогообложения зачастую приводила к смещению многих общих понятий, несколько неоправданным выводам при попытке дать общую оценку характеру византийского налогообложения, а иногда приводила к ошибочным оценкам и характеристикам отдельных налогов Византии и византийских налоговых терминов.

В этих условиях весьма перспективной и почти необходимой представляется попытка осуществить полноценное комплексное исследование налоговой системы Византии на протяжении всего периода ее существования, с учетом всех достижений историографии Византии и российской византистики в частности.

А.В. Бармин

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Посольство от Урбана II в Константинополь: отзвуки в противолатинской полемике*

Предпринятое по поручению папы Урбана II в 1089 г. посольство в Константинополь исследовалось В. Хольцманном, опубликовавшим основные источники об этом событии, и А. Бекером. При этом ни тот, ни другой исследователь не обратили внимание на то, что в непосредственную связь с посольством можно поставить несколько памятников византийской противолатинской полемики.

О целях посольства сохранились разные сведения. Согласно Гавффреду Малатерре, папа отправил в Константинополь аббата греческого гроттаферратского монастыря в Италии Николая и диакона Рогерия с «отеческим порицанием» императору Алексею I Комнину за то, что последний, по дошедшим до папы сведениям, запретил богослужение на

политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000; *он же*. Общественные представления о правильной финансовой политике в ранней Византии // ВВ. 2004. Т. 63; Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980; *она же*. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб.: Алетей, 2009.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а.

опресноках проживающим в Византии латинским христианам. Ордерик Виталий позже писал, что Урбан II призвал греков, как и «франков», держаться «католической» веры и остерегаться (*ut ... precaverent*) любого отделения «от Божьего закона и церкви». Более подробные сведения содержатся в утвержденном Алексеем I ответном синодальном решении от сентября 1089 г., где говорится, что римский предстоятель искал «мира», «согласия» и возношения его имени за богослужением в Константинополе.

Греческие архиереи признали наличие схизмы, но отметили, что «отделение» римской церкви от греческой произошло не в силу какого-либо соборного решения и потому не является «каноническим». Иерархи согласились возобновить поминание папы за литургией, однако лишь после получения от него «здорового» исповедания веры, в котором, помимо прочего, содержалось бы согласие с не признававшимися на Западе правилами Трулльского собора. Кроме того, римскому понтифику предлагалось в течение полутора лет после присылки своего исповедания веры лично приехать в Константинополь или отправить туда своих представителей для решения существовавших «канонических» вопросов.

По предположению А. Байера, как раз в связи с ожидавшимся в 1090–1091 гг. в Константинополе собором было написано «Слово об опресноках» антиохийского патриарха Иоанна (1089–1100 гг.). Ряд обстоятельств позволяет поддержать это предположение. Так, Иоанн написал «Слово» вслед за предпринятым им с поддержкой василевса и его брата посольством (*πρεσβεΐα*, буквально — «почтение») «ради единства церквей». Такая цель полностью соответствует задачам завязавшихся в 1089 г. переговоров. Кроме того, из синодального решения явствует, что оно принималось при участии антиохийского патриарха, так что тот был полностью осведомлен о возникших в связи с посланием папы вопросах и потому подходил в качестве ответного посла из Византии. Крайне редкое для византийских полемических сочинений XI–XII вв. обозначение противной стороны как «италийцев» уместно связать с тем, что предпринятое «ради единства церквей» посольство должно было вести переговоры с находившимся в Италии Урбаном II. Упоминание в «Слове» о долге василевса заботиться о церковном единстве созвучно явно благожелательному отношению Алексея I к римскому престолу на соборе 1089 г. С упомянутым Иоанном Антиохийским посольством можно связать слова Бернольда Констанцского, согласно которому в 1091 г. находившийся в Кампании Урбан II «был окружен почтением» (*reverentia*) разных «католиков», и прежде всего императора Византии.

Переговоры 1089–1091 гг. могли стать причиной для возникновения еще одного памятника противолатинской полемики — слова «Об опресноках» клавдиупольского митрополита Иоанна. В заглавии и тексте этого произведения нет прямых указаний на время его возникновения. Ж. Даррузес отождествил автора с тем клавдиупольским митрополитом Иоанном, который упомянут в источниках 1092 и 1094 гг. Как представляется, в пользу этого мнения говорит участие не названного по имени клавдиупольского митрополита в заседании синода 1089 г., на котором принималось решение по поводу послания Урбана II. Небольшой временной промежуток между 1089 и 1092–1094 гг., с одной стороны, обращение к вопросу отношений с западной церковью, с другой, совпадение имен, с третьей, позволяют счесть участника синода 1089 г., автора противолатинского сочинения и упомянутого в источниках 1090-х гг. Иоанна Клавдиупольского одним и тем же лицом.

Наконец, с переговорами 1089–1091 гг. можно связать и «Написание» митрополита «Росии» Ефрема. Как я показал ранее, есть основания отождествить его с одноименным переяславским митрополитом, упомянутым в «Повести временных лет» под 1089 и 1091 гг. Еще будучи монахом, он путешествовал в Константинополь, где должен был переписать студийский устав для печерской обители. Однако некоторые данные располагают к мнению, что он ездил туда и позже, уже являясь переяславским митрополитом, и принимал участие в тех же заседаниях синода, в которых участвовал Иоанн Клавдиупольский. Так, именно Ефрем мог подразумеваться под митрополитом «Росии» в синодальном решении по поводу письма Урбана II от сентября 1089 г. Такое предположение хорошо соответствует обращению Ефрема Переяславского к противолатинской полемике вслед за Иоанном Клавдиупольским, поскольку обоим архиереям довелось ранее вместе на заседании синода заниматься вопросом об отношении к западной церкви. Их личное знакомство позволяет объяснить и зависимость сочинения Иоанна от сохранившегося под именем Феодосия Печерского «Вопрошения князя Изяслава».

Как представляется, наблюдения над противолатинскими произведениями Иоанна Антиохийского, Иоанна Клавдиупольского и Ефрема «Росии» показывают, что посольство от Урбана II в Константинополь в 1089 г. вызвало больший отклик в Византии, чем то до сих пор полагалось.

О.А. Барынина

Санкт-Петербургский государственный технологический университет
растительных полимеров

Македонский ренессанс

в исследованиях отечественных византинистов

Понятие Македонского ренессанса было впервые введено Куртом Вайцманом при анализе иллюминированных рукописей X в. в 1948 г.¹ Оставляя за границами данного текста дискуссии о применимости понятия «ренессанс» к византийским реалиям, хотелось бы обозначить те проблемы, которые, на наш взгляд, остаются нерешенными, когда мы говорим о второй пол. IX — первой пол. XI вв. в истории Византии и ее влиянии на Запад и Русь в этот период.

Несмотря на то, что уже в 1971 г. Полем Лемерлем² был дан глубокий анализ этого периода в византийской истории и выявлены характеристики «первого византийского ренессанса» как определенного явления в византийской культуре. До сих пор в отечественном и зарубежном византиноведении, говоря о Македонском ренессансе, имеют в виду прежде всего «возрождение» в художественной культуре Византии, что никак не отвечает всей сложности рассматриваемого периода.

Сегодня в российском византиноведении становится популярным взгляд на Македонский ренессанс как на культурологическую проблему³. С нашей точки зрения, такой подход не оправдывает той многоплановости исторических процессов, которые происходят в этот период.

Другая особенность подхода к проблеме Македонского ренессанса в современном византиноведении — ограничение этого периода деятельностью, главным образом, патриарха Фотия и Константина VII Багрянородного — тоже кажется нам не вполне оправданным.

Примером более плодотворного подхода к рассматриваемому периоду может, на наш взгляд, служить деятельность Византийской комиссии⁴. Назвав изначально свое детище «Константин Порфирородный»,

¹Weitzmann K. The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance. Studies in Manuscript Illumination III. Princeton, 1948.

²Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur renseignement et culture a Byzance des origines au Xe siecle. P., 1971. См. также англ. издание: Lemerle P. Byzantine humanism: the first phase, notes and remarks on education and culture in Byzantium from its origins to the 10th century / Translated by H. Lindsay, A. Moffatt Canberra, 1986 [Byzantina Australiensia 3].

³См., например: Ефремова Ю.В. Константинопольские монастыри второй половины IX в. как центры византийской художественной культуры. Дисс. Москва, 2006.

⁴Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия

его организаторы вовсе не собирались сосредоточиться только на биографии и деяниях этого императора. Они стремились показать время правления Константина VII и в целом период второй половины IX — начала XI в. на широком фоне развития византийского общества, языка, искусства и культуры. Несмотря на то, что само понятие «македонский ренессанс» тогда еще не использовалось в науке, подобный подход к изучению этого периода, в котором слились вместе интерес к роли личности в истории и попытка отразить весь спектр проблем развития Византийской цивилизации в одну из важных эпох существования империи, был новаторским не только для 1920-х гг., он мог бы быть использован сегодня с учетом всего комплекса вновь выявленных памятников письменности и изобразительного искусства.

С другой стороны, говоря о вкладе отечественного византиноведения в историю изучения «первого византийского ренессанса», нельзя не вспомнить и о том, что еще задолго до К. Вайцмана, а именно в 1900 г., Дмитрий Власьевич Айналов говорил об эллинистических основах византийского искусства (обращаясь к искусству как более раннего, так интересующего нас периода)⁵, а его ученик, Леонид Антонович Мацулевич, развивая идеи учителя (на примере эрмитажной торевтики), ввел понятие «византийский антик»⁶. Глубина искусствоведческого анализа, данная этими исследователями, могла бы быть использована при оценке памятников изобразительного искусства интересующего нас периода.

Рассмотреть тенденции, которые были характерны, с одной стороны, для искусства, а с другой, для литературы того времени на широком фоне исторических событий, представляется одной из существенных задач в изучении Македонского ренессанса.

М.В. Бибилов

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Греческий титул русского царя и патриарха

В хранящейся в Государственном историческом музее греческой грамоте Акта Константинопольского собора 1593 г., утверждающего патриаршество на Руси и соответственно митрополита Иова в качестве первого патриарха, в соответствие с дипломатическим этикетом неоднократ-

(1918–1930 годы). СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. (Труды исторического факультета С.-Петербургского государственного университета. Т. 4).

⁵ Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900.

⁶ Matzulewitsch L.A. Byzantinische Antike: Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage. Berlin-Leipzig, 1929. [Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; II].

но называется как полный титул царя, так и новоутвержденный (акт 1593 г. подтверждает первоначальную грамоту того же содержания от 1590 г.) патриарший титул. В тексте 1593 г. говорится об утверждении патриархами Константинополя, Александрии (представляющего еще и мнение Антиохийского владыки) и Иерусалимского, а также перечисляемые сорока иерархами, подписавшими документ, «патриаршего престола благочестивейшего и православного города Московя», поскольку «страна эта от Бога удостоена царства — вся Россия и гиперборейские пределы» и подчиняются «патриаршему престолу Московя и вся России и гиперборейских пределов». Далее об этой земле говорится как об «области («парэкии») Московя и вся России и гиперборейских пределов» (11–12). И далее утверждается официальный титул «патриарх Московя и вся России и гиперборейских пределов» (23–24). А еще чуть ниже назван и «благочестивейший царь (василевс) Московя и самодержец вся России и гиперборейских пределов» (32–33). В заключение Собор высших иерархов Восточнохристианской церкви постановляет направить настоящий Акт, скрепленный подписями участников Собора, «благочестивейшему царю (василевсу) и всесвятейшему Иову, патриарху вся России и гиперборейских пределов» (39–41).

Итак, официальный документ высшей церковной власти православной церкви именует царя, а вслед за ним и новопоставленного патриарха правителями (светским и духовным) Московскими, вся Руси и северных (дословно «гиперборейских») пределов. Что скрывает в себе последнее определение?

Античные свидетельства о гипербореях как жителях крайнего севера встречаются в Гомеровских гимнах (7.29), у Геродота (IV.32 и след.), Страбона (XV.1.57) и др. Предание о них Геродот возводил к Аристею, относясь, впрочем, скептически к его достоверности. Исследователи Нового времени, верящие в историзм данных о гипербореях, ищут их в самых разных уголках земли — на Урале, Алтае, Тянь-Шане, Кавказе, во Фракии, Македонии, на Дунае, в Скандинавии, Великобритании, на Балтике, Крите, даже в Китае. Среди прочих этнических идентификаций гипербореев фигурируют северные венецы у Балтийского моря, эсты, кельты, самоеды и многие другие. Наиболее распространенная этимология этнонима объясняет гипербореев как «живущих за северным ветром — Бореем» («по ту сторону Борей»), т. е. вне пределов достижения холодного северного ветра. Но более общее понимание этнонима идентично понятию «северный».

В принципе византийские этногеографические представления зи-

ждились на классических античных, так что древние дефиниции сохраняли в основном свое значение и в средневековых греческих текстах. Византийские авторы пытаются предложить свои атрибуты земли гипербореев и их жителей. Наиболее частым в связи с конкретизацией этого имени становится упоминание Древней Руси, ее княжеств и областей.

Арефа Кесарийский в комментарии на Апокалипсис в начале X в. (ок. 913 г.) пишет как о «гиперборейцах» («крайних северных») о племенах скифов, все губящих, куда бы они ни вторглись. А в середине XI в. в панегирике императору Константину IX Мономаху знаменитый византийский писатель Михаил Пселл, упоминая гипербореев в ряду таких отдаленных стран, как земли египтян, эфиопов, индов, скифов и сарматов, помещает их у полюса. Эрудит XII в. Иоанн Цец приводит цитату из Пиндара, где гиперборейские скифы фигурируют в связи со странствиями Геракла. В обращении риторы Никифора Василадельца ок. 1140 г. к адресату речи, высокопоставленному вельможе Алексею Аксуху говорится о «непогоде гиперборейской и таврской», в чем очевидны аллюзии на «скифский экскурс» Геродота. Но в это время в византийской традиции появляются более конкретные этногеографические привязки с целью актуализации архаического наименования. Прославленный историк XII–XIII вв. Никита Хониат называет Галич («Галица») одной из «топархий» росов, которые идентифицируются с гиперборейскими скифами. Вслед за ним в XIII в. Феодор Скутариот повторяет те же идентификации в рассказе о бегстве на Русь претендента на византийский престол Андроника Комнина (ставшего впоследствии императором). Живший в 80-х гг. XIII в. солунский хартофилак Иоанн Ставракий в «Слове на чудеса св. Димитрия Солунского», говоря о наступлении болгарского войска Иоанницы, т.е. царя Ивана Асеня II (1218–1241) на Солунь около 1230 г., перечисляет и союзников болгар в этих войнах — кочевников «скифов» (т.е. куманов-половцев), «хазар», «римлян» (латинян), «албанцев», а также «россов, панспермию всякого рода, которых вскармливает самый северный («гиперборейский») климат».

В середине XIV в. византийский гуманист Никифор Григора помещает «Россию среди гиперборейских гор» в крайних северных («гиперборейских») пределах ойкумены. Наконец, на закате византийской истории философ и писатель Георгий Гемист Плифон «к северу от России» помещает залив Гиперборейского океана, «замерзающий по всей вероятности».

Итак, в византийской традиции, наряду с сохранением античных представлений о гиперборейцах как о полумифическом народе Крайнего

Севера, находятся отождествления с современными средневековым грекам пределами от Галицкой Руси до Белого моря, считавшегося «заливом» Северного Ледовитого океана. В «поствизантийском» Акте 1593 г. юрисдикция царя и патриарха Московского и всея Руси распространяется, по представлениям высших иерархов православного Востока, далеко до Крайнего Севера, что и отражено в официальной титулатуре.

В.Р. Блиев

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Византийский компонент проблемы восстановления Патриаршества в материалах Предсоборного Присутствия 1906 г.*

С подъемом общественно-политического движения в России в 1905–1906 гг. особо важное значение получает вопрос о необходимости для Русской Православной Церкви института Патриаршества, поднимавшийся в контексте проблемы восстановления канонической системы церковного управления. Соответственно, данному вопросу было уделено значительное внимание на заседаниях Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия 1906 г., деятельность которого явилась самым крупным событием из всех преобразовательных начинаний в Церкви за «синодальный период».

Дискуссия, разгоревшаяся по этой проблеме, представляет самостоятельное историографическое значение с точки зрения уяснения специфики развития отечественного византиноведения, в частности, церковно-исторической и историко-канонической его ветвей, развивавшихся на базе православных духовных академий. Как справедливо подметил И.И. Соколов, потребность «осмыслить возникшее у нас преобразовательное течение и направить его по правильному руслу» вместе с общепризнанным пониманием преемственности церковных институтов из Византии сделали «необходимыми членами предсоборного присутствия» всех духовно-академических исследователей, занимавшихся различными проблемами истории Византии¹. И, действительно, в работе Присутствия не участвовал из крупных специалистов по церковной

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350

¹Соколов И.И. О необходимости учреждения в наших духовных академиях кафедры «Истории православной греко-восточной Церкви от разделения церквей до настоящего

истории и канонике только А.П. Лебедев. Таким образом, материал византийской церковно-политической истории служил одним из основных источников и/или исторических примеров в дебатах о восстановлении патриаршества, а представительность участников дискуссии по этому вопросу позволяет говорить о том, что указанные направления отечественного византиноведения представлены достаточной полнотой.

На основе анализа выступлений церковных историков и канонистов можно выделить три основных подхода к решению данной проблемы. Наиболее последовательно выступал против восстановления института патриаршества Н.С. Суворов. «Унаследованная нами из Византии ... неясность отношений между царской и патриаршей властью» могла стать, по его мнению, причиной конфликтов между ними². Отстаивая данную точку зрения Н.С. Суворов выступал с ярко выраженными монархическими позициями³. Можно провести параллель между этими идеями и теорией «высшей церковной власти императора» в Византии, выступающей основой концепции «византийской теократии», согласно которой государство и церковь представляют собой единое целое под главенством императора⁴. Активным разработчиком данной концепции в отечественной историографии (наряду с П.А. Лашкаревым, П.В. Гидуляновым и В.М. Грибовским) являлся Н.С. Суворов. Таким образом, базовый принцип Н.С. Суворова, утверждающий, что земным главой Церкви в Византии являлся носитель верховной власти — император, выступал ключевым и при защите «синодальной системы» государственно-церковных взаимоотношений. Следовательно, подход «византийской теократии» может рассматриваться как реакция консервативно настроенных светских кругов на попытки ухода от синодальной системы управления Церковью, в которых им виделась угроза самодержавной власти российского императора.

Иную мотивировку нежелательности института патриаршества предложил А.И. Бриллиантов. На его взгляд, византийское патриаршество вело к упадку соборного начала в жизни Церкви⁵. А.И. Бриллиантов связывал данную практику с развитием патриаршей власти в рамках

времени» // Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. 4. СПб., 1907. С. 9.

²Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. 1. СПб., 1906. С. 203.

³Там же. С. 202–203.

⁴Суворов Н.С. Учебник церковного права / Под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 35.

⁵Журналы и протоколы... Т. 1. СПб., 1906. С. 240.

теории «восточного/греческого папизма» в трактовке И.Е. Троицкого⁶. Не менее показательным является тезис А.И. Бриллиантова, что византийский патриарх являлся «лишь орудием возвысившей его светской власти императора, проводившей через него свое влияние на все церковные дела»⁷. Данные идеи хорошо соотносятся с теорией «византийского цезарепапизма» в той форме, в которой она оформилась в отечественной историографии под влиянием церковно-исторических исследований научной школы И.Е. Троицкого.

За восстановление института патриаршества в Русской Церкви, вместе с определяющим большинством членов Присутствия, активно выступали И.И. Соколов и И.С. Бердников, одни из наиболее ярких сторонников теории «симфонии священства и царства в Византии» в отечественной византистике и канонистике. На «мотивированное мнение» Суворова Бердников ответил развернутой критикой концепции византийской теократии, в которой обосновал органичность и историческую обусловленность патриаршей формы управления Церковью, которую он связывал с развитием института митрополичьего управления⁸. Любопытно, что данная позиция И.С. Бердникова вошла в протоколы Особого Присутствия, где председательствовал митр. Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Показателен также тот факт, что в комиссию для составления проекта положения об отношении Церкви к государству по предложению Председателя Первого отдела архиеп. Димитрия (Ковальницкого) были избраны четыре сторонника восстановления патриаршества⁹, трое из которых (И.С. Бердников, М.А. Остроумов и М.Е. Красножен) поддерживали теорию «византийской симфонии». Поэтому можно говорить о признании данной научной концепции представителями высшей церковной администрации.

Таким образом, на примере полемики по вопросу восстановления патриаршества можно зафиксировать три подхода к изучению проблемы государственно-церковного взаимодействия в Византии, сложившихся в отечественном византиноведении к началу XX в.: концепцию «византийского цезарепапизма», теократии и «симфонии священства и царства». В свою очередь, рассмотрение данных теорий в контексте развития церковно-общественной жизни России позволяет выявить со-

⁶Там же. Т. 1. С. 241–242.

⁷Там же. Т. 1. С. 240.

⁸Журналы и протоколы... Т. 2. СПб.: Синод. тип., 1906. С. 593 — 594.

⁹См.: Журналы и протоколы... Т. 1. СПб.: Синод. тип., 1906. С. 372 — 373.

циальную обусловленность развития отечественной византистики на этапе ее становления во второй половине XIX — начале XX вв.

Н.Н. Болгов

Белгородский государственный университет

К истории изучения частной жизни женщины в ранней Византии

Традиционные восточно-христианские православные представления о роли и месте женщины в ортодоксальном мире наложили негласное табу на изучение личной (и особенно интимной) жизни женщины (как и советская традиция, все еще сильно влияющая на тематику исследований). Видимо, в силу этого в отечественной науке гендерных исследований по истории ранней Византии почти совершенно нет.

Отдельный раздел составляют новые отечественные работы по различным аспектам гендера¹, теоретические и исторические (Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина, И.Р. Чикалова, О.М. Шутова, А. Усманова и др.). Однако поздняя античность и ранняя Византия практически ими не затронуты.

Интерес к частной жизни и гендерным аспектам истории значительно активизировался в России на протяжении последних двух десятилетий. Однако новые поколения исследователей, к сожалению, не представили до сих пор сколько-нибудь значительного исследования на рассматриваемую тему.

Зарубежные авторы, преимущественно англоязычные, накопили уже довольно значительный опыт исследований гендерной проблематики вообще (Джоан Скотт², Г. Будде, К. Оффен и мн. др.) и, в частности, в отношении к позднеантичной и ранневизантийской эпохам (Антти Арьява, Лиз Джеймс, Кетлин Коннор, Сьюзан Хэррин, Элизабет Кларк и др.).

В первую очередь исследовались темы секса (Бернадетт Брутен, Жозель Бекамп, Ханс-Георг Бек), семейной жизни (Джеффри Натан), отношений мужчины и женщины, проблемы женского христианского аскетизма и святости, женские личные имена ранневизантийского времени.

¹См. Теория и методология гендерных исследований. Ч. 1–2. М., 2006; Носков В.В. История и «гендерная история» // Гендерная история: pro et contra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб., 2000. С. 128–144.

²Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. / Под ред. С.В. Жеребкина. Ч. II. Харьков; С.-Петербург, 2001.

Теоретические аспекты гендера в Византии на уровне постановки проблемы исследовала Катя Галатариоту.

В последние два десятилетия появились зачастую обширные библиографические обзоры³ по данной проблематике.

Особое внимание (в силу характера имеющихся источников) специалистов привлекали женщины императорского двора (Ханс-Георг Бек, Кеннет Холум, Алан Кэмерон, Аверил Кэмерон и др.). Среди прочего затрагивались и проблемы их частной жизни.

Рассматривались судьбы и чувства женщин по данным агиографических сочинений (Д. Абрахамс, Р. Альбрехт, Э. Патлажан и др.). В отличие от женщин двора, эти героини дают больше разнообразного материала для современных наблюдений.

Рассматривалось также общее место женщины в позднеантичном (ранневизантийском) обществе в контексте социальных практик (Жозель Бекамп, Роджер Багналл), отчасти в контексте соотношения античного и христианского образа жизни (Джиллиан Клоук).

Одна из работ Кэтлин Коннор (2004) посвящена женщине в Византии в целом. При этом, естественно, теряется ранневизантийский период, во многом еще лишенный «византизма» как такового, т. е. не все основные характеристики этой цивилизации еще полностью сложились.

«Мир женщины» в Византии стал предметом изучения Йоли Калаврезу (2003), однако греческая исследовательница соединяет здесь и общественную, и приватную сторону жизни, а смоделированный ею мир несколько статичен и лишен исторической эволюции.

Единственная новая обобщающая «история женщин» в Европе⁴ посвящена преимущественно западноевропейскому материалу.

Предпринимались за последние полвека попытки специального исследования общественной (Р. Дженкинс) и повседневной жизни в Византии в целом (прежде всего, монументальный труд Ф. Кукулеса в восьми томах, 1957), но этот огромный свод носит во многом дескриптивный характер, в значительной степени лишенный проблемного анализа. Теоретическая статья Кирилла Манго о повседневной жизни в Византии (1981) скорее ставит проблему в общем контексте. Работы Питера Брауна ищут место для частной жизни и женщины в его концепции поздней античности как постклассического мира⁵.

³Bibliography on Women in Byzantium / Ed. Thalia G. Petersen. Wooster, 1994.

⁴История женщин на Западе. Т. 1–5 (т. 1: От древних богинь до христианских святых) / Под ред. Ж. Дюби, М. Перро. СПб., 2005.

⁵*Brown P. Late Antiquity. A History of Private Life. vol. I: From Pagan Rome to Byzantium /*

На русский язык из зарубежных исследований интересующего нас рода переводились лишь книги Дэвида Тэлбот Райса и Тамары Райс о повседневной жизни в Византии, которые носят научно-популярный характер.

Таким образом, комплексного исследования частной жизни ранне-византийской женщины в отечественной науке осуществлено не было.

А.Г. Бондач

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Иоанн Зонара о правовом статусе супругов.

Подчинение жены мужу или равноправие?

Византийский правовед и историограф Иоанн Зонара¹ в своих комментариях к церковным канонам уделил значительное внимание семейно-правовым нормам. Для правильного понимания взглядов Зонары на брак и семью необходимо охарактеризовать его представление о ключевых проблемах семейного права, в частности — о правовом положении мужа и жены².

Византийское законодательство, регулировавшее статус женщины, было весьма консервативным; в нем сохранялась архаичная римская идея о природном женском «легкомыслии». Хотя замужние женщины постепенно были наделены определенными имущественными и личными правами, главенствующее положение в семье по-прежнему занимал муж³. Однако начиная с XI–XII вв. рост экономической и социально-политической активности женщин в Византии отчасти поколебал традиционные представления о неравенстве полов, в т. ч. в правовой сфере⁴. Эти изменения были особенно характерны для столичной аристократической среды⁵, к которой принадлежал Зонара.

Ed. P. Veyne. Cambridge, Mass. 1987; *idem*. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988.

¹См. о нем: Бондач А.Г. К вопросу о биографии византийского правоведа-интеллектуала Иоанна Зонары // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 54–64.

²См. его же: Иоанн Зонара // Православная энциклопедия. Т. 24. М., 2010. С. 259.

³Buckler G. Women in the Byzantine law about 1100 AD // Byz. T. 11. 1936. P. 405–408 (cf. p. 404, 412).

⁴Laiou A.E. The role of women in Byzantine society // JÖB. Bd. 31. 1981. S. 258–259.

⁵Eadem. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. P., 1992. (TM. Monographies; 7). P. 100–104.

В канонических комментариях Зонары вопрос о роли мужа и жены в семейных правоотношениях решается, на первый взгляд, в консервативном духе. В толкованиях на Трул. 70 и Гангр. 17 Зонара, ссылаясь на ап. Павла, признает, что жена должна подчиняться мужу. Но в данном случае Зонара лишь повторяет сказанное в тексте канонов, не выходя за рамки комментируемых норм (тогда как Вальсамон в толковании на Трул. 70 приводит многочисленные выдержки из светского законодательства о приниженном положении жены) (Σύντ. 2, 468–469; 3, 113).

Совершенно иначе Зонара подходит к комментированию Трул. 87. Пересказав канон, согласно которому жена, оставившая мужа «без вины», подлежит церковному наказанию, Зонара начинает рассуждать самостоятельно: «...Напротив, можно полагать, что, если жена не без основания удалась от мужа, возможно, не в меру раздраженного против нее (или она подвергалась жестокому обращению, или имела какую-либо иную причину со стороны мужа), — в таком случае она будет невиновна, если сделалась женою другого, а муж должен быть подвергнут епитимии, потому что сам был виновником греха своей жены» (Σύντ. 2, 505–507).

В толковании на Гангр. 14 канонист пишет: «А если жена оставляет мужа, не желающего разлучения с нею, или муж — жену, не желающую развода, и [если] одно из находящихся в супружестве лиц хочет расторгнуть брак, избегая законного соития, как скверного, то подвергается анафеме» (в комментируемом тексте, направленном против псевдохристианского аскетизма, говорится только о жене, оставляющей мужа) (Σύντ. 3, 110).

Эти же идеи Зонара развивает в комментарии к Вас. Вел. 21. В этом каноне Василий Великий, опираясь на нормы римского права, определил, что женатый мужчина, вступивший в связь с незамужней женщиной, должен считаться виновным не в прелюбодеянии, а в менее тяжком преступлении — блуде. Зонара считает, что данный человек все-таки «наказывается строже, чем тот, кто не имеет жены и совершит блуд». Кроме того, канонист указывает на нелепость правовых норм, предусматривающих для женщин более строгую ответственность за семейные правонарушения, чем для мужчин: «...А разумное основание и причину (ὁ δὲ λόγος καὶ ἡ αἰτία) такого установления понять нелегко» (Σύντ. 4, 149). С другой стороны, женщины не должны наделяться какими-либо привилегиями. Комментируя Лаод. 1, Зонара упоминает мнение «некоторых», утверждавших, что только женщины вправе вступать во второй брак «по причине слабости их природы»; однако, воз-

ражает он, и мужчины имеют право жениться во второй раз (Σύντ. 3, 171–172).

Когда в канонах уже имеются указания на одинаковую применимость их к мужчинам и женщинам (напр., Двукр. 6; Вас. Вел. 87), Зонара аккуратно воспроизводит в комментариях соответствующие выражения, в отличие от Вальсамона, который зачастую опускает их⁶ (Σύντ. 2, 668–673; 4, 263, 266, 268). В ряде случаев Зонара специально подчеркивает те положения, которые могут быть поняты в смысле равноправия мужа и жены. Так, в Дион. Алекс. 3 сказано, что временное воздержание от половой жизни в браке (в аскетических целях) может иметь место «по согласию» (ἐκ συμφώνου) супругов. Зонара поясняет: «...По согласию, то есть по общему желанию» и обосновывает, что такое решение должно приниматься мужем и женой совместно (Σύнτ. 4, 9–10). Трул. 48 гласит, что жена должна развестись с мужем, избранным в епископы, «по общему согласию» (κατὰ κοινῇ συμφωνίαν). Комментарий Зонары: «Этот канон хочет, чтобы призываемый на епископскую кафедру муж разводился со своей женой не против ее воли, но с [ее] согласия» (Σύнτ. 2, 419–420).

Приведенный выше материал позволяет утверждать, что Иоанн Зонара, иногда делая уступки традиционалистским взглядам, в целом придерживался передовых для своего времени идей о равноправии супругов.

С.Г. Бочаров, В.Ю Коваль

Крымский государственный гуманитарный университет (Симферополь)

Институт археологии РАН (Москва)

Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли*

В XIII–XV вв. византийские товары распространялись в бассейне Черного моря в основном благодаря системе, созданной итальянскими

⁶Вальсамон считал супругов равными лишь как участников таинства брака, а не как субъектов брачных правоотношений. См. *Viscuso P. Theodore Balsamon's canonical images of women* // GRBS. Vol. 45. 2005. P. 317–320.

*Работа подготовлена в рамках совместного украинско-российского проекта «Роль Крыма в торговых и культурных связях Украины и России в XIII–XV вв.» (грант Национальной академии наук Украины и Российского гуманитарного научного фонда № 01–22/08–01–91108a/U).

(прежде всего, генуэзскими) купцами. На территории Крыма размещались крупнейшие центры черноморской торговли итальянцев — Каффа и Солдайя. Каботажное плавание торговых судов вдоль побережья требовало организации многочисленных якорных стоянок, пунктов снабжения водой и продовольствием. Лучше всего известны поселения и порты на Южном берегу Крыма от Каффы до Чембало (Провато, Поссидима, Калиера, Тасили, Луста, Партенит, Горзувиты, Джалита и др.). Но маршруты судов проходили вдоль всех берегов Крыма, в том числе вокруг Керченского и Тарханкутского полуостровов. Для поиска поселений, обслуживавших торговлю итальянских купцов, большую помощь оказали компасные карты — портоланы. В 2008–2010 гг. совместной украинско-российской экспедицией были проведены археологические разведки, в ходе которых ставилась задача соотнесения пунктов, указанных на портоланах, с известными археологическими памятниками либо с географическими пунктами, удобными для размещения поселений (пристаней). В ходе этих разведок одним из главных хроноиндикаторов служила керамика византийского происхождения (обломки амфор трапезундской и триллийской групп, поливная посуда) или изготовленная в русле византийской традиции (поливная керамика крымского производства XIV–XV вв.).

На берегах Керченского полуострова на портоланах нанесены топонимы Завида (Zavida), Конестасце (Conestasse), Чиприко (Ciprico), Кавалари (Cavalari), Аспромити (Aspromiti), Воспоро (Vosporo), Пондико (Pondico), Дзукалаи (Zucalay), Каркавони (Carcavoni). **Завида** отождествляется нами с поселением на юго-западной оконечности мыса Чауда, у колодца Таш-Качик. В подъемном материале обнаружены фрагменты амфор «трапезундской» группы XIII–XIV вв. и два обломка поливных красноглиняных кувшинов XIV в. с зеленой прозрачной глазурью. Конестасце размещался в западной части мыса Карангат, в 700 м к востоку от соленого озера Качик. На территории поселения собраны обломки византийских амфор «трапезундской» группы. **Чиприко** — пристань, соотносимая с мысом Опук. На юго-западном склоне г. Опук обнаружены обломки амфор «трапезундской» группы, северо-западнее этого пункта встречены многочисленные обломки византийских амфор «триллийской» группы, датируемых XII в. На северо-восточном склоне горы Опук обнаружены остатки поселения XIII–XVI вв., на площади которого найден обломок амфоры «трапезундской» группы и многочисленные обломки поливной монохромной керамики с зеленой и желтой глазурями. Таким образом, на склонах горы Опук мог располагаться це-

лый куст поселений, связанных с соледобычей на озере Кояш. **Кавалари** располагался между селами Заветное, Набережное и берегом небольшого соленого озера, отделявшего поселение от берега Керченского пролива. Сборы на площади этого поселения дали обломки амфор «трапезундской» группы и поливной керамики XIV–XV вв., в том числе с декором «сграффито» и полихромной подцветкой. К северу от села Набережное, на вершине мыса «Малый», выступающего в Керченский пролив у южного края пересыпи Тобечикского соленого озера, обнаружено еще одно поселение, где встречены обломки поливной монокромной и полихромной керамики XIV–XV вв. **Аспромити** соотносится с мысом Ак-Бурун, где в XIX–XX вв. культурные напластования предыдущих эпох были полностью уничтожены строениями Керченской крепости. **Воспоро** — резиденция генуэзского консула, город, располагавшийся на территории современной Керчи, под восточным склоном горы Митридат. **Пондико** размещался в северной части городища античного Мирмекия, где при раскопках 1934–2003 гг. были исследованы кладбище, остатки домов и хозяйственные ямы с материалами конца XIII–XV вв. **Дзукалаи** располагалось на северной окраине с. Золотое (известно как «поселение у с. Золотое»), где в 1969–1973 г. был обнаружен культурный слой XIII–XIV вв., могильник (143 могилы) и фундамент христианского храма. К югу от могильника нашими разведками 2008 г. обнаружен еще один участок поселения XIV–XV вв. **Каркавони** предположительно размещалось на северной окраине современного села Мысовое, на юго-западном берегу мыса Казантип.

На полуострове Тарханкут портоланы показывают десять пунктов: Мега Глосида (Mega Glosida), Гросида (Grosida), Варанголимен (Varangolimen), Рософар (Rosofar), Калолимена (Calolimena), Салине Триничи (Saline Trinici), Триничи (Trinici), Салине (Saline), Рофлекам (Roflecam), Фети (Feti). Поселение **Мега Глосида** предположительно локализуется на побережье Каркинитского залива, в 2 км севернее села Кумово (в настоящее время уничтожено строительством рисовых чеков). Гросида располагалась у Бакальской косы, в северо-западной части современного села Аврора. **Варанголимен** размещался на территории современного поселка Черноморское, на берегу бухты Узкая. **Рософар** располагался в Караджинской бухте, на западной окраине села Оленевка. С поселением **Калолимена** можно связать находки фрагментов амфор «трапезундской» группы и единичных обломков поливной керамики в верхнем слое античного городища Кульчук. Пункт **Салина Триничи**, само название которого говорит о соляных разработках, локализу-

ется на городище «Чайка» на восточной окраине села Заозерное, верхние слои которого датируются XIII–XV вв. по обломкам византийских амфор и поливной керамики крымского производства. **Триничи**, располагавшийся на месте позднейшего Гезлёва, видимо, полностью уничтожен современной прибрежной застройкой города Евпатория, однако фиксируется по находкам полихромных поливных мисок XIV в., происходящим с акватории Евпаторийского порта. С пунктом **Салина** надо связывать соляные разработки на пересыпи озера Сасык. **Рофлекам** мог располагаться в районе скифского городища Кара-Тобе у села Прибрежного. **Фети** связывается нами со средневековым поселением на южном берегу Сакского соленого озера, в 1,5 км северо-западнее села Михайловка Сакского района.

Н.И. Быстрицкий

Русский исторический институт

Развитие византиноведческих информационных ресурсов*

Современная наука сталкивается с проблемой увеличения количества информации и вариативности ее качества. Владение достоверной и избранной информацией, оптимальными методами, формами и средствами ее использования — объективная необходимость для каждого современного человека, а особенно для члена научного сообщества. В этой связи незаменимым для ученого и преподавателя становится использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Применение ИКТ в высшем образовании интенсивно развивается и в настоящее время представляет необратимый процесс¹. Эти тенденции сделали актуальными и для исторической науки. «Историк, который отказывается от использования ИКТ, пренебрегает обширной сферой исторических исследований и не сможет более рассматриваться, как серьезный ученый», — писали еще 20 лет назад О. Боонстра, Л. Брёре и П. Доорн². Внедрение ИКТ позволяет значительно усовершенствовать

*Исследования выполнены при поддержке гранта Минобрнауки России № 2010–1.1–300–151–112.

¹Викторов А.Д., Оводенко А.А. Заключение // Применение ИКТ в высшем образовании стран СНГ и Балтии: текущее состояние, проблемы и перспективы развития. Аналитический обзор. СПб.: ГУАП, 2009.

²Boonstra O.W.A., Breure L., Doorn P.K. Historische Informatiekunde. Hilversum: Verloren, 1990.

процессы накопления, хранения и обмена возрастающих научных исторических знаний. Поэтому, информационные ресурсы (ИР) являются полезным инструментом ИКТ для ученого-историка, а их грамотное использование открывает практически неограниченные исследовательские и просветительские возможности.

С целью определения текущего состояния и возможных направлений будущего развития византиноведческих информационных ресурсов нами был предпринят анализ их текущего состояния. Всего было исследовано около 50 доступных византинистам информационных ресурсов. Для выполнения этой задачи потребовалось, прежде всего, провести классификацию информационных ресурсов и выделить основные категории классификации. Нами выделено 6 основных категорий классификации византиноведческих ИР:

1. по информационной направленности:
 - научных организаций;
 - научных изданий;
 - образовательных учреждений;
 - исследовательских проектов (узко ограниченной тематики);
 - специализированные неинституциональные;
 - смежной тематики.
2. по возможностям доступа к информации:
 - on-line ресурс свободного доступа;
 - on-line ресурс ограниченного доступа (walled garden);
 - коммерческий on-line ресурс;
 - коммерческий off-line ресурс.
3. по качеству отбора информации (компетентности):
 - университетский/академический (5);
 - образовательный (4);
 - любительский (3);
 - новостной/рекламный (2).
4. по объему информации:
 - очень большой (более 100 страниц);
 - большой (60–100 страниц);
 - средний (30–60 страниц);
 - малый (10–30 страниц);

- очень малый (менее 10 страниц).
5. по востребованности:

- высокая (5);
- выше среднего (4);
- средняя (3);
- ниже среднего (2);
- низкая (1).

Кроме того, проводилась классификация по виду информации, стране происхождения, году создания, обновляемости, лингвистическим характеристикам и пр. Для анализа ИР применяются различные методы: статистические и типологические методы, исследования индексов цитирования, контент-анализа, сетевые и пр. Например, для статистического анализа мы в качестве индикаторов использовали количественные показатели ресурсов по их типам, объему и качеству информации и др. Востребованность информации оценивалась на основе комплексных показателей индексов цитирования (РИНЦ — «Российский индекс научного цитирования», Яндекс тИЦ, индексы Google PR и Google Scholar) и статистики посещаемости (для on-line ресурсов).

Результаты нашего исследования представлены на рис. 1–8. На его основе можно прийти к следующим заключениям:

1. Основное число византиноведческих ИР находится в свободном on-line доступе. Только 5 являются коммерческими (из них 2 в режиме off-line) и один в ограниченном доступе.

2. Наибольшей популярностью пользуются специализированные ИР, ввиду их насыщенности информацией (объем более 100 страниц), но их развитием, в основном, занимаются энтузиасты-любители, и качество информации находится на невысоком уровне.

3. В то же время ИР образовательных и научных учреждений характеризуется сочетанием высокого качества информации по византийской тематике с ее скудностью. Так, в России только у 2 университетов представлены ИР связанные с Византией (МГУ, ЮФУ). В современный информационный век такое положение дел может рассматриваться обществом как отсутствие научной деятельности по этому направлению.

4. Значительный интерес представляют образовательные и научные проекты, их спектр достаточно широк: это и 3D реконструкция исторических объектов, и библиографические, просопографические, нумизматические и др. исследования. Степень информационной наполненности ИР рассматриваемых проектов различна и варьируется от проекта

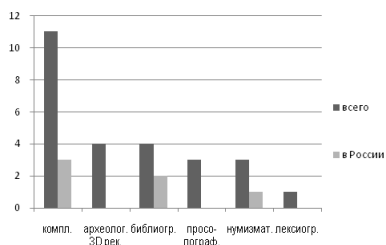

Рис. 1. Распределение ИР по направлениям

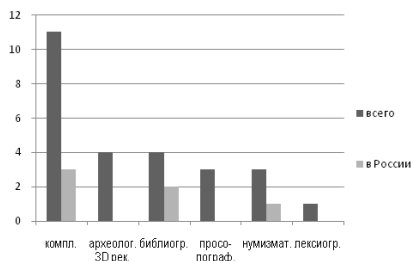

Рис. 2. Распределение ИР по дисциплинам

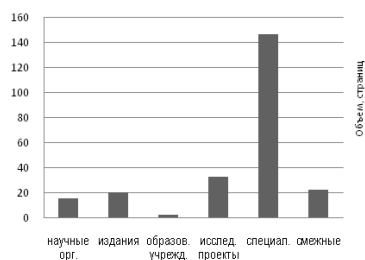

Рис. 3. Распределение ИР по объему информации

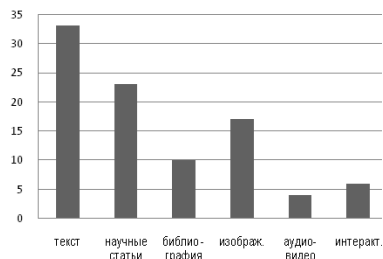

Рис. 4. Распределение ИР по виду информации

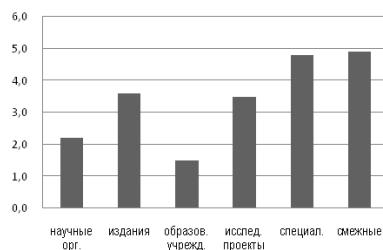

Рис. 5. Распределение ИР по востребованности

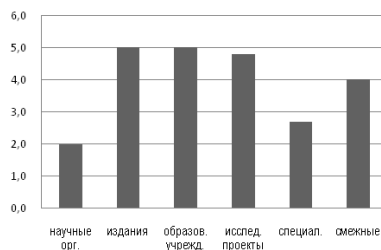

Рис. 6. Распределение ИР по качеству

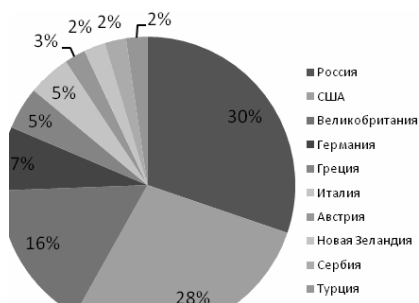

Рис. 7. Распределение ИР по странам

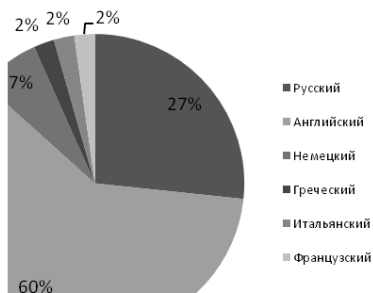

Рис. 8. Языки ИР

к проекту. Следует заметить, что из отечественных ИР пока доступны on-line только 2 проекта: «Византинороссика» (СПБОВСИ)³ и «Библиография русского византиноведения» (МГУ)⁴.

5. Сохраняется превалирование английского языка в ИР.

6. Как это ни прискорбно, в ходе исследования обнаружилось, что около 25% доступных ранее ИР по нашей тематике прекратило существование. Особенно это относится к ИР в США и Великобритании.

7. Наметилась устойчивая положительная тенденция к переводу периодических изданий в электронный формат.

На основе нашего исследования мы смогли выявить проблемные места и попытаемся сформулировать возможные пути для будущего развития ИР:

1. Интенсивное использование интерактивных, мультимедийных, геоинформационных технологий, технологий визуализации и виртуализации в научных ИР. Создание трансграничных, дистанционных образовательных ИР.

2. Более глубокое проникновение ИКТ в образовательные и научные учреждения, развитие и информационное насыщение их ИР. Взаимопроникновение между ними и специализированными ИР. Разворот образовательного и научного сообщества в сторону развивающихся тенденций и потребностей общества. В этой связи хочется надеять-

³Византинороссика. Санкт-Петербургское Общество византино-славянских исследований, 2003. URL: <http://byzantinorossica.org.ru/> (дата обращения: 07.12.10)

⁴Справочно-информационная база «Библиография русского византиноведения». Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; Русский исторический институт, 2010. URL: <http://meridionalia.ru/Byzant/> (дата обращения: 07.12.10).

ся на серьезный рост отечественных открытых византийских научно-образовательных ИР.

3. Характерную тенденцию отмечают специалисты IFLA в трансформации периодических изданий. «Журнал больше не является главной единицей обращения, поскольку пользователей интересуют отдельные статьи, а не журнал в целом. С учетом этого, спрос потребителей активно перемещается в пользу электронных публикаций. Соотношение между печатной и электронной формами приобретаемых журналов доходит до 95% в пользу электронной формы»⁵. Принимая этот опыт во внимание, видится целесообразным постепенный перевод издания отечественных научных журналов в цифровой формат. Следует ожидать появления новых ИР научных изданий.

4. Своевременной признается необходимость создания единой информационной среды для обмена историческими научными знаниями между учеными и работниками образования, обеспечивающей серьезный синергетический эффект в исследованиях и позволяющей ускорить подготовку научных работ мирового уровня.

А.Б. Ванькова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Ранневизантийский монастырь и *ius asyli* (кон. IV–V вв.)

Обычай искать убежище в храмах известен издревле. С появлением и распространением христианства поданные императоров начинают обращаться в поисках защиты к христианским священнослужителям и искать убежища не в языческих, а в христианских храмах, о чем имеется немало свидетельств в источниках того времени. Одним из наиболее ценных и ранних источников является 7-й (8-й в латинской традиции) канон Сардикского собора 343 г., в котором сформулирована позиция Церкви в отношении тех, кто обращался с просьбами о защите. Процесс законодательного признания со стороны государства обычая искать убежища в храмах занял несколько десятилетий и был отнюдь не безболезненным. Переломным в отношении государства к этой практике можно считать закон от 23 марта 431 г. (СТh.IX.45.4). Этот закон позволял искать убежище не только непосредственно у алтаря и в самом храме, но и на прилегающей и принадлежащей храму территории.

⁵Каспарова Н. 75-я Ежегодная конференция ИФЛА (Милан, Италия) // Новости Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), № 2 (83). 2010. С. 28.

Главное же, что, в отличие от предыдущих законов, право убежища было даровано всем: «Pateant summi dei templa timentibus».

Однако все вышесказанное относится исключительно к храмам. Как обстояло дело с монастырями? В агиографической литературе можно найти несколько примеров того, как лица, преследуемые светскими или церковными властями, искали убежище в монастырях. История, сохранившаяся в составе «Апофтегм» рассказывает о том, как в один из египетских монастырей, спасаясь от преследования «правителя» (ὁ ἄρχων), приходит куриал (ὁ πολιτεύμενος) со всем семейством, включая женщин (Col.system. V.30). В житии Ипатия, написанном Каллиником в сер. V в., сказано, что Ипатий предоставил убежище в своем монастыре Александру, пользующемуся большой популярностью авве из Сирии, чья проповедь в Константинополе встретила непонимание и противодействие церковных властей, в результате чего он был обвинен в мессалианстве и осужден на изгнание. Александр со своими учениками, которых было около сотни, был вынужден отправиться в ссылку. На азиатской стороне они нашли убежище (κρυπτήν) в церкви св. Апостолов. Местный епископ, узнав об этом, посылает толпу, чтобы по приказу властей изгнать их из храма. Александр был жестоко избит, и Ипатий предоставил ему и его ученикам убежище и, несмотря на угрозы епископа, отказался его выдать. Конфликт разрешился только после вмешательства императрицы Пульхерии.

Как нам представляется эти два рассказа являются весьма показательными примерами, тождественными с теми, что повествуют об ищущих убежища в церквях. Тем не менее, в законах идет речь лишь о храмах, а монастыри не упоминаются вовсе. Возникает вопрос, распространялась ли эта законодательная норма на монастыри? Как нам представляется, монастыри также подпадали под действие *ius asyli*. Можно высказать предположение, что закон 431 г., столь кардинально расширивший границы той территории, на которой можно было пользоваться убежищем, мог послужить правовым подспорьем для признания права такого же убежища наряду с церквями и за монастырями.

С.Я. Васильева

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Традиции византийского искусства во фресковой живописи острова Готланд XII в.

Тема художественных контактов Византии с островом Готланд давно стала привлекать внимание ученых во многом благодаря обнару-

жению и изучению древнейшего слоя фресковой живописи в церквях острова приходов Гарда и Челлунге. В основном это работы шведских исследователей.

Первая в России публикация посвященная «византийско-русской» живописи Готланда — перевод статьи шведского археолога Т. Арне — появилась в 1921 г. Это происходит в период важных открытий в России древнейших памятников живописи, в том числе, фресок церкви Св. Георгия в Старой Ладоге. Последнее обстоятельство не могло не повлиять на выбор автором статьи именно росписей церкви Св. Георгия в Старой Ладоге в качестве ближайшей аналогии стенописи острова. Многими десятилетиями позже к исследованию готландских фресок обратились И.Н. Кудрявцев, И.П. Шаскольский и Б.Г. Васильев. Большинство ученых считает, что древнейшие росписи храмов приходов Гарда и Челлунге были созданы одновременно в середине или в конце XII века греческими или русскими мастерами. На фоне названных кратких работ выделяются статьи Э.А. Гордиенко. Она дает принципиально новые оценки стилистических особенностей фресковых ансамблей, приписывая их кисти местных готландских художников¹.

Однако, несмотря на существование довольно обширной литературы, опыт изучения конкретных памятников Готланда в контексте общего стилистического развития крайне скуден. В настоящее время назрела необходимость определить, как же соотносятся памятники фресковой живописи острова с искусством Византии, Древней Руси и какое отношение они имеют к искусству Западной Европы (такой вопрос никем, кроме Э.А. Гордиенко, поставлен не был). Важно понять механизм взаимодействия разных культур, проанализировать каким образом искусство Византии повлияло на процессы кристаллизации своеобразного стилистического феномена, каковым являются интересующие нас ансамбли Готланда.

Создать основу для интерпретации каждого произведения фресковой живописи острова позволило нам сочетание методов сравнительного стилистического, иконографического и технико-технологического анализов². Необходимо подчеркнуть, что на современном этапе изуче-

¹Подробно об этом см.: *Васильева С.Я.* Византийское влияние в монументальной живописи второй половины XII в. острова Готланд // ВВ. 2008. Т. 67. С. 217–234.

²Подробное исследование готландских росписей XII в. проведено в: *Васильева С.Я.* Традиции византийско-русского искусства в живописи острова Готланд XII — начала XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Министерство культуры РФ. Государственный институт искусствознания. М., 2010.

ния данной проблемы важен подход к памятнику монументальной живописи Готланда не как к второстепенному доказательству существования торговых контактов между Византией, Древней Русью и островом, а как к главному историческому источнику, не дублирующемуся письменными документами, к тому же от того времени практически не сохранившимися.

Результат проведенного сопоставительного анализа позволяет нам предположить, что доминирующую роль в стиле стенописей, действительно, играла восточно-христианская традиция. Однако появление на Готланде фресковых ансамблей нельзя расценивать как единичные и практически единовременные факты случайного прихода на остров мастеров, создавших эти памятники — мнение, столь прочно утвердившееся в литературе. Они составляют отдельные звенья некогда целостной традиции, существовавшей здесь на протяжении всей второй половины XII в. Более того, готландские росписи четко вписываются не только в общую картину развития живописи комниновской эпохи, но и соответствуют совершенно определенным стадиям эволюции ее стиля, относящимся к середине и к концу XII в. Так, сходство фресок Гарды с памятниками византийской живописи второй четверти — середины XII в., — того этапа развития «комниновского» стиля, классическим эталоном, которого для Византии являются мозаики Сицилии, — позволяет локализовать их датировку в пределах 1150–1160-х гг. Напротив, выделенные нами аналогии росписям Челлунге свидетельствуют о том, что они были исполнены в 90-х гг. того же столетия.

Изучение закономерностей эволюции стиля готландских фресок привело нас к заключению, что, проявившись достаточно ярко в Гарде, эта традиция не подвергается упрощению во фресках Челлунге, а наоборот, укрепляется и развивается. Заметно возрастает качество исполнения росписей. Особенно важным представляется тот вывод, что, в отличие от стенописей Гарды, которые обычно не без основания сравниваются с фресковыми ансамблями Новгорода, росписи Челлунге имеют более обширный круг аналогий, однако едва ли находят параллели с произведениями новгородских мастеров. Это говорит в свою очередь о разнообразии источников влияния и путей, по которым они приходили на Готланд. Кроме того, наши исследования показали, что росписи готландского храма прихода Челлунге являются кульминационным и одновременно заключительным этапом развития традиции византийского искусства во фресковой живописи Готланда XII в.

Значительный интерес представляет и то, что заказчиками таких

произведений являлись не представители русских торговых общин, как полагают шведские ученые, а то, что росписи Готланда отражают идейные и эстетические предпочтения определенного социального слоя жителей острова, скорее всего, местного купечества.

Таким образом, удалось предложить новую концепцию существования и развития «византийско-русской» художественной традиции на Готланде, являющейся не изолированным явлением, как раньше предполагали специалисты, а одной из важнейших составляющих субстратного искусства острова. Обращаясь к каждому из произведений готландской живописи как к уникальному источнику по истории искусства острова, мы получаем возможность представить не только новую концепцию развития традиции византийско-русского искусства на Готланде, но и дать в руки историков новый источниковедческий материал для освещения характера связей Византии и Древней Руси с островом Готланд на протяжении всей второй половины XII в.

Ю.Я. Вин, Д.Е. Кондратьев

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Социокультурный концепт «императорской власти» в византийском праве: понятие «βασιλεία» в «Василиках» и его лексические эквиваленты

Наша задача — опробовать инновационные приемы и способы изучения социокультурных концептов византийцев, обращаясь к примерам византийского права. Адекватному постижению общественных устоев и принципов организации византийского социума отвечает сравнительный анализ правовых понятий и терминов. Для этого применяется внедряемое в рамках информационного подхода к их изучению новое оригинальное программное обеспечение — Блок когнитивного картирования (БКК) и Блок понятий и терминов (БПТ) БД «Византийское право». БКК предназначен для аккумуляции и репрезентации результатов информационных сравнений текстов законоположений в форме интегрированных когнитивных карт. Они опосредуют сведения о категориальной принадлежности изучаемых понятий и терминов, а БПТ позволяет конкретизировать их лексическое значение и контекстную дистрибуцию.

Проблема «власти» в Византии постоянно привлекает к себе внимание историков. Византийское право предлагает целый ряд системообразующих понятий и терминов, заключающих в себе значение «власть». В

их числе — «*potestas*» (гражданская и личная власть), «*imperium*» (высшая публичная и военная власть), «*ἀρχή*» (власть как господство, начальствование и управление), «*ἐξουσία*» (власть как могущество, право и свобода) и «*κράτος*» (власть как могущество и сила), а также «*auctoritas*» и его греческий эквивалент — «*αὐθεντία*». Для греческих обозначений высшей власти далеко не всегда прослеживается строгое соответствие латинским прототипам и инвариантам. «Василики», провозглашая «на всей земле нашей царственности (*βασιλείας*)» духовную власть («*ἀρχή*») святых монастырей, следуют 5 новелле Юстиниана — в ее латинской версии эквиваленты названных понятий опущены. И если юстинианово право прямо соотносит термин «*auctoritas*» и фигуру императора, «Василики» прилагают соответствующее понятие к высшим чинам, допустим, синклитикам; образ же императора выступает опосредованно, когда речь идет об «императорской властности» («*βασιλική αὐθεντία*»).

Для воссоздания социокультурного концепта «власть» привлечены в первую очередь материалы «Василик» (X–XI вв). Их содержание восходит к Юстинианову праву, известному средневековым византийцам благодаря сделанным позже переложениям. «Василики» содержат до пяти-сот ссылок на «василевса» и «императорскую власть» («*βασιλεία*»). Еще у древних греков эти понятия обрели статус «концепта», соотношенного с функциями и полномочиями верховной власти. Именно такое ее понимание наследовала Византия.

В «Дигестах» и Кодексе главным способом выражения идеи императорской власти служило латинское понятие «*imperium*». Оно воплощало делегирование императорской властью полномочий ее представителям в системе государственного управления. Их обозначение на греческом языке не ограничено строго определенной терминологией. В «Василиках» семантическим эквивалентом «*imperium*» наряду с понятием «*βασιλεία*» служили понятия «*κράτος*», «*ἐξουσία*», производные формы понятия «*ἀρχή*».

Схолии к «Василикам» отображали сделанные ранневизантийскими юристами колляции латинских и греческих обозначений власти. Греческие транслитерации понятия «*imperium*» в схолиях к «Василикам» и в схолиях к «Эклогe Василик», почерпнутые из «Дигест» и Кодекса Юстиниана, в соответствии с прототипами указывают на полномочия архонтов и чиновников. Одна из схолий позволяет рассматривать заимствованное понятие в качестве атрибута «народа ромеев».

В «Василиках» понятию «императорская власть» отнюдь не всегда отвечает дихотомия «*βασιλεία*» — «*imperium*». Выступает наружу явное

расхождение «Василик» с латинской версией упомянутой 5 новеллы, характеризующее методы работы ее составителей, которых удовлетворяли упрощенные парафразы идеи «императорской власти».

Анализ семантического поля понятия «императорская власть» в «Василиках» показывает, что его «военный» аспект отступает на второй план. Это понятие используется в описаниях публичных гражданских функций высшей власти и ее представителей. Сказанное справедливо для примеров, вошедших в 6 книгу «Василик». Ссылки на нее составляют около половины всех употреблений понятия «*βασιλεία*». Оно является неперенным атрибутом описаний системы государственного управления, церковно-религиозного устройства и политики. В этой функции понятие «*βασιλεία*» окрашивается конфессиональным значением «царствия Богом данного».

В сфере государственного регулирования «Василики» сопрягали понятие «императорская власть» с такими чертами общественной жизни как «справедливость», «крепость», «стабильность», «благоволение», «правосудие», а отдельные сюжеты рисовали образ «автократора». Изучение государственно-управленческих и церковно-конфессиональных аспектов высшей власти в средневековой Византии демонстрируют преемственность ее правовой системы по отношению к принципам Юстинианова законодательства. При этом нельзя игнорировать процессы утверждения средневековых традиций, претворенных в «Эклоге», «Прохироне» и других правовых компиляциях. К их ряду принадлежат, в частности, славянские переводы, где концепт «*βασιλεία*» подчас бывает передан посредством понятий «цѣсарь» или «царь».

В целом лексические сопоставления свидетельствуют о происходившем в веках изменении семантики правовых понятий и эволюции обозначений «власти». Она в византийском Средневековье получила новые формы и приняла новый облик. Сравнение понятий византийского права и их славянских рецепций в рамках информационного подхода к их изучению с использованием описанных программных средств, позволяет проводить не просто лексические сопоставления, а проследивать особенности правосознания византийцев и их славянских правопреемников, столь важные для раскрытия их концептуальных воззрений. В настоящее время информационный подход к изучению византийского права бесспорно становится эффективным средством анализа.

А.А. Войтенко

*Институт всеобщей истории РАН,
Центр египтологических исследований РАН (Москва)*

Изучение египетского монашества в отечественной историографии (вторая пол. XIX — нач. XX вв.)

Русская дореволюционная историография о египетском монашестве IV–V вв. представляет собой значительное количество работ за более чем 50 лет, разноплановых по тематике и идейной направленности, различных по своему научному качеству и состоятельности. Тем не менее, оно помогает проследить не только эволюцию русской научной мысли по этому частному вопросу, но и уловить некоторые общие тенденции в развитии церковно-исторической науки на рубеже веков. Нам представляется, что подобная тема достаточно актуальна в наши дни, когда мы наблюдаем возрастающий интерес к истории классического периода египетского монашества (IV–V вв.), исходящий как из академических и церковных кругов, так и от широкой публики. Однако этот интерес не всегда подкреплен хорошим знанием предмета, свидетельством чему может быть информация по этому вопросу, предлагаемая современными СМИ и Интернетом.

С нашей точки зрения, начало исследований по египетскому монашеству следует отнести к 1851 г., когда известный русский ученый А. Горский опубликовал подробный очерк о жизни свт. Афанасия Александрийского, где несколько страниц было уделено истории монашества в период деятельности этого александрийского патриарха. Несмотря на то, что очерк носит еще не исследовательский, а описательный характер, он уже написан по источникам, а не представляет собой реферат из современных русскому ученому западных исследований. Правда, Горский использует источники еще некритически, например, полностью доверяя информации о численности монахов (вопрос, который активно обсуждается в современной историографии), большое значение уделено назидательности. Этим последним отличается и труд П.С. Казанского (не так давно переизданный). Для стиля Казанского характерны описательность, некритическое отношение к источникам, натяжки в интерпретации материала, уход от спорных проблем разных уровней — последнее отмечалось даже его современниками. Но при всем этом стоит отметить, что труд П.С. Казанского — единственное систематическое изложение истории египетского монашества IV–V вв., написанное русским ученым. Намного более интересен его сравнительно небольшой очерк о

монашеском быте, созданный задолго до того, как история повседневности стала активно разрабатываться в исторической науке.

На наш взгляд, наиболее существенные успехи были сделаны отечественной наукой в области текстологии. Одним из таких достижений можно считать работу архим. Сергия (Спасского), посвященную текстологии «Лавсаика». Спасскому удалось установить, что текст «Лавсаика», напечатанный в Патрологии Ж.П. Миня не аутентичен, поскольку содержит ряд интерполяций из другого текста — «Истории монахов». Хронологически это совпало с работой Э. Прейшена по публикации греческого текста «Истории монахов». Другим важным текстологическим исследованием была статья П. Никитина, посвященная латинским переводам *Aprophthegmata Patrum*. Никитин сделал попытку распределить многочисленные сборники апофтегм по трем типам и применил редкий тогда даже для западной науки метод использования древних переводов для реконструкции начальной редакции оригинала.

Особо стоит сказать о взглядах на историю египетского монашества крупнейшего отечественного историка Древней Церкви В.В. Болотова. Долгое время его мнение по этому вопросу оставалось предметом всевозможных догадок и домыслов, но сейчас, благодаря публикации архивных материалов, мы можем достаточно ясно представить себе его отношение к этому вопросу. Болотов, как ум сильный и самостоятельный, не мог не коснуться почти всех узловых моментов монашеской истории. Упоминая о начале монашества, он особо выделяет два фактора — общий пессимистический настрой эпохи и поступательное развитие раннехристианской аскезы, вступившей к тому времени в новую фазу. Но главное, что достаточно ясно было заявлено Болотовым — отказ абсолютизировать монашество как высший (или наиболее адекватный) путь спасения. Он отмечал, что «внешняя форма подвига сама по себе цены не имеет, а нравственное состояние для всех достижимо».

Некоторым подведением итогов дореволюционной историографии по данной теме можно считать монографию И. Троицкого «Обозрение источников начальной истории египетского монашества» (Сергиев Посад, 1906). Здесь дана широкая панорама известных тогда латинских и греческих источников по этому вопросу, учтены и некоторые их восточные версии.

Значительным событием стала посмертная публикация на русском и французском языках работы В.Г. Бока «Материалы по археологии христианского Египта» (СПб., 1901). Русскому ученому удалось за сравнительно короткий срок своих египетских командировок составить пла-

ны и дать описание нескольких значительных монастырей. Несмотря на некоторые серьезные неточности, высокий научный уровень этой работы сомнений не вызывает, и она до сих пор остается единственной русскоязычной публикацией по этим сюжетам.

В заключение нашего краткого обзора стоит отметить, что развитие русских дореволюционных исследований о египетском монашестве не сильно отличались от общих показателей церковно-исторической науки в целом. Время до 80-х гг. XIX вв. можно считать «предысторией» изучения данной темы — работы чаще всего носят описательный характер и преследуют назидательные цели. Перелом происходит тогда, когда начинается активное освоение русскими учеными западной историографии, критический подход к источникам, интерес к текстологии и к тем исследовательским проблемам, которые были актуальны для научного изучения этого сюжета. Безусловно, русская наука отставала тогда от западной и по степени освоения источников, и по профессиональным показателям. Но все же следует отметить, что русская дореволюционная историография имела свое место и даже свой смысл в истории изучения египетского монашества. В России сложилась уникальная ситуация, когда отечественные ученые имели возможность изучать труды своих западных коллег и вступать с ними в заочную дискуссию, создавая (пусть и несовершенное) «пространство диалога», столь необходимое для позитивного развития любой гуманитарной науки. К сожалению, западные ученые, главным образом, из-за языкового барьера, такой возможности не имели.

Безусловно, у русской науки в этом вопросе был хороший потенциал и неплохие перспективы. За фундаментальным трудом Троицкого об источниках вполне могла бы последовать обобщающая работа по истории египетского монашества классической поры, но, увы, трагические события октября 1917 г. сильно поменяли научные приоритеты и о подобных перспективах надолго пришлось забыть.

А.А. Воронова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Византийская Далмация: архитектурно-планировочные особенности развития городов восточного побережья Адриатики

В ходе формирования средневековой культуры восточно-адриатического прибрежного пояса процессы взаимопроникновения

различных традиций протекали здесь особенно интенсивно благодаря морским связям внутри интегрированной средиземноморской культуры. В Приморье сохранялась преемственность античной культуры, постепенно трансформировавшейся в средневековую, что нашло свое отражение в сложной архитектурной стилистике городов Адриатического побережья. Это позволяет говорить о присутствии здесь архитектурно-градостроительного континуитета, который является важнейшим фактором адриатического урбанизма.

Последовательное освоение Иллирика автохтонными племенами, античными греческими и римскими цивилизациями, и наконец славянами происходило путем ассимиляции, а в приморских городах Далмации это привело в конечном счете к романизации новопришедших поселенцев. С возникновением христианства, при кардинально изменившейся морфологии города, новые структуры, как правило, органически вписывались в существующую ортогональную планировочную схему, а зачастую прежние архитектурные объекты трансформировались и адаптировались к новым функциям христианского богослужения.

На примере трех крупнейших далматинских городов (Задара, Сплита и Дубровника) — главных центров византийских восточно-адриатических провинций — можно проанализировать два способа сохранения архитектурно-градостроительного континуитета: непрерывного, возникшего прямо на античной ткани, и прерванного, но впоследствии восстановленного на новом месте.

Самым распространенным морфологическим типом римского восточно-адриатического города с непрерывным античным континуитетом был город с ортогональной уличной сетью, наиболее ярким примером чего является город Ядер (Задар) — важнейший центр на перекрестке морских и сухопутных дорог между востоком и западом Европы. Епископальный комплекс в Ядере был одним из самых значительных и развитых епископальных комплексов наряду с аналогичными в Равенне, Аквилее, Градо, Парентиуме, Поле, Салоне, Нароне, Трагурионе, на островах Велья и Арва, которые также включались в существующую городскую ткань античных городов. Он продолжал развиваться в системе ортогональной планировки города, внутри городской ткани, как своим периметром, так и соотношением своих внутренних частей. Расположение христианского центра на месте языческого (в то время, когда он еще функционировал), в центре города, как это имело место в Ядере, является крайне редким случаем. На месте первоначального христианского ядра образовалась новая

Рис. 1. Современная панорама Задара.

городская инсула, строго соответствующая заданному ортогональному растру античного города. Другие базилики Ядера строились по тому же принципу, причем некоторые из них имели первоначально позднеантичную конструкцию. Таким образом, Ядер продолжил жизнь римского города, он трансформировался в средневековый город, постепенно модифицируя свою форму и структуру, которая сохранилась и донине.

Сплит являет собой наиболее сохранный пример города с прерванным, но впоследствии восстановленным континуитетом, а именно преобразования позднеантичного дворца Диоклетиана в настоящий ранне-

Рис. 2. Современный вид Сплита с воздуха.

средневековый город, который принял на себя часть населения и функции большой античной метрополии Салоны. Структура императорской резиденции была полностью трансформирована в городскую ткань, что говорит не только о сохранении градостроительного античного наследия, но и о своеобразном симбиозе коренных жителей и пришедших славян. К этой же группе далматинских городов относится и Рагусиум (Дубровник), где континуитет разрушенного античного и раннехристианского Эпидавра был сохранен и восстановлен на новом месте.

С приходом в VII в. славян на земли Иллирика территории византийских провинций в Далмации были редуцированы до нескольких разобщенных зон, разделенных землями расселившихся здесь славянских племен. Поэтому адриатические города долгое время оставались закрытыми гетерогенными анклавами в славянском окружении, сохранив континуитет античного урбанизма и идею средиземноморского города. Дальнейшее соперничество Византийской империи и Римской папской курии за зоны влияния привела к зарождению в этом регионе бива-

лентной культурной традиции, которая с раннего средневековья и далее станет главным признаком художественного творчества в адриовизантийской среде.

Н.В. Герасименко

*Центральный музей древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева (Москва)*

К вопросу о некоторых общих закономерностях выбора и расположения святых в ранневизантийских храмовых декорациях

Основу церковной декорации ранневизантийского времени составляли аллегорические сюжеты, сцены Ветхого и Нового Заветов, орнаментальные мотивы. Среди ликов святых преобладали мученики, численно превосходившие всех других святых в пантеоне того времени. Большое значение также придавалось образам апостолов и пророков, которые почти всегда размещались на центральных местах — в куполах, в алтарной части, на триумфальных арках, в верхней зоне декорации. Выбор имен мучеников довольно часто был обусловлен почитанием их мощей в этом регионе. Образ мученика-святого патрона храма часто размещался в алтарной части или в куполе — традиция, почти совершенно исчезнувшая впоследствии.

Некоторые из мучеников, изображенные в храмах IV–VI вв., крайне редко упоминались впоследствии или даже не вошли в общепризнанные святцы. В частности, к малоизвестным святым относят некоторых мучеников, изображенных в верхнем ярусе ротонды св. Георгия в Фессалониках. Следует также отметить, что в ранних памятниках среди мучеников появляются изображения святых целителей, которых впоследствии стало принято выделять в отдельный чин святых. Нередко с образами святых соседствуют портреты заказчиков и современников росписи, выделенных квадратными нимбами.

К концу ранневизантийского периода в монументальных декорациях храмов увеличивается число святых епископов. В монастырских росписях известны изображения преподобных, как, например, в Баавите. В палестинском монастыре Хирбет-ель-Мардес, основанном прп. Евфимием Великим, найдена скальная костница с восемью гробницами и фресковыми изображениями монахов, датируемыми между 625 и 638 гг.

Создатели большинства ранних декораций не стремились иерархически разделить изображаемых святых. Их часто изображали рядами.

Включение в этот ряд определенных святых, порядок их размещения, выделение некоторых фигур были обусловлены, прежде всего, личными и местными предпочтениями, а также особенностями посвящения храма или капеллы. Местоположение фигур также не имело устойчивого правила. Часто святые изображались в отдельных компартиментах, капеллах. В то же время к VII в. постепенно выделяется круг святых, образы которых повторяются от декорации к декорации, вырабатываются принципы расположения святых не только по отношению к сюжетам, но и друг к другу, фиксируются первые установления. Этот процесс определялся общей культурной ситуации, событиями церковной жизни.

Л.А. Герд, А.Н. Николов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Софийский университет «Св. Климент Охридский»*

О проекте участия В.Н. Бенешевича в Софийском конгрессе византинистов 1934 г.

Владимир Николаевич Бенешевич, крупнейший отечественный ученый, специалист по византийскому каноническому праву, хорошо известен широкому кругу специалистов как благодаря своим фундаментальным изданиям и исследованиям юридических памятников, так и благодаря той кропотливой работе по изучению его архива, которая проводилась в течение 15 лет членом-корреспондентом РАН И.П. Медведевым. В преддверии XXII конгресса византинистов, уже второго, который будет проводиться в Софии, представляется уместным снова почтить память В.Н. Бенешевича и вспомнить о его неосуществившихся планах принять участие в Софийском конгрессе 1934 г. Сохранившаяся в Научном архиве Болгарской академии наук и фонде В.Н. Бенешевича в Санкт-Петербургском филиале РАН переписка позволяет шаг за шагом проследить ход переговоров, предшествовавших конгрессу.

Подготовка Софийского конгресса византинистов пришлась на период творческой зрелости Бенешевича; за спиной у него был уже многолетний опыт работы, критическое издание и исследование таких фундаментальных памятников византийского права, как Номоканон XIV титулов, Синагога 50 титулов Иоанна Схоластика (критическое издание выйдет в Мюнхене в 1937 г.) и др. Идея издания корпуса источников византийского права, очевидно, зародилась у Бенешевича еще в начале его научной деятельности. В 1912 г. он составил план работы, включавший в себя создание «Очерков по истории источников права восточной

церкви» и издание текста следующих авторов: Иоанн Схоластик, Арефа Кесарийский, Никон Черногорец, грузинский перевод Номоканона 14 титулов, Прохирон 1379 г., Прохирон Макария Анкирского 1405 г. В предисловии к своей докторской диссертации «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика», изданной в 1914 г., Бенешевич пишет, что настоящий труд есть только одна из частей «обширного, может быть, фантастического плана». В 1919 г. он обратился в историко-филологическое отделение РАН с запиской «Об издании Corpus juris canonici ecclesiae Graecae». Проект предусматривал издание памятников византийского канонического права в 14 томах. Академия наук отказала Бенешевичу в поддержке его проекта, что, однако, не остановило ученого в продолжении работы над его «основной линией» и встретило поддержку со стороны немецких византинистов Эд. Шварца и Ф. Дэльгера. Когда весной 1934 г. началась подготовка к проведению IV Международного конгресса византийских исследований в Софии, он решился вновь выдвинуть свой проект по изданию корпуса византийских канонических текстов.

В январе-феврале 1934 г. в Софии был сформирован организационный комитет предстоящего конгресса, председателем которого стал проф. В.Н. Златарский, знакомый с В.Н. Бенешевичем и другими российскими византинистами еще по годам учебы в Петербурге.

Впервые вопрос об участии в IV византийском конгрессе В.Н. Бенешевича был поставлен официально его тестем, акад. Ф.Ф. Зелинским (1859–1944), который жил в эмиграции в Варшаве. В своем письме от 17 мая 1934 г., адресованном, вероятно, члену Оргкомитета проф. Г. Кацарову, он сослался на желание своего зятя получить личное приглашение на конгресс и от себя добавил просьбу расширить это приглашение и на супругу ученого, Амату-Людмилу Фаддеевну Бенешевич. Уже на следующий день по получении этого письма, 22 мая 1934 г., Г. Кацаров отправил приглашение В.Н. Бенешевичу, выразив надежду, что он признает для себя возможным принять участие в работе конгресса и пожелает вместе с супругой в Софию.

Идею организовать поездку В.Н. Бенешевича на предстоящий конгресс в Софии вынашивал и Г.А. Острогорский, который с 1933 г. жил в Югославии и был экстраординарным профессором Белградского университета. Около начала мая 1934 г. он обратился к Бенешевичу с предложением занять кафедру канонического права в Белградском университете. Письмом от 10 мая 1934 г. Бенешевич отклонил это предложение, сославшись на невозможность «оторваться навсегда от двух сыновей-

близнецов», а также на трудности, которые возникнут для них при адаптации к новым условиям.

Обдумывая снова и снова все возможные варианты (и еще до получения письма от 22 мая за подписью Г. Кацарова), В.Н. Бенешевич писал Г.А. Острогорскому, что личное приглашение ему не поможет попасть на конгресс, а Организационному комитету нужно обратиться к Академии наук СССР с просьбой командировать его в Софию. Все это Острогорский изложил в письме В. Златарскому от 28 мая 1934 г.

2 июня 1934 г. в АН СССР было отправлено приглашение «принять участие в конгрессе со своими официальными делегатами», дополненное пожеланием «если возможно, послать на конгресс проф. Владимира Николаевича Бенешевича, который своими большими заслугами в области византологии принес бы весьма много к успеху конгресса». Оставалось только дожидаться ответа Академии. Слухи о предстоящем приезде В.Н. Бенешевича в Софию широко распространились в среде византистов, о чем свидетельствует в своем письме В. Златарскому, отправленном из Праги 7 июля 1934 г., историк и журналист А. Йелачич, профессор Скопского университета: «Я слышал от коллеги Мошина (Белград), будто приезжает В.Н. Бенешевич. Если это так, буду счастлив повидать своего дорогого учителя».

Конец этим надеждам поставил сухой отказ АН СССР принять участие в IV Международном конгрессе византийских исследований, подписанный 28 июля 1934 г. и.о. неперменного секретаря Академии, академиком А.А. Борисяком.

Не имея возможности принять личное участие в конгрессе, В.Н. Бенешевич, тем не менее, видел в нем средство привлечь внимание к проекту издания корпуса источников византийского права европейской научной общественности и связывал с ним надежды на осуществление задуманных им планов. Подготовленный им доклад был зачитан на пленарном заседании, а впоследствии издан в трудах конгресса. Предложение нашло живой отклик у византистов, о чем свидетельствуют письма Ф. Дэльгера, написанные несколько позднее, в октябре-ноябре 1934 г. Предполагалось, что проектом В.Н. Бенешевича займется учрежденная конгрессом в Софии постоянная международная комиссия византийских исследований, которая должна была обеспечить Бенешевичу возможность осуществлять необходимые поездки и продолжать работу над подготовкой текстов памятников. Ф. Дэльгер, как и непосредственно заинтересованный в проекте Эд. Шварц, были убеждены, что только В.Н. Бенешевич мог выполнить поставленную задачу, хотя и высказыва-

ли сомнения, чтобы она вообще была под силу человеку. К сожалению, дело не пошло дальше переписки членов комиссии: 16 декабря 1935 г. скончался В.Н. Златарски, а Г. Милле и Вейнгарт, к которым Дэльгер также обратился по поводу проекта, не смогли оказать деятельной поддержки начинанию.

Таким образом, В.Н. Бенешевич явился предшественником созданного в 1974 г. во Франкфурте-на-Майне центра по изучению греческих юридических рукописей. Многие из того, что задумал ученый, уже осуществлено; другие тексты еще ждут своего исследования и издания.

Д.С. Гордиенко

*Институт украинской археографии и источниковедения
имени М.С. Грушевского НАН Украины (Киев)*

К дискуссии о времени крещения княгини Ольги

Визит княгини Ольги в Константинополь занимает одно из центральных мест в отечественной византистике. Это событие довольно хорошо отображено в источниках, как в отечественных, так и иностранных. Однако в силу их разноречивости их сведений проблема условий, места и даты крещения русской княгини остаются дискуссионными¹.

Что касается места крещения княгини Ольги, то, как отмечал академик Г.Г. Литаврин, «подвергать сомнению факт крещения княгини в Константинополе методологически недопустимо — это означало бы приносить в жертву догадкам ясные и четкие свидетельства источников»².

Повесть датирует поездку Ольги в Царьград, следовательно и время ее крещения, 6463 годом³. Анализ летописной даты в работах А.А. Шахматова, Н. Полонской, М.В. Левченко, О.В. Творогова, Д.С. Лихачева и других не дает убедительных аргументов о ее достоверности.

Хронологические указания на время крещения имеются в группе немецких источников, восходящих к хронике Продолжателя Регинона Прюмского. Относительно времени крещения Ольги в «Хронике» отмечено, что это произошло в Константинополе при императоре Романе⁴.

¹Историография вопроса см. в: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 221–223.

²Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 165.

³Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. Ст. 49–50.

⁴Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 105, 107.

Греческий корпус источников составляют хроники Скилицы и Зонары, а также трактат «*De cerimoniis*», в 15-м разделе второй книги которого описан сам прием Ольги с указанием дней недели и соответствующих дат, однако не указан год⁵.

Скилица, у которого брал информацию Зонара, писал через сто лет после описываемых событий. Визит Ольги в Константинополь хронист помещает в период правления Константина VII и отмечает, что она прибыла после смерти своего мужа. Знает Скилица и то, что ее муж ходил походом на Византию⁶.

Важным источником для хронологии поездки Ольги является трактат «*De administrando imperio*», к созданию которого был причастен Константин; составление трактата относится к 948–952 гг.⁷ В «*De administrando imperio*» дается довольно детальная и точная информация о Приднепровской Руси. Знает Константин и князя Игоря («Ингора»), но император ничего не говорит о его смерти. Удивительным является и тот факт, что Константин включил описание приемов Ольги в «*De cerimoniis*», но ни единым словом не обмолвился о ней в «*De administrando imperio*», хотя в любом случае он о ней знал, и это при том, что трактат был предназначен для сына Константина — Романа II, который также лично знал Ольгу. Таким образом, можно предположить, что «*De administrando imperio*» был составлен до визита Ольги в Константинополь, что может быть еще одним аргументом в пользу 957 г.

Остается аргумент *ex silentio* основного источника, «*De cerimoniis*», в котором также можно усомниться, прежде всего исходя из жанровой особенности сочинения. «*De cerimoniis*» составлялся не по дневниковым записям, он являет собой компилятивный официальный трактат, смесь «из документов, написанных разными людьми и в разные времена»⁸, хотя во многом и под руководством Константина.

Для того, чтобы согласовать данные источников, представляется необходимым проанализировать их сведения в контексте реалий того времени. Учитывая специфику проблемы — крещение княгини, целесообразно рассмотреть ее в контексте обрядовой практики византийской

⁵*Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo* / E rec. I. Reiskii. Bd. I. Bonnae, 1829. P. 594–598.

⁶*Ioannis Scylitzas. Synopsis historiarum* / Rec. I. Thurn. B.; N.Y., 1973. P. 239.59–76.

⁷Литаврин Г.Г., Новосельцев А.П. Предисловие // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 5.

⁸Шевченко И. Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 28.

Церкви⁹. Ведь, как справедливо отметил А.В. Назаренко, оставляя без внимания всеохватную роль Церкви в раннесредневековом обществе, нельзя создать полноценной истории того общества¹⁰. Именно такой методологический подход дает возможность предложить с точностью до дня дату крещения княгини Ольги.

В ранний период истории Церкви крещение происходило один раз в году — в Страстную субботу, между вечерней и литургией. Готовящийся к крещению должен был поститься сорок дней. Со временем крещение было разрешено и в другие дни, но обычай соблюдать сорокадневный пост, как и крещение в субботу, сохранялся. Крещению обязательно предстояло оглашение. Катехизация происходила на протяжении сорокадневного поста перед крещением. Таким образом, можно предположить, что Ольга сперва была оглашена и, как следствие, должна была отбыть сорокадневный пост и пройти катехизацию.

О том, что Ольга в Царьграде была катехизирована, прямо упоминается в ПВЛ: «И поучи ю патриархъ о вѣрѣ...»¹¹. В этих словах усматривается некая параллель с огласительными словами. То, что Ольга прошла катехизацию отмечал Х. Ханник, но ученый относил оглашение к Киеву (955 г.), а само крещение к Константинополю (957 г.)¹². Однако, согласно византийской практике, на государя-неофита оказывалось влияние непосредственно в столице империи. Поэтому более вероятным представляется, что и оглашение, и крещение Ольги произошли в Константинополе.

Отсюда заслуживает особенного внимания промежуток времени между 9 сентября и 18 октября — датами приемов Ольги у императора, между которыми прошло ровно 40 дней. Тем самым можно предположить, что это и был необходимый срок для совершения обязательного поста перед крещением.

В историографии неоднократно отмечалось, что Ольга не могла быть на приеме у императора язычницей. 31 канон Лаодикийского Собора запрещает совместные трапезы с еретиками и язычниками¹³. В то же время, в комментарии к 11 канону Гангрского Собора Зонара отмечает,

⁹См. Гордієнко Д. Хрещення княгині Ольги в контексті обрядової практики візантійської церкви // RUTHENICA. 2006. Т. V. С. 12–18.

¹⁰Назаренко А.В. О междисциплинарном подходе к изучению Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1. С. 5.

¹¹ПСРЛ. Т. 2. Ст. 49.

¹²Hannick Ch. Die byzantinischen Missionen // Kirchengeschichte als Missionsgeschichte. Bd. 2: Die Kirche des früheren Mittelalters. 1. München, 1978. S. 340–346.

¹³Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 243.

что с древних времен установился обычай после причащения Святых Таин собираться вместе для совершения трапезы, которые назывались «трапезами любви»¹⁴, первая из которых и была после оглашения, что известно и в практике «политических крещений» Византии¹⁵.

Таким образом, можно предположить, что накануне 9 сентября, наиболее вероятно 8 сентября, в день Рождества Богородицы, состоялось оглашение княгини Ольги, после чего состоялся прием у Константина VII, на котором был дан официальный, а также «интимный» праздничный обед, который и мог быть той трапезой, которая символизировала вхождение неопита, Ольги, в число христиан. Между двумя приемами княгиня совершила причитающийся сорокадневный пост, после которого, в ночь на 18 октября 957 г. (с субботы на воскресенье), состоялось крещение Ольги, в честь чего, опять-таки, был дан праздничный обед, известный как второй прием у императора.

М.В. Грацианский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

К вопросу о происхождении этнонима «анты»

Этноним «анты» является одним из древнейших названий группы племен древнеевропейского происхождения, которые ныне принято называть славянами. Народ антов, часто упоминаемый в письменных источниках VI–VII вв., составленных на латинском, греческом и сирийском языках, сыграл заметную роль в судьбах Римской империи. О нем повествуют сочинения Прокопия Кесарийского, Иоанна Эфесского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора, анонимный военный трактат и «Стратегикон» Маврикия¹. Последним известием об антах в исторических источниках является упоминание их в титуле римского императора, относимое к 612 г.

Сочинение Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»), первое в хронологическом порядке упоминающее этноним анты (Antes), содержит о них следующие сведения: «У левого их (Альп) склона ..., начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же

¹⁴Там же. С. 118.

¹⁵См. Иванов С.А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 56.

¹См. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994 (далее: СДПИС).

преимущественно они называются склавенами и антами. ... Анты — сильнейшие из обоих [племен] — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов»². У Прокопия Кесарийского мы также находим сведения о родстве антов и славян: «Ведь племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но древле живут в народовластии... Есть у тех и у других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешнеюстью они друг от друга ничем не отличаются... Да и имя встарь у склавинов и антов было одно...»³ Таким образом, наши главные источники недвусмысленно свидетельствуют о родстве славян и антов и об их общем происхождении, вероятнее всего от венедов.

Происхождение и этимология слова «анты» остаются до сих пор невыясненными. Наиболее распространенной теорией является теория иранского происхождения этого этнонима. Через индийское *ántas* «конец, край» *ántyas* «находящийся на краю» и аналог этого слова в осетинском языке название «анты» толкуют как «живущие на украине, пограничные жители»⁴. Однако в таком случае следует предполагать иранское происхождение племен антов, что полностью противоречит единогласному мнению источников об их родстве со славянами.

Теория об иранском происхождении этнонима анты является фактически единственной. Показательно, что в фундаментальном академическом «Своде древнейших письменных известий о славянах», комментатор и переводчик Иордана А.Н. Анфертьев обходит стороной вопрос о происхождении этнонима анты⁵. В своем кратком комментарии он ограничивается огульным отвержением существующих гипотез, при этом неславянское происхождение этнонима считает «безусловным».

По нашему мнению, ответ на вопрос об этимологии этнонима анты следует искать в связи с постулируемым Иорданом происхождением антов от венедов. В пользу этого говорит тот непреложный факт, что средневековые западные (германские) источники именуют повисленских и прибалтийских славян (вплоть до XIII в.) вендами, т. е. венедами. Данный этноним по своему происхождению является, по всей видимости, экзогенным, т. е. несобственным, прилагаемым к этносу иноплеменни-

²Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* // Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997. С. 67. Ср. СДПИС. Т. 1. С. 107–109.

³СДПИС. Т. 1. С. 183–185.

⁴См. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962. С. 60.

⁵СДПИС. Т. 1. С. 159.

ками. Впрочем, некоторые из славян использовали этот этноним в качестве самоназвания. Речь идет о племени вятичей (*вятичѣ*). Это самоназвание, если отбросить вторичный суффикс —ич, бесспорно восходит к этнониму «венд/вент» (**уѣдѣ / уѣтѣ*)⁶. Тем самым следует предполагать бытование этого этнонима и в среде самих славян, где он, по всей видимости, подвергся переходу из «полногласной» формы «венеды» в «неполногласную» «венды/венты» примерно по следующей цепочке: **уѣнедѣ* → **уѣпѣдѣ* → **уѣдѣ* с конечной назализацией группы —еп и ее переходом в —ѣ (в славянской графике — Ѧ). К этому же корню можно, по нашему мнению, возвести и слово «вящий» (*вѧщій*), имеющее также звучание «вятиший» (*вѧтшій*, из **уѣтсѣ*), и обозначающее, в том числе, «старший по положению, по возрасту», «наиболее знатный, родовитый, богатый»⁷. Предположительно это слово могло изначально иметь социальное значение и обозначать «принадлежащий к племени вендов», т. е. к одному из старейших, старших племен славян.

Исходя из вышеприведенных данных можно с иной точки зрения посмотреть на происхождение этнонима «анты». Можно предположить, что речь идет всего лишь об утрате начального билабиального *у*: **уѣдѣ* → **(у)ѣдѣ* [**(у)ѣтѣ*]. Остается выяснить, в результате чего произошла такая утрата переднего билабиального звука (призвука). Это могло иметь место при передаче племенного названия «анты» в иностранных языках, прежде всего в греческом. Вероятно, билабиальный призвук в начале слова в антском диалекте (диалектах), — а билабиальное произношение «в» является исконным для славянских языков, — произносился настолько слабо, что при графической передаче этого слова по-гречески его воспроизведением пренебрегли, тем более, что греческая графика не имеет для этого адекватных средств. В дальнейшем при посредстве именно греческих источников (письменных и устных) данное слово перешло в латинские и сирийские сочинения, упоминающие антов.

Наша гипотеза имеет также следующее подтверждение. Согласно весьма убедительной догадке Ф.А. Брауна⁸ имя готского царя Винитария (*Vuinitharius*), который, согласно сведениям «Гетики» Иордана, в кон-

⁶*Gołąb Z. Veneti / Venedi — the oldest Name of the Slavs // Journal of Indo-European Studies. Vol. 3. № 4. 1975. P. 326–327.*

⁷Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 288; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М., 1989. С. 313.

⁸Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С. 252, прим. 1, 333.

це IV в. победил антов, означает не что иное как «победитель венетов». О.Н. Трубачев счел возможным уточнить эту интерпретацию и истолковать имя Винитарий как «убийца, потрошитель венетов»⁹. Весьма показательно, что готский победитель антов называет себя чем-то вроде «истребителя венетов». Очевидным в данном случае является то, что анты и венеты для готов — одно и то же. Не исключено, что славянский племенной союз антов, ушедший во времена миграций дальше на восток, чем другие славянские племена, уже в IV в. оказался в сфере прямого политического влияния готов, которые называли их именем, обычно прилагаяемым германцами к славянам. Не исключено, что именно по этой причине эти славяне сами стали прилагать к себе название венетов, однако в несколько измененном фонетическом облике.

А.В. Громова

Институт стран Азии и Африки при МГУ (Москва)

К вопросу о методах историописания в «Хронографии» Иоанна Малалы

«Хронография» Иоанна Малалы¹, с точки зрения работы хрониста с доступным ему историческим материалом, изучалась прежде всего как эклектичный набор элементов, подлежащих анализу и идентификации с первоисточником. Поскольку труды писателей, упомянутых Малалой, до нас не дошли, эти построения имеют пусть и убедительный, но все же гипотетический характер. При этом роль самого Малалы сводилась к минимуму, что приводило к весьма критичным оценкам на его счет, особенно при сравнении с современниками, такими как Прокопий Кесарийский.

С 80-х гг. XX в. все больше внимания стало уделяться анализу структуры «Хронографии», исходя из того что сама ее строго выдержанная композиция свидетельствует о наличии у Малалы четкого авторского замысла и схемы, согласно которой он организует материал.

Еще одним аргументом в пользу осознания Малалой своей роли как автора может служить анализ преамбулы, которой не было в Боннском издании, основанном на единственной рукописи, хранящейся в Бодлеянской библиотеке Оксфорда и которая была восстановлена в издании 2000 г.

⁹Трубачев О.Н. *Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологический комментарий* // *Этимология*. 1986–1987. М., 1989. С. 51; *он же*: *Этногенез и культура древнейших славян*. М., 2002. С. 98.

¹Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Thurn // CFHB. Vol. 35. Berolini, 2000.

В настоящем докладе зачин «Хронографии» анализируется по критериям, использованным И.С. Чичуровым для анализа вступлений к трудам других ранневизантийских историков. Его целью было выявить степень «авторского самосознания» и «авторской анонимности», которые С.С. Аверинцев рассматривал как основополагающие принципы греческой литературы, противостоящей ближневосточной словесности.

Речь идет о высказываниях автора о себе, о своем произведении и его теме, жанре, задачах, о причинах, побудивших к написанию исторического труда.

Другой важный аспект — композиционные ремарки, ссылки на источники и отношение к предшественникам в целом, так как осознание себя автором влечет за собой осознание себя и своего сочинения в ряду других авторов и сочинений, тем самым возникает необходимость ссылаться на собратьев по перу.

В итоге можно утверждать, что Малала четко осознавал, к какой аудитории он обращается, почему он приступает к написанию «Хронографии», каковы хронологические рамки его произведения, каково его отношение к трудам предшественников, как он собирается работать. Это сближает его с современниками, продолжателями античных традиций историописания.

В то же время, он почти ничего не говорит о себе и подчеркивает, что история пишется всеми, кто берется за перо, что она представляет собой результат коллективного труда. Тем самым он открывает движение в сторону безличной историографии, как летопись Феофана, который работал на грани авторской анонимности.

«Хронография» представляет собой комплекс общедоступный сведений и предназначалась для широкого круга читателей. Это делает ее весьма значимым произведением для реконструкции представлений византийцев VI в. об окружающем их мире и о его истории, особенно с учетом влияния, которое она оказывала на мировоззрение византийцев в течение многих столетий.

С.А. Денисов

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)

Социально-политические отношения в Эпирском царстве в первой половине XIII в. в освещении российских ученых XIX–XX вв.

Эпирское царство наряду с Никейской империей и Трапезундом представляет собой один из греческих политических центров, появившихся после взятия Константинополя участниками четвертого крестового похода в 1204 г. Благодаря дипломатии и военным кампаниям, ее правителям удалось к концу 1220-х гг. распространить свою власть на обширные области: Фессалию, Фракию, Македонию. В 1224 г. эпирский правитель Феодор I Дука (1215–1230) освободил от власти крестоносцев Фессалонику, где принял в 1227 г. титул императора. Однако развить успех Феодору I не удалось: в 1230 г. он потерпел поражение от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241/1242) в битве при Клокотнице. Несмотря на это, эпирские правители продолжили соперничать с никейскими императорами за роль объединителей ромейских земель вплоть до 60-х гг. XIII столетия.

Вследствие своего видного участия в событиях первой половины XIII в. Эпирское царство привлекало внимание европейских историков, начиная с XVII в., когда Ш. Дюканжем было рассмотрено положение, занимаемое представителями семейства эпирских Дук и рода Петралифов¹. В последующие столетия освещение получили самые разнообразные аспекты жизни царства: политическая история (работы К. Гопфа², А. Милиараки³), устройство церкви (труды А. Карпозилоса⁴ и М. Энголда⁵) и другие. В монографиях Д.М. Найкола и Ф. Бреденкампа была выявлена специфика царства как государственного образования⁶.

¹*Du Cange Ch. Historia Bysantina duplici commentario illustrata. Parisiis, 1680. Vol. 1. P. 206–208.*

²*Hopf K. Geschichte Griechenlands von Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // Allgemeine Encyclopädie. Leipzig, 1867. Bd. 85.*

³*Μηλιαράκης Α. Ιστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου 1204–1261. Ἀθήναι, 1898.*

⁴*Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy between the kingdom of Nikaea and the principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973.*

⁵*Angold M. Church and Society in Byzantium under the Comneni 1081–1261. Cambridge, 1995.*

⁶*Nicol D. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957; Bredenkamp H. The Byzantine Empire of Thessalonike (1224–1242). Thessalonike, 1995.*

Важной чертой данной характеристики стали социально-политические отношения.

Каким был вклад российских ученых в изучение данного вопроса? В целом, изучение отечественными византинистами социально-политических отношений шло в направлении схожем, в общих чертах, с исследованиями европейских ученых. В этом процессе можно выделить два периода. Первый из них охватывает время XIX — первая половина XX вв., когда указанный вопрос исследовался как часть политической истории Византии. В это время освещение получают такие аспекты, как взаимоотношения между правителем и подданными, и, в частности, — отношения властей и представителей высшего духовенства. Данные аспекты, впервые затронутые П. Медовиковым⁷, получили освещение в трудах В.Г. Васильевского⁸, А.А. Васильева⁹, М.В. Левченко¹⁰, Ф.И. Успенского¹¹. Полному изучению данного вопроса способствовала публикация отечественными учеными писем одного из церковных иерархов царства, Навпактского митрополита Иоанна Апокавка (ок. 1200–1230)¹².

Второй период охватывает конец 1940-х — 1990-е гг., когда социально-политические отношения были выделены как отдельная тема для изучения, что обусловлено вниманием к изучению частных тем, которое было характерно для византистики послевоенного периода¹³. В работе Б.Т. Горянова были рассмотрены грамоты, пожалованные правителями представителям духовенства и аристократии¹⁴. Внимание к истории локальных греческих государств, усилилось в СССР после XV международного конгресса византистов, проходившего в 1976 г. в Афинах, главной темой которого стало развитие центробежных сил в Византийской империи. В работах П.И. Жаворонкова¹⁵ и С.П. Карпо-

⁷Медовиков П. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному населению вообще. М., 1849. С. 62, 82.

⁸Васильевский В.Г. Обновление Болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II // ЖМНП. 1885. Т. 238. № 3. Отд. 2. С. 17–19.

⁹Васильев А.А. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг., 1923. С. 22.

¹⁰Левченко М.В. История Византии. М.-Л., 1940. С. 234.

¹¹Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 401–425.

¹²Васильевский В.Г. *Epirotica saeculi XIII*. СПб., 1896. С. 233–299; Пападопуло-Керамевс А.И. *Noctes petropolitanae*. СПб., 1913. С. 249–294.

¹³Шуруров Р.М. Великие Комнины и Восток. (1204–1461). СПб., 2001. С. 12.

¹⁴Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 118, 172–173.

¹⁵Библиография изложена в недавнем издании «Истории» Георгия Акрополита, под-

ва¹⁶ были специально рассмотрены отдельные аспекты истории соответственно Никейской империи и Трапезунда. История Эпирского царства получила в таком контексте освещение в работах Ю.Я. Вина¹⁷ и М.А. Морозова¹⁸.

Вместе с тем для работ отечественных византинистов характерно несколько отличий от трудов европейских ученых: 1) внимание к церковной истории, активное использования эпистолярного наследия Иоанна Апокавка для раскрытия различных аспектов социально-политических отношений; 2) использование актового материала для раскрытия социально-экономических основ власти.

Данные отличия позволяют говорить о весомом вкладе отечественных византинистов в изучение социально-политических отношений в Эпирском царстве, как специфического локального государства, существовавшего на пространстве византийских земель в первой половине XIII столетия.

Э.Н. Добрынина

Государственный институт искусствознания (Москва)

Формы греческого глагола и развитие иконографии Вознесения пророка Илии*

В фундаментальном труде Петера Ландесмана «Die Himmelfahrt des Elija»¹ систематизированы письменные и изобразительные источники иконографии Вознесения пророка Илии. Обширный художественный материал (от египетских рельефов до римских саркофагов, живописи катакомб и раннехристианских мозаик) изучен на основе библейских свидетельств, иудейской, апокалиптической и раввинистической литературы. В итоге автором выявлены экзегетические основы символического содержания как самой сцены Вознесения, так и различных аспектов композиции, состава персонажей, их одеяний, жестов и т. д. сосре-

готовленном исследователем (см. *Георгий Акрополит. История* / Пер., вступ. ст., комм. и прил. П.И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 355–357).

¹⁶Библиографию см. в: *Карпов С.П. История Трапезундской империи*. СПб., 2007. С. 534–535, 555–556.

¹⁷Вин Ю.Я. Обычное право и знать в изображении Димитрия Хоматиана // *Элита и этнос Средневековья* / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1995. С. 251–258 и другие.

¹⁸Морозов М.А. Крупная провинциальная собственность в Византии XI–XIII вв. Диссертация. Рукопись. СПб., 1999.

*Работа ведется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08–04–00400а.

¹*Landesmann P. Die Himmelfahrt des Elija: Entstehen und Weiterleben einer Legende sowie ihre Darstellung in der frühchristlichen Kunst*. Wien–Köln–Weimar, 2004.

доточив внимание на памятниках искусства до V в. н. э. включительно и на письменных источниках, характеризующих стадию формирования данной иконографии, П. Ландесман оставил за рамками исследования ее эволюцию в византийскую эпоху².

Начальная стадия в сложении данной иконографии отражена в раннехристианских памятниках, в том числе на римских саркофагах³. Илия изображается на колеснице обращенным к Елисею, который протягивает покровенные руки к его милоти. Композиционно обе фигуры находятся в одном регистре. Изучение дальнейшего развития этой схемы было сосредоточено на истолковании различных персонажей, олицетворений, символов и иных деталей на основе христианской гомилетики и экзегетики⁴. При этом вне внимания исследователей остался тот факт, что большинство сцен с Вознесением пророка Илии относится к двум типам: в одном случае пророк Илия и Елисей, находящиеся в разных регистрах изображения, разделены свободным пространством, в другом случае они соприкасаются, поскольку их руки держат милоть, которая является очевидным центром композиции.

Обоснованием предложенной типологии служат иллюстрированные греческие рукописи IX–XII вв. Задача настоящей работы состоит в изучении дополнительных источников по данной проблематике, а именно подписей к миниатюрам (легенд) и соответствующих мест в иллюстрируемых текстах.

1. Древнейшее из известных изображений с Вознесением пророка Илии, содержащих оригинальные подписи, находится в Хлудовской Псалтири середины IX в. (ГИМ, Хлуд. 129 д, л. 41 об.)⁵. Подпись к миниатюре содержит аористное причастие медиально-пассивного залога (ἡλίσας ἀναλφθεῖς)⁶. Она описывает событие, переданное стихом IV Цар. 2:11 и буквально повторяет лексическую конструкцию стиха Деян. 1:11 с сообщением о Вознесении Христа. К представленному на этой миниатюре варианту иконографии относятся все изображения, на которых пророк

²Беглое упоминание трех греческих рукописей в одной из последних глав монографии не лишено досадных неточностей в датировках и опечаток (*Landesmann P. Op. cit. S. 203*).

³*Landesmann P. Op. cit. Abb. 41a, b, 48, 59. S. 147–191.*

⁴*Kominko M. Elijah in the Christian Topography — Syriac story and Greek image? // Aram. 2008. Vol. 20. P. 101–110.*

⁵Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской Псалтири: Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977. Л. 41 об.; *Salterio griego Jlú dov (ms. gr. 129, Museo Histórico del Estado, Moscú). Madrid, 2007. Fol. 41 v.*

⁶Здесь и далее греческие подписи к миниатюрам и цитаты рукописных источников приводятся в орфографии оригинала.

Илия и Елисей находятся в отдалении друг от друга. В большинстве случаев подписи на таких изображениях отсутствуют или обозначают персонажей без уточнения характера действия, как, например, на миниатюре в единственном иллюстрированном списке Книг Царств конца XI в. (Vat. gr. 333, л. 109 об.)⁷ или на романском рельефе XII в. на западном портале собора в Фиденце⁸.

2. Самым ранним образцом второго варианта иконографии служат, по-видимому, деревянные врата базилики Св. Сабины в Риме (около 430 г.)⁹; известен он и по ряду миниатюр в следующих рукописях: Гомилиях Григория Назианзина 867/86 г. (Paris. gr. 510, л. 264 об.)¹⁰; списке *Sacra Parallela* конца IX в. (Par. gr. 923, л. 268 об.); Библии около 900 г. (Vat. Reg. 1, л. 302 об.)¹¹; Псалтири XI в. (Vat. Barb. gr. 372, л. 73)¹²; в двух списках «Христианской топографии» XI–XII вв. (Sinait. gr. 1186, л. 107 об. и Laur. Plut. IX.28, л. 146)¹³. На этих изображениях стоящий в колеснице пророк Илия и Елисей не разделены свободным пространством, а касаются милоти, т. е. воспроизведен момент ее непосредственной передачи, который не упомянут в библейском источнике. Перенос акцента с одного события на другое (с вознесения Илии на принятие милоти Елисеем) выражен как изобразительными средствами, так и в словесной форме — в подписях к миниатюрам (например, в Vat. gr. 499, л. 66 об.: ἐλίσσέ δε-χόμενος τὴν μῆλωτῆν). Помимо смены действующего лица меняется и характер действия, которое выражено причастием от глагола настоящего времени, что согласуется с конструкцией стиха IV Цар. 2:10. Именно на 10-й стих опираются последующие комментаторы, объясняя обретение Елисеем пророческого дара через снисхождение на него Св. Духа в момент вознесения пророка Илии. Об этом говорят, приводя дословные

⁷Lassu J. L'illustration Byzantine du Livre des Rois, Vaticanus Graecus 333. Bibliothèque des Cahiers Archéologiques 9. Paris, 1973. P. 83–84. Pl. XXXI, fig. 104. Подписи на миниатюре: ὁ ἄ(γιος) ἡλίας; ὁ ἄ(γιος) ἐλίσαιέ.

⁸Landesmann P. Op. cit. Abb. 76. Подписи: Elyas; Elyseus.

⁹Volbach W.F., Hirmer M. Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike in West- und Ostrom. München, 1958. Taf. 103–104.

¹⁰Buchthal H. Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford, 1957. Fig. III.

¹¹Weitzmann K. The Fresco Cycle of S. Maria in Castelseprio // Princeton Monographs in Art and Archaeology, 26. Princeton, 1951. Pl. 18, 34.

¹²Lexikon der christlichen Ikonographie / Hrsg. E. Kirschbaum, W. Braunfels u.a. Vol. 1. Rom-Freiburg-im-Breisgau-Basel-Wien, 1968. Col. 615, Abb. 1. Подписи на миниатюре: ὁ προφήτης ἡλίας; ὁ ἐλίσσαῖος.

¹³Kominko M. Opp. cit. Ill. 2, 3.

цитаты, Иоанн Златоуст¹⁴, Афанасий Александрийский¹⁵, а затем в свободном переложении Иоанн Зонара¹⁶ и Никита Сеид¹⁷.

Таким образом, развитие иконографии Вознесения пророка Илии привело к возникновению двух вариантов, каждый из которых содержит эту сцену. Один вариант иллюстрирует однажды совершившееся событие, которое осмыслено как прообраз Вознесения Христа. Святоотеческая традиция комментирует этот аспект в модусе констатации, оперируя глагольными формами прошедшего времени. Второй вариант призван удостоверить зрителя в чудесном получении Елисеем пророческого дара от Илии. Византийская гомилетика описывает это событие в формах настоящего времени как происходящее в присутствии очевидца, чему соответствует и композиционное решение изображений, и содержание подписей к ним.

М.Е. Домановская

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Понятие «византизм» в научном наследии В.К. Надлера

Одним из локальных центров византиноведения в период его становления как научной дисциплины во второй пол. XIX — нач. XX вв. по праву считается Харьковский университет, в котором и сейчас существует известная византиноведческая школа. Первой работой в Харьковском университете, посвященной византийскому государственно-му строю, является сочинение профессора кафедры всеобщей истории Василия Карловича Надлера «Юстиниан и партии цирка в Византии» (Харьков, 1876). А.С. Вязигин назвал эту работу одним из наиболее значимых трудов автора, который дает превосходную картину Царьграда и в ярких, правдивых чертах изображает образ византийского самодержца. Это единственная книга ученого, посвященная исключительно византийской проблематике. Как и для многих византинистов того времени, история Византии не была для В.К. Надлера единственным и основным предметом многолетних исследований. Очевидно, обращение дореволюционных историков к византистике было обусловлено социальным заказом, скорее всего — интересом православного общества

¹⁴*Joannes Chrysostomus*. In ascensionem domini nostri Jesu Christi // PG. T. 50. Col. 449; Idem. In Jordanem fluvium [Sp.] // PG. T. 61. Col. 727.

¹⁵*Athanasius Theologus*. Testimonia e scriptura [Sp.] (de communi essentia patris et filii et spiritus sancti // PG. T. 28. Col. 37.

¹⁶*Dindorf L.* Ioannis Zonarae epitome historiarum. Vol. 1. Leipzig, 1868. P. 144.

¹⁷*Simotas P.N.* Νικήτα Σεΐδου Σύνοψις τῆς Ἀγίας Γραφῆς // *Analecta Vlatadon* 42. Thessalonica, 1984. P. 210.

Российской империи к истории цивилизации, глубоко повлиявшей на судьбы всего славянского мира.

В.К. Надлер одним из первых в отечественной историографии обратился к дискуссионному на то время вопросу о понимании «византизма», с которым на Западе отождествляли «цезаропапизм», понимая под ним жесткий авторитарный режим. М.А. Поляковская в статье «Интерпретация понятия „византинизм“ в русской научной литературе конца XIX — начала XX в.» среди ученых, обращавшихся к этому явлению, В.К. Надлера не называет. Среди исследователей, которые положительно оценивали «византинизм» и его влияние на славянские государства, автор выделяет И.И. Соколова, Ф.И. Успенского, А.П. Рудакова, К.Н. Леонтьева, из харьковских византинистов — лишь Е.А. Черноусова. Среди критиков «византизма» М.А. Поляковская упоминает П.В. Безобразова и П.Я. Чаадаева. В диссертации Э.Н. Хрущевой «Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX — XX вв.» (Екатеринбург, 2003) взгляды В.К. Надлера, как и других представителей харьковского византиноведения, не рассматривались.

Обращаясь к истории Византии, В.К. Надлер пытался опровергнуть пренебрежительное отношение к «византизму», если под ним понимался «китаизм» на европейской почве, который Э. Гиббон назвал тысячелетней агонией общества, не могущего умереть, но и неспособного выжить. Сравнивая «византизм» с «деспотизмом», В.К. Надлер считал, что «Византия никогда не была деспотией в смысле державы древнего и нового Востока»; в отличие от других представителей отечественной византистики, он настаивал, что императорская власть не была абсолютно неограниченной: это проявлялось в отсутствии закона о престолонаследовании, а императорская деятельность тесно взаимодействовала с бюрократией, церковью, армией, партиями цирка и зависела от них. Деспотичной и неограниченной считали власть византийских императоров В.Г. Васильевский, Ю.А. Кулаковский, Ф.И. Успенский, П.В. Безобразов, А.П. Рудаков, А.А. Васильев.

Очевидно, именно «оправдание» В.К. Надлером Византии и «византизма» во вступительной части было одним из ключевых моментов его работы «Юстиниан и партии цирка в Византии». Именно здесь автор наиболее самостоятелен, а все дальнейшее изложение истории партий цирка и восстания «Ника», основанное преимущественно на труде В.А. Шмидта, призвано подтвердить его тезис о цирковых партиях как важных институтах, противостоящих императорской власти и ограни-

чивающих ее полноту, противодействуя, таким образом, становлению самодержавного деспотизма на византийской почве.

Именно цирк и его партии историк считал некими символами политической свободы в жизни ромеев. В этом С.И. Лиман отмечает влияние на тон книги В.К. Надлера концепции Д. Финлея, а ряд утверждений и выводов автора считает прогрессивными для того времени. Интересным в этом контексте является утверждение В.К. Надлера о том, что в Риме, откуда традиции цирковых развлечений пришли в Византию, зрелища использовались императорами как способ усмирения политических страстей и отвлечения общественного внимания от более значительных вопросов. В свою очередь в Константинополе они стали формой, в которую вылилась страсть греков к общественной и публичной жизни, и выполняли, таким образом, роль политического института, формировавшего, выражавшего и доносившего до власти общественное мнение по тем или иным вопросам. Именно цирковые партии, будучи «громадными учреждениями, в котором принимали непосредственное участие десятки тысяч лиц», выступали действенными институтами, успешно ограничивающими императорский произвол.

Критично В.К. Надлер относился и к попыткам западных ученых объяснить чрезвычайную живучесть Византии исключительно внешними факторами (географическим положением, мирными отношениями с соседями-славянами, наличием прочных укреплений столицы). Приближаясь к мнению современных византинистов, ученый обращается, прежде всего, к внутренним причинам стойкости империи, акцентируя внимание на том, что в основе византийского государства лежал великий принцип обновления сил «свежими варварскими элементами», способствующий назначению на ведущие должности в империи в силу личных качеств и заслуг, а не только по происхождению. В современной византинистике это явление характеризуется как «вертикальная социальная мобильность». Выборность императорской власти также, по мнению В.К. Надлера, положительно сказывалась на ограничении произвола и деспотизма самодержца, а главным субъектом власти ученый называет бюрократический аппарат. Фактически, В.К. Надлер одним из первых в отечественной историографии начал закладывать фундамент современного понимания византийской цивилизации.

Обращаясь к восстанию «Ника», В.К. Надлер сравнивает его с революциями Нового времени. Возможно, этим сравнением ученый не столько стремился модернизировать события VI в., сколько хотел показать близость политических событий восстания «Ника» к европейским

революциям и, таким образом, опровергнуть тезис о косности, отсталости и деспотичности Византии по сравнению с Западной Европой.

Размышления В.К. Надлера о значении империи далеко не всегда были оригинальными и в целом вписывались в общий контекст любительского византиноведения того времени. Необходимо учитывать то обстоятельство, что автор не был профессиональным византистом, и работа изначально создавалась как актовая речь и была ориентирована на устное восприятие. Его главной задачей было «оправдание» «византизма», опровержение мифа об отсталости и деспотизме Византии, демонстрация ее активной и стихийно демократичной внутривнутриполитической жизни. Это позволило ученому выявить причины уникальной живучести ромейской державы, на которых и сегодня акцентируют внимание ведущие византилисты.

А.Н. Домановский

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

«Книга эпарха» в отечественной византистике конца XIX — начала XX в.

Последнее десятилетие XIX в. было ознаменовано открытием, публикацией и введением в научный оборот такого важного источника по истории византийской экономики и государственного строя, как «Книга эпарха», что значительно усилило внимание исследователей как к истории византийского города, городских ремесел и торговли, так и к административному устройству византийского государства. «Книга эпарха» — один из наиболее важных источников по истории организации ремесла и торговли в Константинополе в IX–XI вв. Ее текст был обнаружен в 1893 г. в Женеве французским исследователем Ж. Николем.

Находка сразу привлекла пристальное внимание византистов, и первая волна научных работ, написанных на основе данных «Книги эпарха», пришлась уже на конец 1890-х — первые десятилетия XX в. Не осталась она незамеченной и в отечественном византиноведении, где на нее откликнулся краткой рецензией Ф.И. Успенский, наметивший основные пути изучения данных памятника. Однако первым российским исследователем, написавшим обзорную работу с широким привлечением данных «Книги эпарха» стал П.В. Безобразов. Его очерк вышел в качестве приложения к переводу «Истории Византии» Г. Герцберга (1897 г.). Именно он заложил основы отрицательной оценки государственного контроля и регулирования торгово-ремесленной деятельности в Визан-

тии. По его мнению, государство своей регламентацией истребляло любые ростки предпринимательской самостоятельности византийских ремесленников и торговцев, тормозя тем самым развитие экономики.

Противоположное мнение было высказано вскоре Ф.И. Успенским, посвятившим специальное исследование эпарху города (1899 г.). Исследователь осветил не только судебные и административные функции столичного градоначальника, состав его ведомства-секрета, но и подробно остановился на деятельности чиновника и подчиненного ему департамента по контролю и регулированию столичных ремесел и торговли. Ф.И. Успенский позитивно оценивал систему государственного контроля и регламентации экономики, идеализировал отношения государства и предпринимательских кругов столицы, подчеркивая важность государственного протекционизма, что объяснялось его консервативной промонархической позицией.

Минуло около десяти лет, прежде чем западные ученые обратились к изучению тех же вопросов, при этом практически не упоминая о своих российских предшественниках. Следует упомянуть фундаментальный труд французского исследователя А. Во, посвященный характеристике эпохи Василия I Македонянина (1908 г.). В этой работе византинист уделил значительное внимание истории государственного управления и рассмотрел деятельность административных органов по контролю и регулированию торговой деятельности в столице империи.

Вскоре появилось также специальное исследование А. Штекле (1911 г.), посвященное изучению истории позднеримских и ранневизантийских корпораций. Ученый уделил значительное внимание функциям государственных органов и, прежде всего, секрета эпарха города, по регулированию коммерческого обмена. А. Штекле считал, что государственный контроль и придирчивая регламентация были негативным фактором, подавлявшим частную инициативу.

Монография А. Штекле вызвала значительный интерес, что выразилось в появлении ряда рецензий, из которых особенно выделяется богатая фактическим материалом и имеющая самостоятельное научное значение работа Е.А. Черноусова¹. В пробной лекции, прочитанной 6 ноября 1909 г. при избрании на должность приват-доцента кафедры всеобщей истории Харьковского университета он отмечал: «Все городское хозяйство подчиняется самой мелочной регламентации правительствен-

¹Черноусов Е.А. Римские и византийские цехи // ЖМНП. 1914. Ч. 59. № 9. Отд. 5. С. 154–178.

ных чиновников. Такой же точно регламентации в производстве, купле, продаже и внутренних распорядках подчинены в городах все торговые и промышленные корпорации»². Византист не упоминает «Книгу эпарха» прямо, но, несомненно, имеет в виду именно ее предписания.

Летом 1911 г. Е.А. Черноусов получил возможность заграничной командировки в Константинополь, где главной его целью было «посвятить свое время занятиям в местных архивах по вопросам, относящимся к организации торговли и промышленности в Византии». Ближайшим результатом научных исследований Е.А. Черноусова в этом плане как раз и стала обширная рецензия на монографию А. Штекле.

Преимущественное внимание в этой работе Евгений Александрович уделяет работе с первоисточником, прежде всего с «Книгой эпарха», детально анализирует отдельные ее предписания. Исследователь уточнил и пересмотрел многие частные выводы А. Штекле, не высказав, впрочем, возражений против негативной оценки роли государства в развитии византийского предпринимательства. Позже, в рецензии на книгу Л. Брентано, положительно оценивавшего систему государственного вмешательства в экономическую жизнь, Е.А. Черноусов заметил, что если византийские корпорации и были хозяевами положения на рынке, «то не столько в своих собственных интересах, сколько в интересах казначейства»³. В результате пристального контроля, по мнению историка, в империи «был очень рано уже атрофирован тот элемент, который на Западе в значительной степени способствовал выработке основ нового европейского государственного строя в противоположность средневековому, и который при свободном развитии дал бы Византии возможность успешно конкурировать с ее торговыми и промышленными соперницами, Венецией и Генуей»⁴.

Превалирование подобной концепции в историографии конца XIX — начала XX в. в значительной мере объясняется влиянием теоретических построений Э. Мейера, рассматривавшего капитализм в качестве высшей стадии развития каждого общества и соответственно находившего его и в Древнем Риме, и в Византии, а также популярностью теории А. Смита и его эпигонов о самодостаточности свободного рыночного саморегулирования экономики, государственное вмешатель-

²Черноусов Е.А. Основные черты государственного строя Византии // Записки Императорского Харьковского университета. 1912. Кн. 1. С. 8.

³Черноусов Е.А. По поводу одной маленькой книжки и небольшого к ней введения // Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1926. Т. 8. С. 138.

⁴Черноусов Е.А. Основные черты... С. 8.

ство в которую ведет к негативным последствиям. Однако при этом отечественные византинисты, которые также оказались под влиянием этих теорий, учитывали реалии раннего средневековья и оценивали характер и значение государственного вмешательства в торгово-экономическую жизнь более взвешенно и осторожно, чем их западные коллеги.

А.Н. Домановский, С.Б. Сорочан

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Харьковская византистика: истоки, история, перспективы

Одним из значительных провинциальных центров российского византиноведения второй пол. XIX — нач. XX вв. заслуженно считается Харьковский университет, неизменно называемый в работах по истории отечественной византистики в одном ряду с Новороссийским (Одесса), Казанским, Киевским, Юрьевским (Дерптским). При этом истоки харьковской университетской византистики можно отнести к еще более раннему времени — самому началу XIX в., когда наука в новообразованном университете (основан в 1804 г.) лишь делала первые шаги. Наиболее ранней византиноведческой работой в Харьковском университете можно считать труд профессора юриспруденции И.Ф. Тимковского (1772/73–1853) «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808). Впрочем, это сочинение на многие десятилетия было едва ли не единственным примером обращения харьковских ученых к византиноведческой проблематике.

Начало настоящего расцвета харьковской византистики приходится на середину — третью четверть XIX в. В это время в университете появляется ряд исследований, которые можно разделить на две большие группы: 1) по истории византийско-славянских отношений; 2) по политической и церковной истории Византии.

Первую группу работ открывает магистерская диссертация Н.А. Лавровского (1825–1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853), представлявшая собой, прежде всего, блестящий филологический разбор текста договоров, позволивший убедительно отстаивать мысль об определяющем византийском влиянии на язык соглашений. В этом отношении работа Н.А. Лавровского не потеряла своего научного значения по сегодняшний день.

В историческом ракурсе рассматривал византийско-славянские (преимущественно византийско-болгарские) отношения М.С. Дринов

(1838–1906). Главным его трудом в этом плане стала докторская диссертация «Южные славяне и Византия в X в.» (1876). Явная антивизантийская направленность взглядов исследователя не помешала ему, впрочем, придти к ряду выводов, поддерживаемых современными историками.

Ко второй группе исследований относятся, прежде всего, книги заметного историка того времени, профессора Харьковского университета А.П. Зернина (1821–1866) «Император Василий I Македонянин» (1854), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858), «Очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия» (1858) и очерк не бывшего профессиональным византинистом профессора кафедры всеобщей истории В.К. Надлера «Юстиниан и партии цирка в Византии» (1876). Общее, что объединяло работы двух историков — преимущественное внимание к внутренней истории Византийской империи, последовательная защита «византизма» и апология византийской цивилизации. Церковной историей Византии занимался А.С. Лебедев (1833–1910), посвятивший ей ряд очерков, опубликованных в 1870-е гг.

Последующее после выхода в свет книги В.К. Надлера тридцатилетие не отмечено в истории харьковского византиноведения сколько-нибудь значимыми трудами. Вопросы византистики присутствовали в той или иной мере в творчестве историков западноевропейского средневековья, освещались в общих лекционных курсах по истории средних веков, в частности, в курсе «Лекций по всемирной истории» М.Н. Петрова (1826–1887), однако узконаправленной подготовки специалистов-византинологов в Харьковском университете того времени не осуществлялось. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что несколько известных византинистов, работавших в Харькове в кон. XIX — нач. XX вв., получили образование в других отечественных вузах: Новороссийском университете (Е.К. Редин; 1863–1908), Петербургском университете (Ф.И. Шмит; 1877–1937), Нежинском историко-филологическом институте (В.И. Савва; 1865–1920, Е.А. Черноусов; 1869–?).

В работах названных ученых продолжается изучение славяновизантийских отношений, политической истории Византийской империи, но также закладываются новые направления: 1) изучение искусства и культуры Византии и стран византийского круга влияния; 2) исследование социально-экономической истории империи.

Зачинателем первого из них был Е.К. Редин, выдающийся специалист по истории византийского искусства, ученик Н.П. Кондакова, в харьковский период своей деятельности (1893–1908) в плане византи-

истики работал над фундаментальной докторской диссертацией «Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам», посвященной изучению миниатюр в древнерусских списках сочинения Косьмы Индикоплова. Его капитальная, добротной иллюстрированная монография увидела свет лишь в 1916 г., подготовленная и изданная после ранней смерти исследователя Д.В. Айналовым. Достойным преемником и продолжателем дела Е.К. Редина на поприще изучения византийского искусства стал Ф.И. Шмит, возглавлявший в 1912–1920 гг. университетскую кафедру теории и истории искусств.

Историю культурного и идеологического влияния Византии на Россию изучал В.И. Савва, работавший на кафедре российской истории и защитивший в 1902 г. магистерскую диссертацию «Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей».

Наконец, видным византинистом, изучавшим широкий круг вопросов истории Византии, стал Е.А. Черноусов, работавший в Харьковском университете в 1906–1918 гг. В круг его научных интересов входили византийские культурные, политические и правовые феномены, социально-экономическая история империи. К изучению последней он обращался со временем все более часто, последовательно и основательно.

Важнейшей тенденцией этого периода истории харьковского византиноведения стало преподавание общих и специальных курсов по истории Византии, штудирование древнегреческого и латинского языков, бывшее залогом подготовки собственно харьковских византиноведческих кадров. К примеру, одним из направлений преподавательской деятельности Е.А. Черноусова были практические занятия по изучению памятников византийского законодательства со студентами старших курсов. Их интенсивность и эффективность своеобразно иллюстрируется тем, что один из этих студентов, В. Зиборовский, осуществил первый перевод на русский язык «Книги епарха», снабдив его подстрочными примечаниями и комментариями, а также подготовив научный трактат «Время происхождения Книги Эпарха».

Высокий уровень развития харьковской византистики в первые десятилетия XX в. не остался незамеченным со стороны ведущих российских византинистов того времени. Известно датированное 1915 г. письмо А.А. Васильева к Ф.И. Успенскому, в котором шла речь о возможности возникновения специализированных кафедр византиноведения в ведущих университетах империи. В нем, в одном ряду с Петро-

градом, Киевом, Одессой, Юрьевом, Казанью назван и Харьков, где, по мнению А.А. Васильева, при помощи Ф.И. Шмита дело мог наладить Е.А. Черноусов. «Если же кафедры действительно будут учреждены, — отмечалось в заключение письма, — то ученики, я уверен, найдутся, в этом не может быть сомнения. В добрый час!» Оптимистическим прогнозам А.А. Васильева не суждено было сбыться, и ближайший грозный час революции и гражданской войны, завершившийся приходом к власти большевиков, оказался для отечественной византистики далеко не добрым.

После отъезда из Харькова Ф.И. Шмита и Е.А. Черноусова и реорганизации Харьковского университета в Харьковский Институт народного образования, ставшей, по сути, ликвидацией системы университетского образования, специальные византиноведческие исследования в Харькове надолго прекратились. Пожалуй, в 1920-е гг. лишь В.П. Бузескул (1858–1931), который в это время возглавлял научно-исследовательскую кафедру всемирной истории (позже — кафедра европейской культуры), затрагивал в своих исследованиях вопросы византистики в историографическом контексте, изучая историю отечественной исторической науки. Наиболее значительной его статьей по истории византиноведения, изданной в то время, стал научно-биографический очерк о Ф.И. Успенском «Общий очерк научной деятельности Ф.И. Успенского», опубликованный в сборнике памяти ученого (1929 г.).

Показательна, впрочем, судьба и этого нового, историографического направления харьковской византистики. Издав первые два тома своего труда «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.», посвященные преимущественно истории антиковедения и медиевистики, В.П. Бузескул столкнулся с полнейшей невозможностью напечатать последний, третий том, в котором как раз и шла речь об истории российской византистики.

Восстановление Харьковского университета в 1933 г. не привело к возрождению византинистических исследований. В том же году была ликвидирована последняя академическая структура на Украине, занимавшаяся византийскими штудиями — Ближневосточная комиссия, и было вполне закономерно, что советская власть, имевшая собственные идеологические предубеждения и подозрения относительно византиноведения, не поддержала робких попыток восстановления византистики в Харькове.

Возрождение византиноведения в России, начавшееся в середине

1940-х гг., практически не отразилось на ситуации на Украине в целом и в Харьковском университете в частности. Специалистов по византиноведению, начиная с послевоенного периода и вплоть до середины 1980-х — начала 1990-х гг., в Харькове не было. Лишь изредка проблемы византистики затрагивались харьковскими историками в качестве косвенно значимых в контексте их основных специальных исследований. В контексте движения некоторых харьковских ученых к византистике можно выделить два направления: 1) историографическое и 2) антиковедческо-археологическое.

В историографическом плане традиции изучения отечественного византиноведения, заложенные В.П. Бузескулом, продолжил специалист по истории славяноведения А.И. Митряева (1922–1998). Изучая историографию истории средневековых славян, он неизбежно выходил в своих исследованиях на византийские сюжеты, что в итоге привело и к написанию ряда работ по истории украинской византистики. В 1990-е — 2000-е гг. свое окончательное оформление это направление эволюции харьковской византистики получило в научных работах ученика А.И. Митряева С.И. Лимана, посвятившего истории византистики на территории украинских губерний Российской империи в 1804 — первой пол. 1880-х гг. серию весомых статей (в соавторстве с С.Б. Сорочаном) и раздел в монографии по истории отечественной медиевистики.

Решающим, впрочем, стало второе из указанных направлений, условно названное антиковедческо-археологическим. Именно в его рамках к сюжетам из ранневизантийской истории, прежде всего на материалах археологических раскопок Херсонеса Таврического обращался в своих исследованиях корифей харьковской античной археологии В.И. Кадеев и его ученики. Дальше всех в этом направлении продвинулся С.Б. Сорочан, который уже в своей кандидатской диссертации, равно как и в изданной по ее мотивам в соавторстве с В.И. Кадеевым монографии «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э.» (1989) обратился к исследованию ранневизантийских сюжетов из истории торговли Херсонеса.

Окончательно переход исследователя к изучению сугубо византистических проблем был закреплен выходом в свет серии статей по истории византийской торговли эпохи раннего средневековья и монографии «Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена» (1998, 2001), ставших основой для докторской диссертации. Это стало основой возрождения в Харькове социально-экономического направ-

ления изучения истории Византии, прерванного в самом начале 1920-х гг. На современном этапе оно продолжает активно разрабатываться учениками С.Б. Сорочана, защитившими кандидатские диссертации — К.Ю. Бардой («Система налогообложения в Византии в IV–IX вв.», 2003) и А.М. Домановским («Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV–IX вв.», 2007).

В то же время, С.Б. Сорочан продолжил археологические и исторические исследования Херсонеса, концентрируя теперь внимание на византийском периоде истории города, что выразилось в многолетних раскопках на территории «цитадели» Херсонеса, серии статей и итоговой монографии «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры» (2005). Эти работы стали основой для зарождения еще одного направления современной харьковской византистики — изучения византийского Херсона, которое также уже представлено диссертационными исследованиями подготовленных им учеников — А.В. Латышевой («Христианская церковь и религиозная жизнь в византийском Херсоне (VI–X в.)), 2009) и М.В. Фомина («Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (VI–X в.)), 2010).

Вплотную проблемы византиноведения затрагивает также активно разрабатываемая в Харькове история и археология Хазарского каганата, представленная прежде всего именами В.К. Михеева (1937–2008) и его ученика А.А. Тортики, который, в контексте своего диссертационного исследования по истории алано-болгарского населения северо-западной Хазарии в этносоциальном и геополитическом пространстве Восточной Европы, посвятил немало страниц византийско-хазарским отношениям (см.: «Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы: вторая половина VII — третья четверть X вв.», 2006). Отметим, что диссертация А.А. Тортики, равно как и С.И. Лимана была подготовлена при тесном сотрудничестве с С.Б. Сорочаном, выступившим в качестве научного консультанта обоих исследователей.

Таким образом, эпицентром возрождения византистики в Харькове стала кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, ныне возглавляемая проф. С.Б. Сорочаном. К ней тянутся исследователи из всех научных центров города, принимая активное участие в проводимых ею мероприятиях и печатаясь в издаваемых при ее участии сборниках. Из таких исследователей необходимо упомянуть Р.И. Филиппенко, изучающего научное наследие Е.К. Редина (канд. дисс.: «Жизнь, общественная

деятельность и научно-историческое наследие профессора Харьковско-го университета Е.К. Редина (1863–1908)», 2004), а также Ю.Г. Гридневу (Матвееву) (канд. дисс.: «Эволюция византийской традиции в иконографии литургического шитья позднего средневековья», 2008).

Благодаря активному взаимодействию харьковских исследователей с коллегами-византинистами из других научных центров (Севастополь, Симферополь, Судак, Керчь, Белгород, Львов, Одесса, Черновцы и др.) регулярной стала работа секции по истории Византии на ставших уже традиционными с середины 1990-х гг. историко-археологических конференциях, проводимых Харьковским историко-археологическим обществом. Успешной стала также работа круглых столов по византистике в рамках Дриновских чтений, проводимых Центром болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова. На основе предыдущего опыта таких собраний (в 2006 и 2007 гг.) 1 июля 2010 г. был проведен I Международный симпозиум «Homo Byzantinus среди идей и вещей», привлечший исследователей из Украины, России, Белоруссии, Болгарии.

Ведущими харьковскими историческими научными изданиями, традиционно включающими весомые блоки статей во византистике, стали в середине 1990-х — 2000-е гг. «Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник», «Дриновский сборник», «Хазарский альманах». Все они уже успели получить заслуженное признание со стороны коллег из разных научных центров, с которыми сотрудничают харьковские византилисты.

Таким образом, 1990-е — 2000-е гг. стали периодом возрождения традиций харьковского византиноведения, закономерно концентрирующегося вокруг кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского университета.

Е.Ю. Ендольцева

Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург)

Об одном мотиве украшения алтарных преград в западном Закавказье

Среди рельефов, собранных в алтаре церкви святого Феодора на горе Анакопия (г. Новый Афон, республика Абхазия), выделяется один, украшенный изображением плетеного орнамента и креста. Левая грань украшена резным орнаментом, образованным лентой плетения на три полосы. Геометрический узор основан на взаимном сплетении и пересечении окружностей большего и меньшего радиуса. Слегка выступающее

ребро обозначает границу между двумя гранями и двумя элементами декора. Правая грань украшена частично сохранившимся изображением, которое можно реконструировать как процветший крест. Как и на левой грани, оно складывается из ленты плетения на три полосы. Сохранившиеся фрагменты поперечной и продольной перекладин креста орнаментированы каплеобразными завершениями на углах. Пропорции перекладин позволяют реконструировать крест, продольная ось которого располагается перпендикулярно к выступающему ребру рельефа. В этом случае волнообразная лента орнамента и шишкообразный предмет, показанные слева, могут быть интерпретированы как сохранившаяся часть схематически представленной виноградной лозы с гроздьями. Соображения по поводу времени создания этого рельефа уже высказывались¹, проблема же его функции остается нерешенной до сих пор.

Наиболее близким с точки зрения иконографии изображением можно считать рельеф, который находится в музее Херсонесского историко-археологического заповедника². Как и в случае с анакопийским рельефом, камень из Херсонеса — известняковой породы. Две грани херсонесского рельефа, образующие тупой угол, украшены резными изображениями. Ребро, разделяющее их, слегка выделено. Как и в предыдущем случае, на одной из граней изображен фрагмент плетеного орнамента, составленного из ленты в три полосы. Сходны также глубина рельефа и техника исполнения. Плетеный геометрический орнамент на херсонесском рельефе дополнен похожим по технике изображением креста так называемого мальтийского типа с расширяющимися к концам перекладинами. Углы этих перекладин украшены небольшими по радиусу окружностями с высверленным центром. На второй грани рассматриваемого рельефа изображен процветший крест и виноградная лоза с гроздьями по обе стороны от него. По форме и по технике исполнения этот крест идентичен фрагментированному кресту на правой грани анакопийского рельефа. Важно отметить, что его продольная ось также перпендикулярна выступающему ребру рельефа. Однако виноградная лоза, гроздь и листья выполнены гораздо более натуралистично. Кажется очевидным, что схематичная волнообразная лента, обрамляющая часть перекладины анакопийского креста, имитирует виноградную лозу с гроздьями такого типа, как на рельефе из Херсонеса. В отличие

¹Ендольцева Е.Ю. Рельефы Анакопии и архитектурная пластика Абхазского царства: к постановке проблемы // ВВ. Т. 68. 2009. С. 225–243.

²Византийский Херсон. Каталог выставки / Под ред. И.С. Чичурова. М., 1991. С. 145. № 149.

от резного камня из церкви святого Феодора, предназначение херсонесского камня более или менее определено. Вероятнее всего, это часть архитрава алтарной преграды³. Некоторые аналогии с шестигранными в сечении, украшенными плетеными геометрическими орнаментами и процветшими крестами архитравами алтарных преград XI в. с территории Греции делают вероятным данное предположение⁴. Интересно отметить, что в некоторых случаях те же элементы (плетеный геометрический орнамент, процветший крест с виноградной лозой и гроздьями, крест «мальтийского» типа с каплеобразными завершениями на углах перекладин) встречаются не на архитраве алтарной преграды, а на ее вертикальных столбиках. Среди греческих примеров стоит прежде всего отметить резное украшение иконостаса из собора в Серре (XI в.)⁵.

Вышеозначенные элементы украшают и столбик, найденный в селе Анухва, которое находится неподалеку от горы Анакопия⁶. Рассуждая о стилистических и технических особенностях резьбы этого столбика, в частности о трактовке лент плетения, количество которых увеличивается до трех, Л.А. Шервашидзе приходит к выводу о том, что памятник может быть датирован XI в.⁷ Эта гипотеза подтверждается и благодаря анализу особенностей ктиторской надписи, украшающей рассматриваемый объект⁸. Подобный мотив украшения алтарных преград встречается не только на территории Греции, но и в Грузии⁹. Ближайшей аналогией как по размеру, так и по характеру украшения (процветший крест, как бы вырастающий из геометрического орнамента) является столбик, обрамлявший центральный пролет алтарной преграды в храме в Потолети¹⁰. Исходя из анализа конструктивных особенностей этой преграды, а также стилистического и технического анализа ее резьбы, Р. Шмерлинг относит памятник к X в.¹¹

Подводя итог вышеизложенному, следует прежде всего отметить,

³Домбровский О.И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // Сообщения Херсонесского музея. III. 1963. С. 85.

⁴Архитрав алтарной преграды в церкви св. Луки в Фокиде: Grabar A. Sculptures byzantines du Moyen Age (XI–XIII ss.). II. Paris, 1976. Pl. XXV. Архитрав алтарной преграды в церкви Осии Мелетии в Мегаре: там же. Pl. XXVI.

⁵Grabar A. Sculptures. Pl. XXXVIII.

⁶Шервашидзе Л.А. Столб из села Анухва // Труды Абхазского государственного музея. Вып. IV. Сухуми, 1974. С. 176–185.

⁷Там же. С. 183.

⁸Там же. С. 184.

⁹Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

¹⁰Там же. С. 53, табл. 22, 23.

¹¹Там же. С. 54.

что рельеф из церкви св. Феодора на горе Анакопия, так же, как и камень из Херсонеса, очевидно могут быть идентифицированы как фрагменты архитравов алтарных преград. Что касается датировки первого объекта, то, исходя из стилистического анализа близких ему иконографических аналогий, а также из археологического и исторического контекста¹², время его создания следует отнести к XI в. По мнению О.И. Домбровского, рельеф из Херсонеса следует датировать XII–XIII в.¹³ Однако, учитывая приведенные стилистические и иконографические аналогии, время создания этого объекта можно перенести на сто лет раньше, то есть в XI в.

Таким образом, орнаментальный мотив, изображающий процветший крест, связанный с плетеным геометрическим орнаментом, следует признать типичным для украшения каменных резных алтарных преград в XI в., в частности на территории Греции, Крыма, западного Закавказья.

С.П. Заиграйкина

Государственный институт искусствознания (Москва)

Мозаики V в. в Италии. К вопросу о стиле

В настоящем докладе речь пойдет о некоторых особенностях стиля живописи V в. Материалом для анализа послужили мозаики в капеллах Сант Авилино и Сан Витторе ин Чьел д'оро в Милане, базиликах Санта Пуденциана и Санта Мария Маджоре в Риме, мавзолее Галлы Плацидии и баптистерии Православных в Равенне, баптистерии Сан Джованни ин Фонте в Неаполе, созданные в разные десятилетия V в. Между этими ансамблями много индивидуальных различий, но стиль их единый. Он имеет классическую основу и вместе с тем обладает рядом черт неизвестных античному искусству, не вписывающихся в классическую художественные систему. Эти черты — приметы нового искусства, выражающего христианское мировоззрение. Их еще не так много, иногда они едва заметны. Особенно в мозаиках начала V в. (капелла Сант Аквилينو ок. 400 г., базилика Санта Пуденциана, 402–417 гг.), где их приходится специально разыскивать. Постепенно, однако, этих признаков становится все больше. Их разнообразие возрастает (базилика Санта Мария Маджоре, 30–40 гг. V в., мавзолей Галлы Плацидии, 425–450 гг., баптистерий Православных ок. середины V в.). Общая стилистическая карти-

¹²Ендольцева Е.Ю. Указ. соч.

¹³Домбровский О.И. Указ. соч. С. 85–86. Рис. 7.

на искусства меняется, изменения происходят в сторону большей условности и символичности. Живописные выразительные средства несколько упрощаются и сокращаются. В произведениях второй половины и конца V в. новый неклассический элемент начинает доминировать (баптистерий Сан Джованни ин Фонте, капелла Сан Витторе ин Чьел д'оро), в них можно заметить начатки будущего византийского стиля.

Наша задача — на примере мозаичных ансамблей Италии выявить и описать специфические черты стиля живописи V в., проиллюстрировать наиболее существенные изменения, произошедшие в нем за столетие.

В.Н. Залеская

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Некоторые артефакты византийского Херсонеса

Почти половину византийской коллекции Эрмитажа составляют памятники, происходящие из раскопок Херсонеса. Первые поступления относятся к 50-м гг. XIX в.; их появление в императорском Эрмитаже связано с деятельностью министра двора Л.А. Перовского, одного из создателей Русского Археологического общества (1846 г.). В 1859 г. для руководства всеми, производившимися на территории Российской империи раскопками, была создана императорская Археологическая комиссия; дальнейшие поступления из Херсонеса происходили уже через ее посредство. В советское время херсонесские материалы доставлялись экспедицией Государственного Эрмитажа, которой руководил до 1979 г. Г.Д. Белов, а затем по 1991 г. включительно Ю.П. Калашник.

На протяжении всего средневекового периода Херсонес играл роль главного стратегического форпоста Византийской империи на северных берегах Черного моря. Одновременно, благодаря выгодному географическому положению, он стал также и важным центром посреднической торговли между различными городами греческого мира и племенами, занимавшими территорию к северу от Крымского полуострова. Значение найденных в Херсонесе памятников весьма существенно для характеристики византийского искусства.

Для IV–VII вв. в качестве знаковых памятников выступают образцы, привезенные из Константинополя, Сирии, Малой Азии, а также из Афин и Одисоса (Варна). Так, при императоре Юстиниане I (527–565) в Херсонес был доставлен серебряный реликварий с изображениями Христа, Богородицы, архангелов и святых. Реликварий имеет клейма конца

правления Юстиниана I (около 550 г.) и его можно отнести к категории предметов, рассылавшихся из столицы Византийской империи провинциальным церквям, в данном случае митрополии херсонской епархии, ставшей впоследствии, в IX в., одним из крупнейших центров миссионерской деятельности византийского духовенства. Серебряная лампада VI в. с изображениями апостолов Петра и Павла пробирных знаков не имеет, а особенности исполнения выдают руку сирийского мастера. Из Сирии же происходят бронзовые навершия епископских посохов.

Тесные контакты связывали Херсонес с малоазийскими провинциями Византии, прежде всего с городом Синопом. Почитание св. Фоки Синопского, покровителя мореплавателей, было характерно для всего Средиземноморья. В портовом районе Херсонеса дважды находили глиняные медальоны-евлогии св. Фоки, покровителя нищеприимного дома Херсонеса. Они характеризуют продукцию местных керамистов.

Импорт из Дунайских провинций был обычным явлением в Таврике в первые века новой эры, сохранялся он и позднее. В VI в. в Херсонесе распространяются лампы грушевидной формы с ручкой в форме креста. Подобные светильники, хотя и встречаются в разных городах Византийской империи, но большая их часть была найдена в Болгарии, в основном в Одисосе, что дает основание считать их местной продукцией. Раннесредневековый импорт из Аттики представлен исключительно светильниками. На щитках некоторых ламп, характерных для Аттики, оттиснуты две рыбы в одной связке. Эти светильники производились в мастерских афинского Керамика, начиная с III в. н. э., наиболее поздние образцы датируются VI в. В Херсонесе была найдена большая часть светильников, на щитках которых оттиснута композиция, именуемая «мистический колодец» или «источник жизни»; она сочетает в себе иконографические признаки Гроба Господня и баптистерия. Производство таких ламп было налажено где-то в районе Понта, нельзя исключать и существование мастерских в Северном Причерноморье и в самом Херсонесе.

Для Византии X–XII вв. были ознаменованы расцветом различных искусств. По числу дошедших до нас памятников, их техническому и художественному совершенству, этот период не имеет себе равных. Константинополь сохраняет ведущую роль во всех отраслях искусства, а произведения столичных мастеров остаются для ближних и дальних соседей империи эталонами. Подобные памятники — иконы из бронзы, камня и кости, выполненные столичными мастерами или прошедшими столичную вычку, были найдены в Херсонесе. На акрополе был най-

ден, например, бронзовый крест-энколпион со сценами Вознесения с Богоматерью Никопеей в центре и Преображения, выполненными инкрустацией серебром и чернью.

В разные годы при раскопках на городище были обнаружены бронзовые иконы. Как и в собственно метрополии они были двух видов: массивные литые с последующей доработкой чеканом и гравировкой, например, бронзовая позолоченная икона XII в. с изображением Богоматери с младенцем, и выполненные из тонкого листа бронзы, как votивная икона с оплечным изображением Христа Вседержителя, датированная XI в. Вырезанные из кости домашних животных пластины использовались для украшения ларцов. Костяная иконка с изображением евангелиста Луки также служила украшением ларца. Уникальность этого предмета состоит в том, что он вырезан из копыта коня, что свидетельствует в пользу того, что ларец, на котором была укреплена иконка с изображением Луки, был выполнен в самом Херсонесе.

В Херсонесе неоднократно находили иконы, кресты и образки, вырезанные из стеатита. Изображение св. Димитрия вместе со св. Георгием на иконе из Эрмитажа почти тождественно изображению этого же святого на дне чаши из серпентина из сокровищницы собора Сан Марко в Венеции. Изготовление этих памятников происходило в Фессалониках, что характеризует высокий уровень камнерезного искусства этого города.

Прикладное искусство Византии развивалось на нескольких уровнях, отражающих различные интеллектуальные позиции. Производство ремесленной продукции на широкий рынок сбыта вело к расцвету творчества, ориентированного на фольклор и обладавшего собственной эстетикой. Это народное направление в искусстве представлено в IX–X вв. яркой и красочной белоглиняной посудой как со штампованным орнаментом, так и с росписью. Оба вида керамики широко представлены в Херсонесе. Расписная керамика, которую принято связывать со столицей империи, в Херсонесе превосходит по разнообразию типов находки в других византийских центрах.

В позднесредневековых слоях Херсонеса, помимо предметов с более или менее определенной локализацией было найдено и значительное количество разнообразной поливной керамики, украшенной в технике сграффито, а также бронзовых изделий общеимперского распространения. К последним относятся хоросы и кадила-кацеи. На ручке кацеи из Эрмитажа, найденной в средневековом доме XIII в., в технике литья с последующей гравировкой выполнены на фоне растительного орнамен-

та изображения двух птиц с переплетенными шеями. Подобные кадила неоднократно находили на Балканах: в Греции — в Мистре и на Метеорах, в южнославянских странах — в Болгарии и Сербии. Они происходят из Велико Тырново и Яньево, а также из района Прилепа. Ряд экземпляров хранится в Марковом монастыре (Сербия).

Артефакты византийского Херсонеса свидетельствуют, что город за всю историю вхождения, юридического или чисто номинального, в состав Византийской империи, постоянно служил своеобразным мостом, находился на перепутье, будь то «из варяг в греки» или из Константинополя, Малой Азии, святых мест Сирии и Палестины на Русь. Благодаря такой выпавшей на его долю миссии земля Херсонеса сохранила большое количество выдающихся, а иногда и уникальных памятников византийского искусства, среди которых фресковые росписи, иконы из бронзы, стеатита и кости являют нам теперь, как образно написал в стихотворении «Крым» протоиерей Алексей Медведев, «благословенный лик Тавриды».

О.И. Захаров

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Причины эмиграции А.А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН

А.А. Васильев — историк-византист, ученик В.Г. Васильевского и В.В. Розена, крупный ученый в области византиноведения, занимавшийся также и вопросами археологии во время деятельности в РАИМК в 1919–1925 гг., который в 1925 г. эмигрировал в США. До 1938 г. он занимал кафедру древней истории Висконсинского университета, а затем работал в византиноведческом центре в Думбартон Оакс. Васильев считается основателем американского византиноведения, однако его личность изучена недостаточно и вопрос о причинах, по которым Васильев эмигрировал из СССР, в настоящее время является дискуссионным.

Оговоримся, что под причинами эмиграции в данном докладе будут пониматься не мотивы отъезда из СССР, а мотивы того, почему по истечении сроков командировки он не вернулся на Родину.

Заниматься данным вопросом достаточно трудно в силу того, что архив ученого находится в США¹, а в России имеются только его письма,

¹Карпов С.П. Архив А.А. Васильева в Dumbarton Oaks (Вашингтон) // Васильев А.А. История Византийской империи: от начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 547.

рассеянные по разным фондам. Из всех, кто, занимаясь биографией Васильева, уделил некоторое внимание этим причинам, можно выделить только А.Г. Грушевого². В качестве таких причин он выделяет следующие: чуждость А.А. Васильеву всей идейной и политической обстановки в СССР, желание сохранить за собой возможность свободно перемещаться по миру как с целями научными, так и с целями туристическими. Кроме того, легкость, с которой А.А. Васильев решился на переезд в Америку, во многом объясняется также и тем, что его не удерживали семейные узы. И.В. Куклина рассматривает письма Васильева к Жебелёву, в которых ясно показано, что Васильев в Ленинграде в то время был не у дел, и жить ему было не на что, в то время как с Висконсинским университетом у него был заключен ряд контрактов, и было больше возможностей для работы³.

После революции в России историческая наука оказалась в очень тяжелом положении. Элементарно были проблемы с существованием, некоторые профессора умирали от голода. С.М. Ростовцева сообщает, что ее муж, М.И. Ростовцев посылал в Россию продовольственную помощь своим коллегам С.А. Жебелёву, Б.В. Фармаковскому, А.А. Васильеву и др.⁴ Таким образом, можно лишний раз констатировать, что научная жизнь в первые годы Советской власти в России была в тяжелом положении. Если прибавить к этому внутреннее несогласие А.А. Васильева с новым режимом, то может показаться понятным, почему он решает уехать из СССР. Будучи в командировке в Париже, в 1924 г. он встретил семью Ростовцевых. Там Михаил Иванович Ростовцев убедил Васильева переехать в США и предложил занять свое место на кафедре, в Висконсинском университете, в городе Мэдисон, т. к. сам Ростовцев переходил в Йельский университет. К новому году, уже в Ленинграде, Васильев получает официальное приглашение от Висконсинского университета. В мае 1925 г. он покинул Советский Союз.

На мой взгляд, на основе отчетов А.А. Васильева о его деятельности в РАИМК можно выделить еще одну причину его эмиграции: область его научных интересов лежала несколько в стороне от задач Акаде-

²Грушевой А.Г. К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева по истории Византии // Там же. С. 5–28.

³Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 313–338.

⁴Бонгард-Левин Г.М. Скифский роман или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. академиков Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 368.

мии. В своих ежегодных отчетах, как Заведующий разрядом археологии древнехристианской и византийской⁵, Васильев каждый раз упоминает о том, что, помимо написания истории средневекового Крыма, основной задачи разряда, он делал доклады, проводил занятия по истории Византии. Например, практические занятия по топографии Константинополя⁶, чтение и разбор сочинений византийского историка Никиты Акомината, доклад «О местах погребения и саркофагах византийских императоров»⁷ и т. д. Кроме того, можно также отметить тот факт, что в этих же отчетах сведения о его деятельности в РАИМК по объему примерно равны сведениям о его научной деятельности вне Академии: в университете и институте, а количество напечатанных работ по истории Византии даже превышает количество работ, напечатанных в связи с его деятельностью в Академии. Также важно и то, что, будучи Председателем Академии А.А. Васильев не проявлял никакой инициативы в решении ее задач. Все эти факты в совокупности, на мой взгляд, и позволяют утверждать, что одной из причин его эмиграции является отсутствие возможности заниматься любимым делом, в то время как в США он и преподает историю Византии, и выпускает огромное количество работ по ней. Данная причина не будет выглядеть столь неожиданной, если вспомнить, что в 1912 г. Васильев оставляет свою должность профессора Новой истории, преподаванием которой он тяготился⁸, и переезжает в Санкт-Петербург сразу, как только ему предложили должность приват-доцента Педагогического института. Здесь он получил возможность читать курс истории средних веков и в том числе и истории Византии.

⁵Васильев А.А. Личное дело // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Л. 1.

⁶Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 38 об.

⁷Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 103.

⁸Дубьева Л.В. Историческая наука в Тартуском университете в конце XIX начале XX в. и Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст // Труды международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 260–271.

А.Ю. Казарян

НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)

Архитектурная композиция Аванского собора и византийский омфал. К изучению творческого метода средневековых зодчих.

В истории стран и регионов бывают эпохи и события, которые приводят к рождению давно назревавших крупных культурных явлений. Именно таким переломным моментом в архитектуре Армении и всего региона стран Закавказья представляется конец VI в. Первым произведением, решительно изменившим представления о церковной архитектуре, явился кафедральный собор в селении Аван, возведенный в 690-е гг. католикосом Армянской Церкви Иоанном (Ованнесом) Багаранци (по мнению большинства историков — халкидонитом). Изучение происхождения композиции этого собора столь же решительно приводит к трансформации наших представлений о ходе развития средневекового зодчества и, что самое главное, о характере творчества зодчего на пространстве восточно-христианского мира.

Основу интерьера Аванского собора составляет тетраконх с широким купольным квадратом и относительно узкими экседрами, между которыми, словно разрезая углы подкупольного пространства, устроены округлые ниши. Они являются промежуточными пространствами между купольным квадратом и угловыми круглыми купольными камерами.

И. Стржиговский и сторонники поступательной эволюции архитектуры раннего средневековья, а также приверженцы автохтонного развития в пределах отдельного региона или национальной культуры — А. Еремян, Т. Марутян, Г. Чубинашвили, — тщетно пытались объяснить происхождение архитектурного типа тетраконхов с угловыми нишами, к которому принадлежит Аванский собор, а также храмы Рипсима в Вагаршапате и Джвари во Мцхете (всего известно 18 храмов этого типа), формальным развитием предшествовавших местных композиций.

Такому подходу противостоят мнения о сложении рассматриваемой композиции в рамках развития христианской иконографии и с учетом античных и раннехристианских построек Средиземноморья. Наиболее оформленные воззрения А. Грабара, Х. Валятек, Ж.М. Тьерри, а также заключение, изложенное в моей диссертации 1991 г., обосновывают сложение композиции Авана в результате совмещения иконографических схем тетраконха с округлыми нишами, присутствующими на диагональных осях византийских октагональных построек.

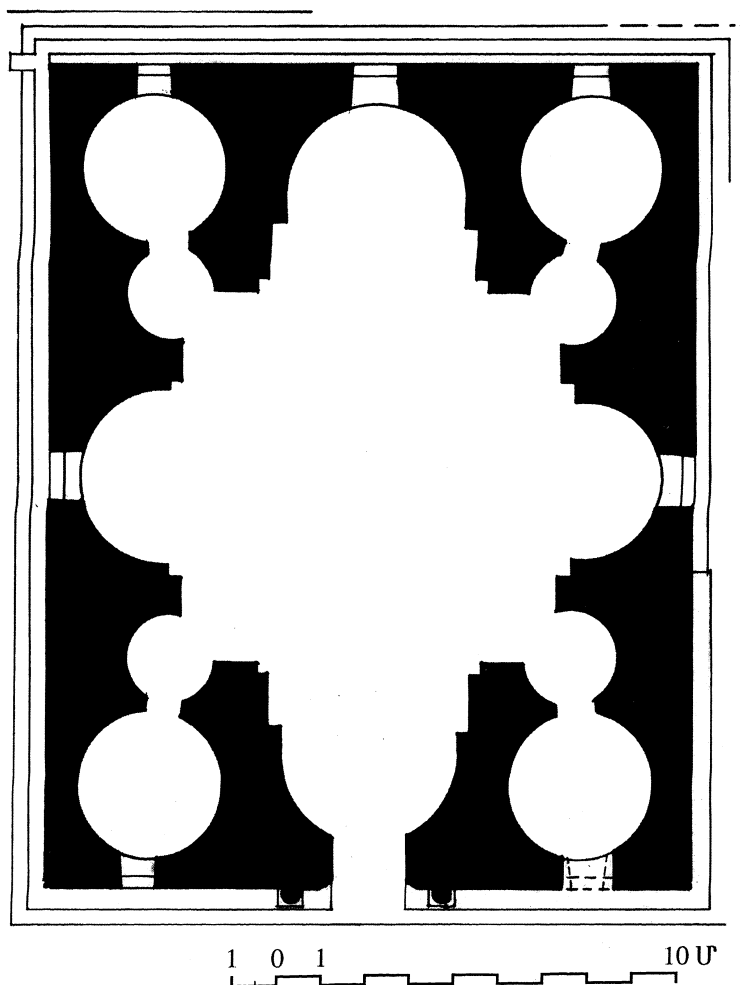

Рис. 1. Аванский собор, 690-е гг. План (по Т. Марутяну).

Наконец, некоторые ученые резонно усматривают воздействие архитектуры конкретных памятников на формирование структуры Аван-

ского собора: Эчмиадзина и Константинопольской Софии. Такой выбор ориентиров может объясняться историческими обстоятельства и ролью католикоса Иоанна. Остановиваясь в своем выборе на центральнокупольной композиции, близкой эчмиадзинской, глава халкидонитской Армянской Церкви осенял свой новый храм одновременно духом и традицией величественных соборов Армении и Византии, как бы перекидывая своеобразный мост между крупными и, безусловно, родными для него проявлениями все еще единой широкой традиции.

Гораздо сложнее оказалось выяснить происхождения круглых, покрытых куполами угловых комнат Авана. Эта, неудобная в утилитарном смысле форма, находит редкие и неточные аналогии в византийском зодчестве. До сих пор не был дан ответ и на вопрос, каким образом возникла идея создания композиции сложного храма, состоящего исключительно из округлых или абсолютно круглых в плане стен и их сочленений.

Перелом в ощущении сложения форм Аванского собора наступил недавно, под влиянием привлечения образцов христианской иконографии, но не из сферы архитектуры, а из арсенала тесно связанного с ней декоративного изобразительного искусства. Внимание остановилось на омфалах византийских церквей, наиболее впечатляющий из которых присутствует на полу Константинопольской Софии. Подобно тому, как имеющий объемную форму античный Омфал в Дельфах являлся центром мироздания, омфалы византийских храмов определяли исходную точку земли в архитектурной модели Вселенной, коей представлялся сам храм.

Один из наиболее интересных омфалов украшает пол купольного квадрата кафоликона Ивирского монастыря на Афоне. Образец датируется 1045–1056 гг. Тип его схемы Д. Лиакос рассматривает как усложнение распространенного омфала в виде пяти кругов, который, в частности, присутствует в кафоликоне соседнего с Ивиrom Ватопедского монастыря и называется в византийских текстах пентаомфалионом. Эта форма связывается с символом «пяти хлебов», а иногда и с образом пятикупольного христианского храма.

В Ивирском омфале центральный круг переплетен с двенадцатью другими, из которых четыре крупных расположены по осям композиции, четыре таких же — у углов квадрата, и четыре маленьких находятся на диагоналях, между центральным и угловыми. Подобная форма, в которой воедино переплетены 13 колец (Христос и апостолы), наверняка восходит к искусству раннехристианской эпохи.

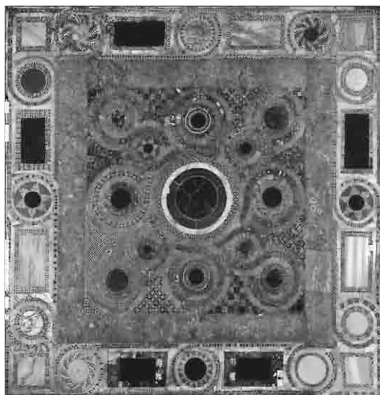

Рис. 2. 2. Кафоликон монастыря Ивир. Омфал (по Д. Лиакосу).

Нетрудно заметить, что расположение вписанных в квадрат кругов аналогично тому, как скомпонованы центральный купол, экседры, угловые ниши и угловые комнаты Аванского собора. Если предложенную версию происхождения аванской композиции можно считать оправданной, то мы обязаны ценить создателей Аванского собора как уникальных новаторов, осмелившихся на поступок, не лежащий в русле раннесредневековой архитектурной практики. Заложить в основу пространственной формы изобразительный мотив и воплотить замысел чисто архитектурными средствами — задача, которая ни до, ни, кажется, после этого не ставилась перед средневековыми мастерами.

Предложенная версия расширяет и меняет знание о раннесредневековой традиции, эта версия не исключает обращений создателей Авана к образам и иконографическим деталям Эчмиадзина и Софии, но представляет ту базовую модель, на основе которой складывалась органичная архитектура нового собора.

А.Е. Карначев

Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)

Заметки латинского читателя на полях и между строк «Бесед» Иоанна Златоуста на Апостольские Деяния

Список «Бесед» из собрания БАН (РАИК № 112, X–XI в.) сохранил множественные глоссы латиноязычного читателя XIII–XIV в., относящиеся в большинстве своем к цитируемому Златоустом текстам Св. Пи-

сания. Часть помет расположена на полях рукописи, но основная их масса присутствует между строк, отчасти придавая кодексу характер интерлинеарного. Помимо выписок из латинского текста Библии (Вульгата и более ранние версии) записи содержат непосредственные переводы фрагментов греческого текста — пословные, иногда с копированием конкретных греческих словоформ. Довольно часто глоссатор «по инерции» переводит несколько слов или фраз св. Иоанна, следующих непосредственно за разбираемой перикопой; авторские ремарки могут также переводиться в том случае, если они разрывают цитату из Нового Завета. Наконец, изредка пометы стоят над отдельными словами святителя, не относящимися к Писанию. Все это, с одной стороны, свидетельствует о сплошном прочтении толкований Златоуста, а с другой — о сравнительно меньшем интересе для читателя данной части сочинения.

Иллюстрация представляет характерный фрагмент 6-й беседы с пометами латинского книжника. В первой строке отмечено лишь одно слово комментария Златоуста (наречие $\pi\acute{\omega}\varsigma$ переведено quo[modo]); в третьей строке, над цитатой из Деян. 2:22, даны переводы каждого слова, включая связующую вставку $\phi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$ (dic[i]t); непосредственно за цитатой, в 4-й строке — «инерционный» перевод двух слов толкования ($\kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ — [et] statim); на внешнем поле против строк 8–10 — выписка того же стиха Деяний из Вульгаты, но не полностью, а в количестве, соответствующем величине отрывка у Златоуста и без связки ($\iota\acute{\iota}[\eta\sigma\omicron\upsilon]\nu\ \phi\eta\sigma\acute{\iota}\nu\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \nu\alpha\zeta\omega\rho\alpha\acute{\iota}\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\ \acute{\alpha}\pi\omicron\delta\epsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\gamma\mu\epsilon\nu\omicron\nu,\ \acute{\alpha}\pi\omicron\delta\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \acute{\upsilon}\mu\acute{\alpha}\varsigma$ — ih(su)m nazarenu[m] uiru[m] approbatu[m] a deo in uos); и далее выборочные переводы над словами толкования: $\tau\omicron\iota\omicron\nu\ \eta\upsilon$ — quo(mod)o erat, $\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\acute{\iota}\nu$ — dic(er)e, $\acute{\alpha}\nu\omega$ — sursum и т. д. Выписка на поле сделана, возможно, по памяти, т.к. содержит оригинальный буквалистский перевод: $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \acute{\upsilon}\mu\acute{\alpha}\varsigma$ — in uos при имеющихся для этого места из Деяний разночтениях apud vos, in vobis, in omnibus (virtutibus et prodigiis et signis)¹.

Мы имеем дело со следами работы человека, без сомнения, хорошо знавшего греческий язык и сведущего в латинской рукописной традиции Библии. Нередкие случаи двойной передачи на латынь одной греческой лексемы свидетельствуют о знакомстве читателя с разными типами новозаветного текста. Местами читатель надписывает готовые латинские цитаты (на полях, как в указанном примере, или же прямо между строк), но чаще разбирает свой оригинал «по составу», т. е. переводит его пословно, обращая внимание не только на лексическое наполнение

¹См. Novum Testamentum Graece et Latine / Ed. Nestle-Aland. Stuttgart, 1991. P. 324, app.

фраз, но и на грамматические категории греческого языка. При этом он не пользуется принципом жесткой закреплённости латинских лексем за определёнными греческими (так, *quomodo* переводит *πῶς* и *πῶθεν*). По всей видимости, перед нами пометы образованного средневекового филолога.

Список РАИК 112 сохранил несколько тысяч помет латинского книжника конца XIII — начала XIV в. Пометы, как кажется, не связаны с богословским или фактологическим истолкованием текста Писания. Впрочем, общий характер работы нашего книжника может стать ясным после сбора и обработки всего материала². Остается вероятность того, что пометы в рукописи отражают какой-то подготовительный этап перевода на латынь — возможно, перевода, так и не увидевшего свет.

Н.В. Квливидзе

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

**Роспись церкви Мерьемана в Гёреме (капелла 33):
формирование ктиторских программ
в монастырском искусстве Каппадокии**

Ктиторские программы являются яркой особенностью росписей каппадокийских монастырских храмов, о посвящении и обстоятельствах сооружения которых, как правило, нет прямых исторических сведений. Многочисленные изображения ктиторов, встречающиеся в росписях скальных монастырей, часто сочетаются с изображениями патрональных святых¹. Идея заступничества, личной молитвы и ходатайства, подчас выраженная с настойчивостью и прямотой (в Карабаш-килисе ктитор держится за ногу Архангела, в Чарикли-килисе фигуры ктиторов находятся рядом с Симоном Кириянином, который в качестве атрибута держит крест, в церкви Георгия ктиторы стоят рядом со святым воином), отражается также в живописных программах. Изучение состава ктиторов², погребальное назначение помещений и особые заупокойные живописные программы, а также состав и иконография изображенных святых позволяет сделать вывод о литургических особенностях монастырской жизни Каппадокии, в которой значительное место принадлежало поминовению вкладчиков.

²На данный момент расшифрованы глоссы в гомилиях 4–10 из 34.

¹*Bernardini L. Les donateurs des églises de Cappadoce // Byz. 1992. T. 62. P. 118–140; Teteriatnikov N. The Liturgical Painting of Byzantine churches in Cappadocia. Rome, 1996.*

²*Teteriatnikov N. Op. cit. P. 187–215.*

Рис. 1. Роспись церкви Мерьемана (Гёреме, капелла 33).

Рис. 2. Св. Анастасия. Роспись церкви Мерьемана (Гёреме, капелла 33).

Один из примеров ктиторской программы монастырского ансамбля росписей представлен в церкви Мерьемана, входящей в монастырский комплекс, расположенный неподалеку от Гёреме (капелла 33) и роспи-

санной в XI в.³ В росписи всего четыре Евангельские сцены: «Путешествие в Вифлеем», «Рождество Христово», «Распятие» и «Успение». Возможно, были и другие композиции — церковь сильно пострадала от времени, южная часть алтаря обрушена. Все остальное пространство, в том числе стены и своды алтарных помещений заняты изображением святых, рядом с которыми хорошо сохранились надписи. На сводах перед апсидами — погрудные изображения свв. Евдокии, Марины, Анны, Параскевы, Анастасии и Евпраксии, представленных в позах орант. В таких же позах изображены Онуфрий Великий, прп. Зосима Палестинский. Среди святых, изображенных на стенах — Иоанн Златоуст, Иоанн Предтеча, пророк Даниил во рву львином, свв. воины-мученики Георгий, Феодор, Христофор, Евстратий, целитель Пантелеимон, равноапостольные Константин и Елена. Фигурки ктиторов Никандра и Эбоннеи представлены припадающими и молитвенно обращенными к Богоматери с младенцем, изображенной в рост на западной стене. Они помещены ярусом ниже, под полуфигурами архангелов Гавриила и Михаила, находящихся в нишах по сторонам от Богоматери, образуя своеобразную иерархическую композицию.

Состав святых и молитвенная поза орантов, в которой представлена большая часть изображенных, указывает на то, что в монастырском комплексе была воплощена ктиторская литургическая программа, связанная с заупокойным назначением храма.

В.П. Кирилко

Крымский филиал Института археологии НАН Украины (Симферополь)

Двухапсидный храм Сотеры: версия О.И. Домбровского

Руины храма находятся на южном берегу Крыма близ устья р. Сотера. Строение было выявлено Е.А. Паршиной и О.И. Домбровским в 1982–1983 гг., во время археологического исследования поселения VIII–X вв., на западной окраине которого оно располагалось.

Сравнение введенных в научный оборот материалов с данными полных отчетов о раскопках памятника дает основание утверждать, что значительная часть информации, которая была получена при изучении остатков храма непосредственно О.И. Домбровским, публикациями практически не учтена¹. Помимо соответствующего раздела во втором отчете, образовавшийся пробел отчасти восполняет рукопись (на

³Jolivet-Levy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'apside et de ses abords. Paris, 1991. P. 143–146.

¹Паршина Е.А. Раскопки в урочище Сотера // АО 1982. М., 1984. С. 313; Домбров-

стр. 23) неизданной статьи этого же исследователя под названием «Храм Спасителя в урочище Сотера», сохранившаяся среди экспедиционных документов в архиве КФ ИА НАНУ. Она подписана автором и вполне может считаться законченной работой.

Рукопись содержит подробное описание исследовательского процесса, архитектурных и строительных особенностей здания, обоснование реконструкции перекрытия, характеристику декоративного убранства. Само сооружение исследователем отнесено к числу памятников, испытавших влияние традиций малоазиатского зодчества. По его мнению, материалы раскопок свидетельствуют о том, что в перекрытиях дверей и окон было применено декоративное чередование красных, насыщенных шамотом, кирпичей и желтовато-белых травертиновых камней. Для украшения фасадов использовались также сохранившиеся в виде отдельных фрагментов «круглые, рельефные (похожие на большие старинные пуговицы) „умбоны“ из хорошо отмученной светло-красной глины». Наос завершался сводами на подпружных арках — либо коробовыми, либо крестовыми (вероятнее всего), либо комбинацией обеих конструкций в разных вариантах. Кровля здания была черепичной.

Особое место в работе О.И. Домбровского занимает поиск ответа на причины появления необычной архитектоники храма, отличавшегося от иных малых церквей с прямоугольным планом наличием двух нефов и двух апсид. Алтарные полукружия он считает разновременными поскольку, по его мнению, южная апсида пристроена без перевязки к соответствующему плечу северной апсиды. Основываясь на особенностях кладки в разных местах здания, главным образом, использовании на отдельных, более поздних по времени, ее участках кусков черепицы и пифосов, а также обломков деталей из туфа, О.И. Домбровский пришел к выводу о том, что сначала появился северный неф в виде самостоятельного здания — обычного храма с прямоугольным планом и полукруглой апсидой, который впоследствии был дополнен с юга приделом такой же формы, но немного большего размера. Он утверждает, что полуразрушенная стена между ними при этом подверглась частичной разборке, а ее остатки посредством подтески с торцов и докладки были превращены в столп и пилястры аркады.

ский О.И. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР. Т. 3. К., 1986. С. 518–535; Паршина Е.А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К., 2002. С. 117–131; Лосицкий Ю.Г. Реконструкция храма в Сотере // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К., 2002. С. 132–138.

Согласно выводам О.И. Домбровского, пример Сотеровского храма «проливает свет на происхождение по крайней мере какой-то части редко встречаемых двухапсидных церквей», поскольку свидетельствует о том, что «строительство небогатых сельских церквей могло осуществляться не сразу в полном объеме, а поэтапно, по мере накопления средств», причем приращение к меньшей части здания большей «намекает на возможность пристраивания в дальнейшем к последней третьего нефа с третьей же малой апсидой». Довольно любопытным представляется также его заключение, в соответствии с которым, помимо двух других подобных объектов региона (судакского и фунского), «можно причислить к двухапсидным церквям не менее трех крестовокупольных храмов и столько же больших базилик» Херсонеса, правда, при этом не уточняется, о каких именно строениях идет речь.

Предположение О.И. Домбровского о том, что первоначальный храм представлял собой расширенное впоследствии обычное здание с прямоугольным в плане наосом и одной полукруглой апсидой, учитывая его пропорции — совершенно нехарактерные для этого типа сооружений (наблюдение Ю.Г. Лосицкого), является крайне маловероятным. Более того, массовое использование обломков керамических изделий в кладке, которое исследователь в качестве отличительного технологического признака по времени соотносит с пристройкой второго (южного) нефа, на самом деле наблюдается в нижней части всех без исключения стен и, что немаловажно, северной апсиды, относимой к первому строительному периоду. Судя по материалам раскопок, одинаковыми для них являются также субструкция и подготовка основания. Не выдерживает критики, особенно с практической точки зрения, и его версия о перетёске руин бутовой стены, разделившей пролеты, в опоры аркады. Относительная цельность плана и сопоставимость (явное подобие) кладок здания дают основание считать, что храм изначально был двухапсидным и двунефным. Более того, учитывая то обстоятельство, что он является единственной, не пострадавшей от селя, постройкой поселения полностью уничтоженного стихией, нельзя исключать вероятности его возведения здесь (одновременно с возрождением Сотеры на новом месте) в качестве мемориального сооружения, один из компартиментов которого предназначался для поминальных служб.

Во втором строительном периоде церкви внутри наоса появились новые архитектурно-конструктивные элементы: каменный пол, боковые пилястры подпружных арок и утолщение восточной стены, изменившее конфигурацию алтарных ниш. Поверхности всех кладок были

оштукатурены, а северная апсида украшена росписью. Основательность реконструкции здания, предполагавшей капитальный ремонт стен, усиление перекрытия и обновление интерьера, вполне могли быть вызваны необходимостью устранить последствия землетрясения.

На последнем этапе существования храма произошел очередной ремонт, возможно, обусловленный уменьшением несущих свойств отдельных стен. Закладке подверглись все проемы западного фасада. Их упразднение свидетельствует о том, что храм должен был иметь еще один вход, вероятнее всего, с юга, на наличие которого косвенно указывают и выявленные раскопками остатки каменной площадки перед зданием на соответствующем месте. Снаружи (с северной, западной и южной сторон) стены строения утолщаются почти вдвое кладкой из крупного бута на глине. Она сохранилась на высоту одного-двух рядов камня, ошибочно интерпретирована исследователями как пандус. Внутри северной апсиды появляется массивный каменный престол в виде уступа алтарной ниши, кладка которого частично загородила собой фресковую роспись и перекрыла край могилы. Точные даты возведения и перестройки храма исследованиями не определены.

И.О. Князький

Российский государственный торгово-экономический университет (Москва)

Византия и миграция тюркских народов в XI в.

XI столетие принесло Византийской империи ряд крупнейших столкновений с тюрками. Наиболее значительным из них было нашествие тюрок-сельджуков, разгромивших в битве при Манцикерте императора Романа Диогена в 1071 г., результатом чего стала утрата Византией Малой Азии. Изведала нашествия тюрок и европейская часть Византии. В течение трех десятилетий с 1048 по 1078 г., империя в Подунавье трижды сталкивается с вторжениями тюркских племен — печенегов, торков, половцев. Этот натиск тюркских кочевников на Византию стал завершающим этапом, прямым результатом событий, происшедших в самом центре кочевой Азии. Потому-то, дабы понять, почему волны кочевников перекатывались в XI в. через Дунай в византийские пределы, надо сначала выяснить откуда и почему они начали свое движение на запад.

В 30-е гг. XI в. в глубинах Центральной Азии распадается государство кимаков, существовавшее в IX–XI вв. в Прииртышье и в северо-восточном Семиречье.

Падение державы кимаков было вызвано удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями. Начало миграции положили племена каи, вышедшие из подчинения хакану кимаков и начавшие движение в западном направлении из степей Прииртышья. Название народа каи обозначает «змеи», если к нему подойти с позиции монгольского языка. Каи первоначально обитали в Центральной Азии, по соседству с державой киданей и были известны под китайским названием «хи». В среднекитайском диалекте оно произносилось как «хай» или «кай». На рубеже VIII–IX вв. каи частью переселились на запад, где заняли долину Иртыша и прилегающие к нему степные территории. С этих пор каи входили в состав государства кимаков вплоть до 30-х гг. XI в. Поскольку кипчаки также вышли из государства кимаков, то возможна родственная связь между каи и кипчаками-половцами. Народ каи упоминает ал-Бируни: «Шестой климат начинается с обиталища восточных тюрок: каи, кунов, кыргызов, кимаков, токуз-гузов, страны туркмен, Фараба, страны хазар». Следовательно, народы каи и кун были соседями на своей прародине. Сирийская карта 1150 г. также упоминает народы каи и кун как соседей. Именно столкновение этих соседствовавших народов и послужило толчком новой великой миграции тюркских народов из Центральной Азии в Восточную Европу.

В сочинениях сельджукского придворного врача Марвази (около 1120 г.) четко описано движение тюркских народов, закончившееся в Причерноморье. Марвази сообщает о народе кун, покинувшем свои исконные кочевья из-за «тесноты пастбищ», но главная причина движения кунов на запад была внешняя: «Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех новых пастбищ. Тогда куны переселились на земли сары, а сары ушли в земли туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы ушли в страну печенегов поблизости от берегов Армянского моря» (Армянским морем на Востоке тогда часто называли Черное море).

С сообщением Марвази согласуются известия еще одного источника — хроники Матвея Эдесского: «В 1050 г. (499 г. армянской эры) какой-то „народ змей“ разбил „светловолосых“, а те разбили узов и печенегов, после чего все вместе выступили против страны ромеев».

«Народ-змей» — это каи, «светловолосые» же, очевидно, сары. Слово «сары» переводится с тюркского как «желтый», «светлый». В древнетюркском языке сходное значение имело и слово «кун». Возможно, поэтому в рассказе Матвея Эдесского сары и куны слились в один «светловолосый» народ.

Обратимся теперь к известным историческим событиям на востоке Европы в середине XI в., кои могли явиться результатом движения тюрков на запад, описанного Марвази, завершившегося нападением, согласно Матвею Эдесскому, кочевников на владения Византии.

В 1048 г. печенеги, теснимые торками, переходят Дунай, вторгаясь в пределы Византийской империи. На короткое время господство в южнорусских степях переходит к торкам (гузам у Марвази). В 1055 и 1061 гг. русская летопись отмечает приход к рубежам Руси половцев. Под давлением половцев торки также переходят Дунай в 1064 г. С этого времени и вплоть до монгольского нашествия господствующей силой в степях Северного Причерноморья становятся половцы. В 1078 г. они по примеру печенегов и торков также совершают нападение на владения Византии к югу от Дуная.

А.С. Козлов

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

Феномен М.Я. Сюзюмова в российском византиноведении

Научная биография ученого, поскольку она по содержанию своих концептов и оригинальности подходов была не совсем синхронна и созвучна каноническому исполнению симфонии советской византистики, на каждом витке развития науки порождала «нового» Сюзюмова. Когда с кафедр звучали социологизированные сонаты школы М.Н. Покровского, Сюзюмов был известен (и то мало) как источниковед, буквоед, специализирующийся на отнюдь не классово-содержательных текстах (вроде Феодора Дафнопата или Иоанна Скилицы). В период постепенного возвращения к классическим нормам исторических изысканий (вплоть до возрождения «Византийского временника»), но под красными знаменами и с бесконечными ссылками на Маркса, Ленина, Сталина, о Сюзюмове почти не было слышно. Это потом станет ясно, что в те годы в провинциальной глубинке (Златоустовская школа, преподавание и еще раз преподавание...) готовилась небывалая (по тематике) для тогдашних диссертационных советов капитальная работа об иконоборчестве и несколько десятков близких к данному сюжету объемных статей, каждая из которых вполне могла быть развернута в очередную диссертацию. На новом зигзаге развития исторической науки в СССР эти статьи каскадом выйдут в «Византийском временнике» и в «Ученых записках» Свердловского пединститута...

Не просто город как «центр ремесла и торговли» (весьма тоскливая, примитивизирующая Маркса формулировка его якобы последовательных российских диadoхов): город — как многофункциональная, самая динамичная в средние века (и не только) система, — оказался динамичным именно потому, что сохранил от античности преемственность (континуитет) правовых норм и практики многовекового правоприменения. Мало того — сумел транслировать эту практику в Новое время (кодекс Наполеона).

Затрудняет понимание выживаемости подобных концепций то обстоятельство, что сфера, которую можно условно обозначить «современная российская византистика и ее мировой классический контекст» (от Дэльгера до Шрайнера), на практике методически не разработана, опасность смешения критериев подстерегает на каждом шагу... Например, издания и переиздания в СССР оригинальных среднегреческих текстов можно сосчитать по пальцам (Кекавмен, отрывки из Феофана Исповедника, «Об управлении империей» Константина Багрянородного, еще два-три названия...). Наоборот, на буржуазном Западе подобные издания (явно не приносящие прибыли тамошним олигархам) ежегодно выходили и выходят десятками. Можно, конечно, сетовать на низкий уровень тогдашних наборщиков малоизвестных греческих литер — например, Геннадию Григорьевичу Литаврину пришлось в Тбилиси (где производился набор труда Кекавмена, ибо в Москве не удалось найти «согласную» на это типографию) собственноручно набирать такой текст. Сюзюмову, в отличие от Литаврина, повезло: набор его публикации, перевода и комментария к «Книге Эпарха» осуществился в Ленинграде, где еще сохранялись не просто учившиеся в гимназиях (а потому — знавшие греческий язык), но и отзывчивые, верные службе Аполлону типографские работники. Эта многоплановая публикация стала одним из основных трудов Сюзюмова по истории византийской цивилизации (и особенно — города, на котором эта цивилизация была завязана). Даже большая статья «Византия» в Советской исторической энциклопедии (заказ на подобную ответственной по тогдашним меркам работу московские византисты дали именно уральскому коллеге), компактно и цельно отражающая общие направления концепции Сюзюмова, не имела для него такого значения.

В связи с этим отмечу: у нас сейчас принято считать, что всесторонний учет многофакторности причин исторического развития применительно к темам медиевистики впервые был применен школой «Анналов» (М. Блок и Л. Февр). Полагаю, что применительно к византиноведческой

проблематике приоритет в этом принадлежит Михаилу Яковлевичу Сюзюмову. Доказательство — небольшая его статья в сборнике «Античная древность и средние века» за 1965 г. под названием «О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе».

Как видно из трудов представителей школы «Анналов», труднейшая задача для исследователя состояла и состоит в том, чтобы не сбиться в соблазн двух-трех измерений в реконструкции явлений прошлого, не перейти из объема в плоскость, из рельефа в линию, из системного анализа в упрощенный тезис. Характеристика исторического явления как «конкретной идеи» (Гегель), идеи «ощутимой», органической для изучаемой цивилизации, всегда представляла особую сложность. Византилисты, представлявшие специфику познаваемого ими общества во всей сложнейшей мозаике его целостности, думается, раньше «классических медиевистов», занимающихся историей стран Запада, пришли к поискам культурного диалогизма, полифоничности, амбивалентности практически всех ведущих явлений империи ромеев, единства в ней «низа» и «верха». Сюзюмов был едва ли не первым, кто пришел к пониманию этого (конечно, не употребляя подобной терминологии, ибо словоупотребление, впитанное им в аудиториях Ревельского университета, такого не позволяло). Защищать идею о многофакторности исторической причинности и многообразии исторических последствий приходилось опять-таки цитатами из классиков (прежде всего — положением, что экономика только в конечном счете определяет ход исторического развития). Сегодня ясно, что следование этой линии отстраняет внутренние препятствия в понимании того, что средневековье — это прежде всего другое (практически во всем) в сравнении с обществами нового и новейшего времени. Однако эта же ситуация требует от историка неукоснительного следования современным методикам анализа источников, методикам, предусматривающим применение междисциплинарных приемов. Всем своим научным творчеством Михаил Яковлевич показывал, что историк должен быть одновременно и филологом, и социологом, и философом, и много, кем еще.

В.Е. Колупаев*Centro studio «Russia Cristiana» (Милан)*

Работы М.А. Таубе по византиноведению в Русском Зарубежье XX в.

Михаил Александрович Таубе (1868–1961), барон, выходец из старинного немецкого рода, известного с XIII в, профессор Санкт-Петербургского, Харьковского и Мюнстерского университетов, член Академии Международного права в Гааге; историк, действительный член Императорского исторического общества, Императорского общества ревнителей исторического просвещения, почетный член Московского археологического института, Витебской, Тульской и Псковской губернских ученых архивных комиссий и Псковского археологического общества; действительный член Санкт-Петербургского философского общества, почетный член Общества классической филологии, в 1911 г. он выступал с речью о значении античной культуры на Всероссийском съезде преподавателей древних языков; государственный деятель, сенатор и тайный советник, член Государственного Совета, после Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Швеции, Германии, в 1928 г. переехал в Париж. Собственно в научной среде Таубе известен, как юрист-международник, однако зарубежный период его жизненного творчества включает ряд произведений имеющих отношение к древнему периоду отечественной истории в связи с взаимоотношениями между Русью и соседними государствами, среди которых Византия безусловно занимает первое место. Таубе — автор научных работ, посвященных происхождению русского государства и крещению Руси, взаимоотношениям Руси и католической церкви.

Помимо этого, профессор в парижский перирод своей жизни, состоя в известном обществе «Икона» участвовал в изучении, сохранении, развитии и популяризации русского зарубежного иконографического творчества, а также будучи прихожанином храма Святой Троицы (39 rue François-Gérard, Paris 16) печатался в бюллетне общины «Наш приход». Это скромное приходское машинописное издание представляет интерес, так как содержит работы Таубе по византийской тематике. Итак, творческое наследие барона можно рассматривать по следующим направлениям:

1. Книги М.А. Таубе, содержащие сведения по междисциплинарным связям, применительно к византиноведению и истории международно-

го права, Российской государственности, в связи со смежными вопросами культуры, истории Церкви, богословия, канона священного Писания и отцов Церкви: в 1926 г. на французском языке он пишет работу «Этюды об историческом развитии международного права в Восточной Европе», книга напечатана в Париже в 1927 г., хронологические рамки исследования охватывают древнейший период формирования Руси и других восточноевропейских государств в их контактах с соседними государствами, говорит о византийском влиянии на формирование славянского права. В Брюсселе в 1926 г. появляется работа «La Russie et l'Europe Occidentale à travers dix siècles», где присутствует обзор религиозных, политических, военных и торговых отношений с Византией. В этой работе внимание автора сосредотачивается на наследовании Россией пути Византии. В 1929 г. в Берлине печатается немецкий вариант работы «Князь Аскольд». В том же году в Праге в сборнике, посвященном П.Н. Милюкову (1859–1929), на русском языке выходит статья «Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого». Далее расширенное исследование темы продолжилось в работе «Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для Древней Руси» («Владимирский сборник». Белград, 1938). В 1940 г. в Гааге печатается книга «Участие Византии в развитии западного международного права». Обращает на себя внимание трехтомное сочинение «Аграфа: о незаписанных в Евангелии изречениях Иисуса Христа». Часть первая, «Аграфа у Отцов Церкви», вышла в серии «Библиотека Братства православных богословов в Польше» (Варшава, Синодальная типография, 1936; переиздано в Москве, издательством Крутицкого патриаршего подворья в 2007 г.). Далее в Париже вышли в 1947 г. — часть вторая («Аграфа в древнехристианских апокрифах») и в 1951 г. — часть третья («Аграфа в иудейских и магометанских писаниях»). В 1946 г. Таубе пишет предисловие к французскому изданию книги J.J. Gapanovitch «Historiographie russe: hors de la Russie» (ed. and tr. Nikitine B.P., Paris), в 1947 г. парижское «Les Éditions du Cerf» печатает его книгу «Rome et la Russie avant l'invasion des tatars (IX–XIII siècle)»: здесь есть главы об Аскольде, о происхождении Киева и первом крещении русских.

2. Научная и общественная работа Таубе в зарубежье была многогранной. Он преподавал в ряде европейских университетов, читал лекции и приглашался в различные научные учреждения. Помимо вопросов международного права, он, как известно из источников по истории диаспоры, читал в католическом институте Парижа цикл лекций

по истории Русской Церкви, начиная со второй половины XI в. Барон, состоя в образованном в 1925 г. обществе «Икона», включился в работу по изучению этого вида памятников национального русского творчества с богословской, канонической и литургической точки зрения. Знакомство Таубе по дореволюционному времени с академиком Н.П. Кондаковым, восходящее ко времени совместного участия наряду с другими лицами в Археологическом съезде 1913 г., посвященном 300-летию Дома Романовых, и организации Императорского Московского археологического института имени императора Николая II, продолжалось и в зарубежье, о чем имеются сведения в письмах Н.К. Рериха (коллекция М. Таубе в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, США).

Неизвестные и малодоступные работы Таубе, опубликованные в зарубежных периодических изданиях и документах *pro manuscript*. В сборнике «Католический временник», который издавался Обществом св. Иоанна Златоуста в Париже, в 1928 г. появилась статья Таубе «Рим и Русь в до-монгольский период». Далее, в 1950-е гг., выходили в свет лекции профессора («Наш приход»). В этом же приходском издании русской католической церкви византийско-славянского обряда в Париже, активным прихожанином которой был барон, была помещена его статья «О происхождении праздника Покрова Божией Матери», где он, анализируя источники, выдвигает оригинальные гипотезы. Кроме того, Таубе писал отдельные сочинения малого формата на церковно-исторические и евангельские сюжеты, которые также можно встретить на старницах приходского бюллетеня.

Наследие Таубе, незаслуженно забытое и ждущее своего изучения на полках зарубежных учреждений, архивов и библиотек, достойно того, чтобы быть востребованным отечественной наукой.

А.Ю. Кондратюк

Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник (Киев)

**Росписи церкви Спаса на Берестове 40-х гг. XVII в.
в контексте богослужебной практики
эпохи Петра Могилы**

Отражение в росписях евхаристической тематики традиционно для христианского искусства. Но каждая эпоха дает свою интерпретацию этой темы. В росписях храмов Киева разных исторических эпох представлены разные ее варианты: и символический в храмах домоноголь-

ского периода (София Киевская, Михайловский Златоверхий собор), и непосредственное изображение литургии с четкой конкретизацией момента и своеобразным комментарием к догматической символике (стенопись Великой Успенской и Троицкой надвратной церковью Киево-Печерской лавры первой трети XVIII в.). И в каждом случае была акцентирована богословская проблематика, актуальная для своего времени. Точно также, по нашему мнению, и в стенописи церкви Спаса на Берестове 40-х гг. XVII в. были отражены некоторые особенности литургии могилянской эпохи.

В системе росписей Спаса на Берестове обращает на себя внимание обилие изображений Небесных Сил. Это и грандиозная деисусная композиция с Собором Небесных Сил на своде внутреннего нартекса, к которой принадлежат также композиции «Собор архангела Гавриила» и «Собор архангела Михаила» в верхних регистрах северной и южной стен. Это и изображения архангелов Гавриила и Михаила по сторонам Богородицы Знамение на своде алтаря. На откосах входной арки из внутреннего нартекса в церковь представлены особо репрезентативные фигуры этих архангелов. В композиции центральной апсиды «Служба Святых Отец» архангелы Михаил и Гавриил также изображены, они участвуют в архиерейском богослужении с рипидами. Поскольку упомянутые сюжеты находятся на наиболее благоприятных для осмотра местах, можно говорить о сознательном желании расставить определенные акценты.

Общеизвестно, что Петр Могила занимался упорядочиванием украинского богослужебного ритуала. При нем был издан целый ряд богослужебных книг и произведений догматического содержания. Среди них особо стоит отметить «Литургиарион» (Киев, 1629: первое из изданий служебников, вышедших стараниями П. Могилы), Краткий катехизис («Собрание короткой науки об артикулах веры православно-кафолической христианской ведлуг вызнания и науки церкви святой восточной Соборной апостольской». Киев, 1645), Великий Требник («Евхологион, албо молитвослов или Требник». Киев, 1646).

Митрополит провел ревизию использовавшихся ранее богослужебных книг и старался исправить наличествующие в них ошибки и разночтения с авторитетными, в первую очередь, греческими, образцами. На приверженности украинских богословов святоотеческой раннехристианской традиции при этом настаивалось особо. В частности, в предисловии к упомянутому Литургиариону 1629 г. редактор издания Тарасий Земка писал: «... мы соборныя Апостолския Церкви суще уды, Древних

отец наших учителей церковных Догмат правых держимся, и им непременно и неотступно последуем»¹.

Могилянская реформа потребовала участия многих богословов, группировавшихся, прежде всего, вокруг двух центров просвещения — Киево-Могилянской коллегии и Киево-Печерской лавры. Сам митрополит, проявивший себя в этой деятельности выдающимся богословом, выполнял не только организаторскую роль: он был и автором, и составителем, и редактором целого ряда изданий Киево-Печерской типографии 1-й пол. XVII в. Тот же Тарасий Земка в предисловии к «Литургиариону» 1629 г. упоминает, что митрополит собирался написать толкование Божественной литургии и на момент выхода упомянутого служебника активно над этим работал². То есть можно не сомневаться, что каждый момент богослужения, каждая его особенность в служебниках, изданных при П. Могиле, были тщательно выверены.

Мы обратили внимание, что в последовании литургической службы могилянской эпохи отмечено постоянное присутствие Бесплотных Сил во время совершения таинства: «Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат», — эти слова поет хор на литургии после второй молитвы верных³, потом их же провозглашают диакон и священник в алтаре, когда кадят св. трапезу и св. предложение⁴. Эти тексты присутствуют и в современном чине литургии.

Однако в последовании проскомидии могилянского времени есть особенность, которая будет отсутствовать в богослужении Синодального периода. Это касается одного из наиболее торжественных моментов, когда из просфор изымаются частицы, которые впоследствии опускаются в потир. Как известно, вслед за так называемым агнцем и частицей, изымаемой за Богородицу, вынимаются частицы за девять чинов святых. В могилянском «Литургиарионе» 1629 г. было указано, что первыми в ряду этих поминаемых угодников Божьих после Богородицы воспоминаются Честные Небесные Силы бесплотные⁵. И это является достаточно важным моментом, так как впоследствии ангельские чины на проскомидии при изъятии частиц уже не поминались (не поминают-

¹Литургиарион, си есть: служебник. — К.: Типография Киево-Печерской Лавры, 1629. — Л. 7 нн, счет. 1

²Там же. Л. 5, счет. 1.

³Там же. С. 257.

⁴Там же. С. 257.

⁵Там же. С. 122–123, счет. 2.

ся они и в современной службе). Считалось, что искупительная жертва была принесена за людей, а не за ангелов⁶.

Прочие чины святых — св. Иоанн Предтеча, ветхозаветные пророки, апостолы, святители, мученики и мученицы, преподобные отцы и матери, святые чудотворцы и бессребреники, святые праведные Богоотцы Иоаким и Анна, дневной святой и все святые, автор литургии (Иоанн Златоуст либо Василий Великий) — все они поминались при изъятии остальных частиц и на службах могилянського времени, и в Синодальный период. И последовательность их воспоминания в целом совпадает. Отличие, таким образом, состоит именно в воспоминании ангельских Сил в литургии могилянской эпохи прежде всех иных святых. Но эта особенность есть в греческом чине литургии, принятом в Великой Константинопольской церкви и на Афонской горе: там также на проскомидии воспоминаются Небесные Силы⁷, т. е. ориентация на греческую традицию П. Могила в данном случае очевидна. Греческие же мастера (вероятнее всего, греки-переселенцы, приглашенные митрополитом с его родины Молдовы) расписывали и церковь Спаса на Берестове, что указано в ктиторской надписи, помещенной во внешнем нартексе храма: «... перстами греков написав славу». Поэтому обилие изображений Небесных Сил разных чинов, тема ангельского славословия евхаристической жертве, особо подчеркнутое значение образов архангелов Михаила и Гавриила в росписях церкви Спаса не случайны.

Отметим особо, что воспоминание ангельских Сил в греческом чине Проскомидии также имеет богословское обоснование. Считается, что кровью креста Сына Божия умиротворено все, и земное и небесное (Кол. 1:20). Хотя Христос воплотился не для безгрешных ангелов, страдал и умер на кресте не за них, но плоды его крестной жертвы простираются на весь мир, видимый и невидимый. До боговоплощения и крестной жертвы небесное и земное были разделены крепкой стеной, и эта стена была разрушена смертью Христа. Небесное и земное Христос соединил в одну Церковь и стал ее Главою (Еф. 1:22). И потому ангелы, пришедшие в ближайшее общение с людьми, радуются о едином грешнике кающемся (Лк. 15:10) и помогают тем, кто того жаждет, обрести спасение (Евр. 1:14). Если такое общение между ангелами и человеком есть плод крестной жертвы, то воспоминание ангелов перед бескров-

⁶Виссарион, еп. (Нечаев). Толкование на божественную Литургию по чину св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого. СПб., 1895 (репринтное издание: Сергиев Посад, 1996). С. 24–25. Прим. 1.

⁷Там же. Прим. 1. С. 25.

ной жертвой на проскомидии оправдано желанием возблагодарить Господа за этот спасительный плод и вместе с тем привлечь молитвенную помощь ангелов к молящимся людям⁸. (Евхаристическая жертва, как известно, это и жертва умилолюбивая, и жертва благодарения)⁹. В определенной степени все эти идеи, по нашему мнению, выражены в системе росписей церкви Спаса на Берестове. Хотя сложный богословский замысел стенописи храма ими не исчерпывается. Но на этих примерах очевидна тесная связь живописи с актуальными тенденциями богословской мысли и богослужебной практикой могилянского времени.

М.Г. Крамаровский

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Две Таны. Половцы на фреске из церкви Сан-Франческо в Сиене (А. Лоренцетти, 20-е гг. XIV в.)

1.0. Средневековая география XIV в. знала две Таны. Восточноевропейская Тана (Приазовье, ордынский Азак) развивалась на базе двух итальянских факторий Золотой Орды — венецианской и генуэзской. Н.М. Фомичев, констатирующий раздельное сосуществование венецианского и генуэзского поселений Таны, предметно рассмотрел историческую топографию городища, взяв за основу местоположение ее церковных приходов [Фомичев 1994: С. 5–18; здесь же и основная литература о Тане; отдельные аспекты историографии см. в: Матиева 2009: С. 282–288]. Тана (Танафи) на западе Индостана — поселение и порт на острове Сальсет неподалеку от Бомбея. После казни последнего индуистского владетеля Девагари (1318 г.) городок принадлежал Делийскому султанату, основанному в начале XIII в.

1.1. Золотая Орда была связана с Делийским султанатом караванной торговлей. После денежной реформы в Индии 1325–1326 гг. в Поволжье, Крым и другие регионы в обмен на лошадей мясных пород, пушнину и транзит льняных тканей началось поступление ремесленных изделий, необработанной слоновой кости и кораллов, редких раковин и золотых индийских монет. Сейчас на территории Золотой Орды известно более 80 находок динаров Халджидидской и Таглакидской династий [Гончаров (рукопись); Федоров-Давыдов 2003: С. 62; Сингатуллина 2009: С. 309]. Между золотоордынской Таной и Таной (Танафи) Делийского султана-та, двумя приморскими центрами с близкими по звучанию именами,

⁸Там же. Прим. 1. С. 25.

⁹Там же. С. 23.

мало общего. Но есть и некоторые родственные черты: развитая международная торговля с участием латинского купечества, деятельность среди местного населения братьев нищенствующего ордена францисканцев (основан Франциском Ассизским в 1207–1209), доминирование в каждом из них исламских общин.

1.2. Церковные и миссионерские организации католиков по всему миру утверждались, иногда опережая, но чаще по мере продвижения торговых факторий итальянских морских республик. В 1279–1283 гг. в монгольском Иране появилась «*Vicaria Tartariae Orientalis*», а уже в 1286–1287 гг. на территории Золотой Орды была учреждена Северная Викария Францисканского ордена («*Vicaria Tartariae Aquilonaris*») с двумя кустодиями «*Custodia Gazariae*» и «*Custodia Sarayae*». В 1291 г. появляется Китайская Викария («*Vicaria Cathay*»), руководившая миссионерской деятельностью в Северном Китае. 20 марта 1314 г. хан Узбек выдал францисканцам ярлык с пожалованием многочисленных льгот. В 1315 г. им было позволено основать свою миссию в Сарае, а в 1336 г. францисканцы имели в Золотой Орде уже десять представительств.

1.3. Приазовская Тана была связана и с Индией. В 1338–1343 гг. отсюда в Дели через Афганистан отправляются шесть венецианских купцов. Их маршруты лежали через Хаджитархан, Ургенч и афганскую Газну [Lopez 1975: Р. 137–159]. Не всем удавалось выдержать тяготы дальнего пути. Европейских купцов и миссионеров на дальних маршрутах и в далеких странах подстерегали и другие опасности. Нередко причиной трагедий выступали имущественные конфликты в торговых колониях, как правило, перераставшие в этнические и религиозные противостояния. Хорошо известен ордыно-генуэзско-венецианский конфликт 1343 г. в приазовской Тане [Heid 1879: Т. II. Р. 189], произошедший в ранний период правления хана Джанибека (1342–1357). В 1339 г. в степном Алмалыке (сейчас Республика Казахстан) вместе с францисканскими мучениками погиб купец Джилотто ди Модена [Golubovich 1906–1929: Vol. III. Р. 253]. О гибели латинян-католиков в столичном Сарае в связи с покушением на хана мы узнаем из авиньонских писем папы Бенедикта XII к Узбеку и его ближайшему окружению, датированных августом 1340 г. [Юргевич 1863: С. 998–1006].

2.0. Одна из самых резонансных в католических кругах Италии трагедий случилась 9 апреля 1321 г. на острове Сальсет (Сольсетт) к северо-востоку от Бомбея в Тане (Танафи). Во времена Марко Поло (1254–1324) здесь располагалась столица провинции Конкан, лежащей в приморской части полуострова между Гуджаратом и Малабаром. Марко По-

ло отмечает в Танае (Танафи) оживленную морскую торговлю. Записки другого венецианца — монаха-францисканца и путешественника Одорико из Парденоне (1285 или 1286–1331), описывают Танафи как город с небольшой, всего в 15 домов, несторианской общиной и доминирующей исламской. Здесь 9 апреля 1321 г. по настоянию местного *кадия* — исламского судьи, правителем города были казнены четверо монахов-францисканцев, участников публичного «спора о вере». Их мученическая смерть нашла отражение в сюжете фрески 1320-х гг. «Казнь францисканцев в Танафи» художника из Сиены Амброджио Лоренцетти (ум. от чумы в 1348 г.).

2.1. События, произошедшие в индийской Танае, наиболее полно описаны Одорико. С учетом отдельных деталей сцена суда, описанная Одорико, не вполне тождественна мизансцене центральной композиции фрески А. Лоренцетти. Одорико начал диктовать свои записки в период, когда фреска А. Лоренцетти уже была завершена (М. Прокопп датирует фреску 1324–1327 гг.).

3.0. Фреска А. Лоренцетти имеет свою непростую историю [Frugoni 2003: Р. 303]. В 1730 г. она вместе с ныне утраченными пояснительными надписями, была скрыта ремонтной штукатуркой. Надписи, однако, были прочитаны в XVI в. Сигизмундом Тицио. Работы А. Лоренцетти вызвали восторженный отклик Лоренцо Гиберти [Гиберти 1938: С. 23–25].

3.1. Двадцать три персонажа фрески Лоренцетти объединил в три большие группы. Центр композиции смещен к правому краю «сцены», где трое мучеников-францисканцев — психологический центр фрески — на коленях смиренно готовы принять смерть от руки палача (палачей двое, но первый, в правом углу фрески, уже закончил свой урок, и закладывает меч в ножны). Руки монахов связаны за спиной, головы с выбритыми тонзурами обнажены. Один из братьев склонил шею, приготовившись к приему удара сабельного лезвия. Палач изображен в момент замаха обеими руками «с плеча». В воздухе «зависло» мгновение последнего вздоха мученика и это мгновение — камертон всей сцены казни. Напряжение достигло той высшей точки, за которой — только леденящий ужас смерти, не оставившей равнодушным ни одного из участников сцены. Лица всех персонажей индивидуализированы.

3.2. Разнообразие костюмов и этнических типов, по-видимому, согласуется с представлениями А. Лоренцетти о городских обитателях Танафи, где наряду с представителями воинской элиты (двумя латинянами и греком, судя по прическе и всаднической козырьковой шапке, изображен и тюрк в монгольском халате). Другого тюрка можно видеть

и в группе «гражданской» администрации, в которой, как я предполагаю, Амброджио пытался воплотить образы представителей отдельных религиозных общин — исламской и христианской.

3.3. Линия содержательных характеристик воплощена в аллегорических фигурах статуй, установленных художником на гребне киоска и пересечении его арок. При их посредстве Амброджио пытался усилить морально-этическую характеристику выбранной им темы. В этой сложной сцене я целиком следую за Мейером Л. Шапиро, предложившем идентифицировать семь статуй на фронтоне киоска с семью смертными грехами [Frugoni 2003: P. 304–305].

4.0. Подчеркивая блистательное мастерство художника, его глубокий психологизм исследователи нередко не уделяют необходимого внимания тем, или другим реалиям, или, во всяком случае, придают им несравненно меньшее значение, чем это делал сам мастер. Я говорю о выборе средств и достоверности в передаче образов отдельных этнических типов героев фрески. Речь идет о двух персонажах, которые могут быть идентифицированы как тюрки.

4.1. Один из них изображен в группе привилегированных военных — персонаж в монгольском костюме. На нем халат с правым запяхом (поверх рубашки с длинным рукавом), характерный для официального костюма Чингисидов XIII–XIV вв. Голову тюрка украшает высокая конусовидная шапка из тонкого войлока или крашеного фетра с широкими разрезными полями. Шапка увенчана султаном из птичьих перьев. Иконографическая характеристика выдает бывшего кочевника — половца (кыпчака). Другой персонаж с «пальцем удивления» у рта в подобной же шапке с пером изображен Лоренцетти в группе «клерикалов». Изображение половца в монгольском костюме в характерной высокой шапке с разрезными полями можно видеть в иранской миниатюре из фонда Прусского наследия в Государственной библиотеке Берлина со сценой пира по случаю ханской интронизации (Тебриз (?), 1-я пол. XIV в.) [Dschingis Khan und seine Erben 2005: S. 257, № 285]. Обычно головные уборы половцев на чингисидской службе, или куман на венгерской, не украшались перьями подобно шапкам-орбелге у монголов [Крамаровский 2001: С. 30–32]. Однако, на миниатюре из Каталонского атласа Абрахама Креска (1375 г., Британская библиотека, Лондон) островерхие шапки половцев ордынского торгового каравана из Поволжья в Китай оснащены плюмажами из птичьих перьев.

4.2. Получается, что изображения половцев (кыпчаков) на фреске Лоренцетти не только «открывают» экзотическую для итальянской

культуры тему центрально-азиатских кочевников, продолженную Пизанелло в росписях храма св. Анастасии в Вероне (1436–1438 гг.), но и являются редким *документом* по культуре тюрок монгольской эпохи, который еще предстоит оценить.

5. Фреска из Сиены свидетельствует, что историческая жизнь в разных частях ойкумены, выросшая на общей почве глобализации периода расцвета международной торговли XIII–XIV вв., породила в средневековых городах Делийского султаната и Золотой Орды родственные формы социальной жизни и, следовательно, близкие по характеру противоречия и конфликты. А вместе с ними и общих героев, пример чему дает фреска восточной стены из капеллы Бандини-Пикколомини церкви Сан-Франческо.

А.М. Крюков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

К вопросу о сохранности корпуса поучений Михаила Хониата*

Одна из существенных сложностей, с которыми неизбежно сталкивается исследователь огласительных поучений Михаила Хониата, произнесенных им в качестве митрополита Афинского в период с 1182 по 1204 г., является плохая сохранность основной рукописи, содержащей эту часть наследия известного византийского писателя конца XII — начала XIII в. (Syn. Gr. 230; № 218 по каталогу архим. Владимира)¹. Особенно пострадала начальная часть кодекса: первые несколько тетрадей, по всей видимости, утрачены полностью, а следующие за ними лишились многих листов, в том числе и тех, на которых должны были содержаться сигнатуры тетрадей и заголовки поучений. Поэтому не совсем ясно, какие именно тексты располагаются на первых листах рукописи, хотя заголовки 6-го и 8-го поучений на лл. 18 и 38 и могут служить здесь некоторым ориентиром (последующие беседы под номерами 9–26 сохранились полностью и отождествляются без проблем).

Ситуация осложняется еще и тем, что уже во второй половине XV в., когда 218-й кодекс послужил основой для второго сохранившегося списка поучений Хониата (Syn. Gr. 262; № 219 по каталогу архим.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а.

¹Владимир (Филантропов), архим. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческие. М., 1894. С. 272–274. Далее эта рукопись сокращенно обозначается как № 218.

Владимира), состояние рукописи, по всей видимости, мало отличалось от сегодняшнего. Вот почему переписчик начал свой труд с середины 8-й огласительной беседы, т. е. именно с того места, где в древнейшем кодексе начинается 14-я тетрадь, первая в ряду других полных тетрадей, не имеющих нарушений нумерации. Лишь по завершении основного труда он присовокупил к своему списку некоторые фрагменты текстов, взятых из начальной части протографа, однако не в том порядке, в котором они фигурируют в № 218. При этом им были добавлены заголовки «Κατήχησις ε'» и «Κατήχησις ζ'», отсутствующие в исходной рукописи.

Такое состояние рукописной традиции стало причиной того, что при разбиении текста на отдельные поучения одни из исследователей были склонны больше доверять 218-му, а другие — 219-му кодексу. Так, архим. Владимир в своем каталоге механически отнес текст, содержащийся на лл. 1–18 древнейшей рукописи к 5-му, а на лл. 18–38 — к 6-му поучению. 7-е же поучение, по его мнению, в кодексе не сохранилось. Аналогичную позицию высказал К. Диовуниотис, описывая подготовленное С. Ламбросом, но не увидевшее света издание проповедей Михаила Хониата². Напротив, еп. Арсений (Иващенко) в своей публикации избранных гомилий Афинского митрополита поместил 5-е поучение в том виде, в каком оно содержится на лл. 514–555 219-й рукописи, никак не комментируя того факта, что эти листы представляют собой копию двух изолированных фрагментов древнейшего списка (лл. 31–36 об. и 7–17 об.), связь между которыми далеко не очевидна³.

Новый этап в изучении рукописной традиции интересующих нас поучений связан с именем И.С. Чичурова, который постарался выявить пропуски в 218-м кодексе, основываясь на анализе сохранившихся сигнатур и нарушений связности текста. Один из важных выводов исследователя заключался в том, что между лл. 30–44 недостает двенадцати листов, т. е. достаточно большого фрагмента рукописи, которого могло бы быть достаточно для размещения целого поучения. Это позволило ученому сделать предположение о том, что на утраченных листах могло располагаться начало 7-го поучения, какой-то фрагмент которого, возможно, сохранился в № 218 до нашего времени⁴.

²Διοβουνιώτης Κ. Αἱ ἀνέκδοτοι κατήχησεις τοῦ μητροπολίτου Ἀθηνῶν Μιχαὴλ Ἀκομινάτου // Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. Τ. 3. Ἐν Ἀθήναις, 1928. Σ. 298.

³Еп. Арсений (Иващенко). Четыре неизданные беседы Михаила Акомината, митрополита Афинского. Новгород, 1901. С. 1–88.

⁴Чичуров И.С. К вопросу о рукописной традиции поучений Михаила Хониата // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd. 133. Berlin, 1987. S. 577.

Представляется, что проделанная нами работа по изучению полного текста сохранившихся гомилий Михаила Хониата позволяет теперь в какой-то мере уточнить выводы И.С. Чичурова. Как удалось установить, в составе начальной части 218-го кодекса имеется только два фрагмента связного текста, не примыкающих к заголовку одного из поучений и, стало быть, не имеющих ни начала ни конца. Поскольку оба эти фрагмента занимают по 6 листов рукописи (лл. 1–6 об. и 31–36 об.), лишенных каких-либо сигнатур, то очевидно, что в обоих случаях речь должна идти о тетрадах, лишившихся своих внешних листов. Между этими фрагментами располагаются 24 листа, составляющих три полных тетради (№ 8–10 согласно сигнатурам писца): на них содержатся конец неозаглавленного (предположительно 5-го) и начало 6-го поучений. С 37-го листа начинается тетрадь, которую реставратор поместил номером 13: таким образом, если даже предположить, что лл. 31–36 об. находятся на своем месте, то здесь всё-таки не хватает еще одной полной тетради из восьми листов. Такая локализация пропуска дает нам дополнительные основания утверждать, что 7-е поучение Михаила Хониата первоначально находилось в составе № 218, и именно к нему относится небольшой фрагмент текста на лл. 37–38, предшествующий заголовку 8-го поучения. Оставшаяся часть кодекса содержит связные тексты проповедей: исключение составляет лишь отмеченная И.С. Чичуровым лакуна между л. 43 и 44, частично восполняемая по позднему списку. Судя по всему, именно здесь должны были находиться последние два из числа двенадцати отсутствующих листов.

Можно ли, однако, как-то идентифицировать текст двух неозаглавленных фрагментов? Чтобы ответить на этот вопрос, уже недостаточно изучения особенностей рукописи: необходимо руководствоваться структурным и содержательным анализом самого текста. Задача осложняется тем, что огласительные поучения, из года в год произносившиеся Афинским митрополитом накануне Великого поста, достаточно однообразны по своему содержанию, а их построение иной раз допускает отступления от основной темы, могущие показаться неподготовленному читателю абсолютно немотивированными. Тем не менее, проведенное нами исследование поучений Михаила Хониата позволило выявить общие элементы в их структуре, знание которых дает возможность с достаточной долей уверенности поместить крупные элементы «мозаики» на подходящие им места даже при отсутствии связующих звеньев. Ключевым моментом здесь является различие между первой половиной поучения, обычно содержащей теоретическое описание того или

иноного порока или добродетели, и второй его частью, более обращенной к практическим нуждам слушателей. Применение данного критерия классификации к рассматриваемым отрывкам убеждает нас в том, что лл. 1–6 об. сохранили завершающую часть некоей проповеди, которую, таким образом, никак нельзя пристыковать к последующему довольно длинному фрагменту 5-го поучения. Зато этот отрывок хорошо стыкуется с текстом лл. 37–38, выше предположительно идентифицированным нами как финал 7-й огласительной беседы. Что же касается лл. 31–36 об., то они, наоборот, скорее содержат начало гомилии, причем по своему содержанию соотносятся скорее с 5-м поучением, чем с лл. 1–6 об.

Полученные результаты убеждают нас в том, что традиция, представленная 219-й рукописью, где отрывок, взятый с лл. 2 об. — 5 об. исходного списка, помещен под заголовком «*Κατήχησις ζ'*», а текст лл. 31–36 об., как было указано выше, включен в состав 5-го поучения, заслуживает всяческого внимания. Кроме того, приходится задаться вопросом о том, не были ли две 6-листовых тетради элементарно перепутаны одним из переплетчиков или реставраторов № 218, в результате заняв в кодексе неподобающие им места?

П.В. Кузенков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Византийско-русские связи при Михаиле VII Дуке в научном наследии В.Г. Васильевского

По известным причинам Византия занимает в отечественной исторической науке совершенно особое место. Со времен основания Императорской Академии Наук изучение византийских источников о Руси находилось в центре внимания историков. Во 2-й половине XIX столетия тема русско-византийских отношений стала центральной в трудах академика Василия Григорьевича Васильевского, которого по праву называют основоположником отечественного византиноведения. Трудами Васильевского и его коллег на рубеже веков была подготовлена почва для воспитания целой плеяды талантливых исследователей, которым предстояло вести исследования Византии — и, шире, всего Христианского Востока — на передних рубежах мировой исторической науки. Но этого, в силу известных обстоятельств, не произошло.

За прошедшее столетие отечественному византиноведению удалось в непростых условиях сохранить научную традицию, а в ряде областей оно испытало определенный подъем. Однако к настоящему времени

приходится констатировать, что некоторые важные открытия, сделанные еще академиком Васильевским, остаются вне поля зрения мирового византиноведения. В условиях современной научной этики, когда более новому и часто цитируемому мнению принято отдавать предпочтение перед старым и забытым, это приводит к прискорбному регрессу.

Наиболее характерным примером такого рода служит эпизод, касающийся контактов византийского императора Михаила VII Дуки с Русью в критические для Византии 70-е гг. XI в. В 1875 г., сразу после издания Константином Сафой двух писем (или двух вариантов одного письма), написанных от имени и по поручению Михаила VII небезызвестным Михаилом Пселлом к не названному по имени иностранному государю с предложением династического брака и политического союза¹, в «Журнале Министерства Народного Посвящения» появилась статья В.Г. Васильевского, открывшая собою серию его «Русско-византийских отрывков»². Это основательное и блестящее эссе, выполненное Василием Григорьевичем с присущим ему мастерством на высочайшем источниковедческом и аналитическом уровне, не оставляет сомнений в том, что адресатом послания был именно киевский великий князь, а не норманнский герцог Апулии Робер Гвискар — имя которого издатель, ничтоже сумняшеся, поместил в заглавии своей публикации. Однако этот важный вывод, проливающий свет на многие важные аспекты византийской внешней политики, был отвергнут западной наукой, тогда как мнение Сафы, напротив, получило господство — причем без какой-либо убедительной аргументации. Так, Элен Бибику в статье о византийско-норманнских связях Михаила VII ограничилась заявлением в сноске, что для признания адресатом писем Гвискара «достаточно внимательно прочитать текст»³, а А.П. Каждан, сославшись на эту самую статью Э. Бибику, заметил, что мнение ученых единодушно, и «нет нужды возвращаться к этому вопросу»⁴. Впрочем, как видно из его

¹Deux lettres inédites de l'empereur Michel Ducas Parapinace à Robert Guiscard, rédigées par Michel Psellus et publiées par C. Sathas // *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France*. 8e année. 1874. P. 193–221.

²Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки. I. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // *ЖМНП*. Ч. 182. 1875. Отд. II. С. 270–315; то же: *Труды акад. В.Г. Васильевского*. Т. II. С. 3–55.

³Bibicou H. Une page d'histoire diplomatique de Byzance au XIe siècle: Michel VII Doukas, Robert Guiscard et la pension des dignitaires // *Byz.* 1959–60 [1960]. T. 29–30: Hommage à la mémoire de C. Giannelli. P. 56, n. 3. Более подробную аргументацию исследовательница оставила для своей будущей новой публикации писем, которой, однако, так и не воспользовалась.

⁴Kazhdan A.P. *Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centu-*

ссылки на публикацию П.В. Безобразова, маститый исследователь перепутал два брачных проекта — сына Михаила VII, Константина Дуки младшего, с дочерью Робера Еленой (1074), и одноименного брата того же императора, Константина Дуки старшего, о котором идет речь в письмах Пселла (1072)⁵.

Мы не станем здесь повторять блестящий разбор источников, проделанный Васильевским, и отметим лишь, что никого из западных исследователей не смущает, что прославившегося своей хитростью Робера, этого сына скромного рыцаря и агрессивного папского протеже, только что захватившего у империи ее последний оплот в Италии — Бари — Михаил называет «ненавистником кровопролития браней, правящим в духе правосудия и святости» и хвалит за «единомыслие в истинной вере и знатность рода». Это и понятно: ведь риторическое двуличие и лукавство византийцев общеизвестно...

Между тем, в указанных письмах содержится важнейшее упоминание, проливающее свет на характер византийско-русских отношений того времени. Михаил Дука (точнее, Пселл) пишет: «Научают меня священнические книги и достоверные истории, что наши государства оба имеют один некий источник и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, что одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия». Здесь мы, очевидно, имеем дело с отголосками того самого предания о проповеди апостола Андрея Первозванного на русских землях, которое вошло в «Повесть временных лет» и о корнях которого до сих пор спорят ученые. Ведь известно, что именно Андрей, проповедовавший в Малой Азии и Греции, считался основателем Церкви Константинополя — тогда еще Византия. Тесный союз Михаила VII (как, впрочем, и его предшественника Романа Диогена) с Русью подтверждается и другими данными, среди которых наиболее яркое — решающее участие русского флота в разгроме войск узурпатора Никифора Вриенния в начале 1078 г.⁶

Сложилась парадоксальная ситуация: для отечественных исследователей выводы Васильевского неоспоримы и не нуждаются в дополнительной аргументации⁷, тогда как в западной литературе они столь же

ries // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988–89 [1990]. Vol. 12–13: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. P. 414–429.

⁵Эта оплошность была отмечена в рецензии А.В. Назаренко (*Отечественная история*. 1992. № 4. С. 205).

⁶Mich. Attaliat (ed. Bonn). P. 251.21–255.2.

⁷В своде М.В. Бибикова (*Byzantinorossica*. Т. I. С. 428) упоминается «послание Михаила VII Дуки князю Всеволоду Ярославичу» — без каких-либо комментариев.

единодушно отвергнуты⁸ — и при этом не возникает даже повода для дискуссии.

М.А. Курышева

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Греческие рукописи южноитальянского происхождения из собрания Государственного исторического музея (Москва): проблемы изучения*

Уникальность коллекции греческих рукописей ГИМ при ее небольшом объеме состоит в том, что основная часть ее состава была привезена непосредственно с Афона в середине XVII в. Арсением Сухановым и с тех пор оставались в Москве. Поездка Суханова для покупки греческих рукописей была организована по инициативе патриарха Никона и при поддержке царя Алексея Михайловича, хотя эта миссия носила неофициальный характер. Как было показано в исследованиях Б.Л. Фонкича, интенсивное использование привезенных с Афона греческих рукописей московскими издателями на протяжении второй половины XVII в. позволяет предполагать, что смысл инструкций, данных Арсению Суханову при отъезде на Афон, сводился к тому, чтобы разыскать в греческих книгохранилищах древние и «авторитетные» списки разнообразных сочинений. Эти рукописи должны были послужить для решения вопросов «книжной sprawy» в России. В итоге в собрании ГИМ оказалось около 20 южно-итальянских манускриптов, попавших на Афон в разное время.

Исследуемые московские рукописи из Южной Италии датируются периодом от рубежа IX–X вв. и до конца XII в. По своему содержанию это очень разнородный материал. Представлены ветхозаветные тексты с толкованиями, святоотеческая литература (беседы Иоанна Златоуста, слова и письма Григория Назианзина и Василия Великого), агиографические сочинения, минеи-четьи, номоканоны, отрывки медицинских трактатов и т. п. Их описания даны в каталоге архимандрита Владимира 1894 г., а затем, с уточненными датировками и более подробными данными, в дополнениях к этому каталогу, сделанных Б.Л. Фонкичем в 1992 г. В нашу же задачу входит реконструкция «индивидуальной» истории каждой из них. Предварительные итоги этих изысканий будут

⁸См., например, солидный ресурс по византийской просопографии, созданный в лондонском King's College: <http://www.pbw.kcl.ac.uk/pbw/apps/>.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а.

представлены в докладе. Здесь, исходя из последних достижений историографии, мы сформулируем ключевые методические ориентиры нашей работы.

За редкими исключениями все попытки ученых определить более или менее четко провинциальные особенности происходящих из различных областей Византийской империи греческих рукописных книг остаются тщетными. Поэтому изучение южно-итальянских греческих рукописей открывает широкое поле деятельности для исследователей.

В последние десятилетия в византистике большое значение придается гипотезе Ж. Иригуэна об особой роли Южной Италии (с поздней античности и вплоть до византийского времени) в сохранении и распространении как классических, так и византийских текстов. Считается, что эти процессы происходили на основе сохранившегося на юге Италии мощного корпуса греческих рукописей, которые находились в этом регионе с позднеантичных времен. В историографии неоднократно встречаются ссылки на то, что южно-итальянские рукописи имеют ярко выраженные региональные особенности и их легко распознать по палеографии и декоративным элементам. Например, известный итальянский исследователь Г. Кавалло относит к югу Италии все более или менее «достойные» манускрипты, имеющие какой-либо формальный признак южно-итальянского или провинциального происхождения. Все эти устоявшиеся, вроде бы, представления нуждаются в кардинальном пересмотре. За последние 20 лет палеографических и кодикологических штудий (П. Канар, Ж. Леруа, А. Жакоб, Л. Перриа, С. Лука и др.) накоплен большой материал, позволяющий конкретизировать наши представления о характерных признаках южноитальянских манускриптов. Итоги этих многочисленных исследований, в частности, заставляют сомневаться в южно-итальянском происхождении древнейшего греческого минускульного письма «типа Анастасия» рубежа IX–X в., которое до недавнего времени бесспорно считалось происходящим из Южной Италии. Ряд рукописей второй пол. IX — первой пол. X в., выполненных почерками этого типа, можно связать с Константинополем или прилегающими к нему районами Восточного Причерноморья (см. прежде всего, работы Л. Перриа, А.М. Бруни). Поэтому во всех случаях только конкретное и систематическое изучение палеографических и кодикологических характеристик, а также прояснение истории бытования каждой отдельной рукописи позволяет подтвердить или опровергнуть ее южно-итальянское происхождение.

Т.В. Куц

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

Отражение внутридинастического конфликта в «Нравственном диалоге, или о браке»

Мануила II Палеолога*

В «Нравственном диалоге, или о браке» (Διάλογος ἠθικὸς ἢ περὶ γάμου), составленном в 1394–1397 гг. императором Мануилом II Палеологом¹, нашла отражение та острая политическая борьба, которая разгорелась внутри правящего дома во второй половине XIV в. В период, когда Византия постоянно испытывала на себе натиск со стороны турок, экономическая стагнация парализовала сферы торговли и предпринимательства, а религиозные споры еще сохраняли свою злободневность, династические распри только усугубляли и без того бедственное положение империи. Обращение к теме междоусобиц в контексте политической истории поздней Византии позволит не только представить характер и динамику внутридинастического конфликта, но и показать, как сам император осознавал и оценивал эту проблему.

Сочинение одного из образованнейших поздневизантийских императоров написано в форме диалога — столь популярном жанре византийской риторической литературы, в котором воплотились различные авторские интенции. Формат диалога позволил Мануилу II в рамках своего сочинения реализовать различные задачи — от морализаторства до декларации его политического кредо. Многослойность тематических ракурсов придает этому образцу высокой риторики неповторимый характер, делая данный источник достойным внимания как с точки зрения оценки риторического мастерства автора, так и изучения его взглядов на состояние общества и осознания императором политических проблем, с которыми ему пришлось столкнуться после прихода к власти.

Примечательным является выбор vis-à-vis, с которым ведет диалог Мануил II. Император приглашает к спору свою мать, которая выступает в сочинении и в роли хранительницы императорской власти, и в качестве единомышленника своего багрянородного сына. Материнская любовь и забота позволяют Мануилу вести разговор в доверительном тоне, не лишенном, однако, царственного уважения.

*Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-01-00238а) и Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0578).

¹*Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-mother on Marriage* / Ed. by A. Angelou. Vienna, 1991.

Известно, что Елена Палеологина испытывала особые чувства к двум младшим сыновьям Мануилу и Феодору, в то время как Иоанн V отдавал предпочтение старшему сыну и наследнику Андронику IV. Вероятно, такое отношение к детям со стороны родителей и распределение родительской любви наложили отпечаток на взаимоотношения между братьями. С детских лет привязанность Мануила склонялась к его младшему брату Феодору, в то время как отношения с Андроником носили конфликтный характер.

По мнению издателя А. Ангелу, «Диалог» мог быть стилистической переработкой, имевшей место частной дискуссии или серии подобных обсуждений, которые велись на протяжении нескольких лет. Основная тема, которая лейтмотивом проходит через весь труд, — настоятельная необходимость брака для человека, облеченного высшей властью в империи. Следует заметить, что диалог был составлен после того, как Мануил II женился, и у него уже появился первенец, будущий император Иоанн VIII. Но тема брака была скорее поводом к рассуждениям на более острые темы, волновавшие Мануила в начале его самостоятельного правления.

Исторические реалии, в которых был написан «Диалог», проясняют и сам факт появления произведения, и причины все же состоявшейся женитьбы императора. Стечение обстоятельств сделало Мануила наследником престола после смерти в 1385 г. его старшего брата Андроника IV, который неоднократно проявлял неповиновение отцу и предпринял несколько попыток занять престол. Но был и другой претендент на престол — Иоанн VII, сын Андроника, который был венчан в качестве соимператора еще в 1390 г. Именно он проявил непокорность, при помощи турок занял столицу и узурпировал власть в апреле-сентябре 1390 г., в очередной раз ввергнув правящий дом в водоворот династического конфликта. После подавления мятежа своего племянника Мануил II взошел на престол 16 февраля 1391 г., но Иоанн VII не отказался от своих притязаний на императорский венец. «Диалог» появился именно в тот период, когда обострились не только внутридинастические проблемы, но и осложнилась внешнеполитическая ситуация: осада Константинополя Баязидом I (1394) и катастрофа при Никополе (1396). В этих неблагоприятных условиях угроза новой уособицы становилась особенно опасной.

В «Диалоге» Мануил II дает хлесткую характеристику Иоанну VII, которого изобличает в самонадеянности, притворстве, лицемерии, вероломстве и враждебности. По мнению императора, его племянник яв-

лял угрозу греческому народу, постоянно плетя интриги и доверяясь главным врагам империи — туркам. В условиях постоянно существовавшей опасности заговора со стороны непокорного племянника женьтиба императора была тактически необходимой, поскольку она ограничила бы политическую угрозу и позволила бы избежать нового витка гражданской войны, на что и указывает в «Диалоге» императрица. Женившись и произведя на свет наследника, Мануил гарантировал бы, что Иоанн не унаследует престола в случае его скоропостижной смерти. Елена предостерегает своего сына, что Иоанн может склонить союзников Мануила к измене, используя в качестве аргумента страхи по поводу отсутствия у императора прямых наследников. Опасения Елены имели основание: весной 1394 г. турки начали осаду Константинополя, в которой на их стороне стоял Иоанн VII.

«Диалог» не только отражает перипетии внутридинастического конфликта, но и фиксирует авторскую рефлексию по поводу тех проблем, которые стоят перед императором. Задача правителя, как ее понимал Мануил II, — являть своим подданным образец для подражания, сохранять мир в империи, гарантировать преемственность власти и обеспечивать стабильность политического курса в неблагоприятных для страны условиях.

И.Л. Кызласова

Московский государственный горный университет

О некоторых итогах исследования византийского и древнерусского искусства отечественными учеными в 20–30-е гг. XX в.

После выхода нашей книги «История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: по материалам архивов» (М., 2000) минуло 10 лет. В течение этого времени мы продолжали развивать основные направления данной работы: 1) публиковать рукописи, эпистолярное и мемуарное наследие исследователей с углубленным комментарием и историографическими оценками; 2) подробно изучать биографии ученых и реставраторов-исследователей. В ряде случаев именно биографической компоненте истории и соответствующему контексту уделялось особое внимание. При этом, как и прежде, реализовались принципы выявления единства, целостности протекавших процессов, стремление за уникальностью судьбы яркой личности увидеть

характерные закономерности и в результате по-новому осмыслить масштаб происходившего. С рубежа 1920–1930-е гг. в деле изучения средневекового искусства практически осуществлялся запрет на профессию, многие специалисты были репрессированы.

Впервые на родине автора удалось издать книгу Н.П. Кондакова «Воспоминания и думы» (М., 2002), дополнив ее важными статьями о нем (включая воспоминания). Вскоре вышел составленный и отредактированный нами сб. «Мир Кондакова» (М., 2004), в который вновь были включены «Воспоминания и думы» (с уточненным предисловием и комментариями), а также две статьи великого ученого (одна в первый раз вышла на русском языке, вторая ранее была почти недоступна в России). Нами были написаны историко-библиографические разделы, собрана обширная иконография ученого (фотографии и портреты), издан каталог выставки, организованный в его честь в ГИМ и написан очерк о Н.Г. Яшвиле, связанной с самим Н.П. Кондаковым и с *Seminarium Kondakovianum*. Примыкают к этой теме и две публикации писем: Габриэля Милле к Н.П. Кондакову (Мир русской византистики. СПб., 2004) и Ф.И. Успенского к Г.В. Вернадскому (Труды ГЭ. СПб., Т. XLII, 2008).

Учениками Д.В. Айналова и отчасти Н.П. Кондакова были Л.А. Мацулевич и Н.П. Сычев. Фрагмент из их переписки составил тему статьи (Византия в контексте мировой культуры / ГЭ. СПб., 2004). О Н.П. Сычеве (1883–1964) вышла наша книга (М., 2006). Впервые была написана подробная биография ученого, издана одна из его брошюр и подборка писем, собраны воспоминания современников, а также работы Н.П. Сычева-художника.

По материалам двух архивов А.И. Некрасова и А.И. Анисимова были составлены очерки: 1) о кафедре истории искусства в МГУ—МИФЛИ в 1920–1930-е гг. (Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 134); 2) о Московском институте историко-художественных изысканий и музееведения (1920–1921; Труды ГИМ. М., 2000. Вып. 126).

Серия статей была написана о ключевых деятелях науки и реставраторах-исследователях, героически работавших в этот период. Назовем их имена:

1) А.И. Анисимов (род. 1877, в тюрьме и лагерях с 1930, расстрелян в 1937) — проанализирован его очерк о студенческих годах в Московском университете (1897–1904), вышедший в свет в 1906 г. (ИХМ / ПСТГУ. М., 2009. Вып. 11), изданы рукописи его первой статьи (1920) о древнейших русских иконах (Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 158), доклада 1925 г. о Васильевских вратах (НАВ. 2008. Вып. 7), опубликована его

переписка с Б.М. Кустодиевым (ИХМ / ПСТГУ. М., 2003. Вып. 7). С трудами А.И. Анисимова и его коллег по ЦГРМ (И.Э. Грабаря, В.Т. Георгиевского) связана важная тема — благословение патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению памятников древней живописи в 1918 г. (Вестник ПСТГУ. 2006. Серия II. № 2 /19/, 2-е допол. изд.: VII Грабаревские чтения / ВХНРЦ. М., 2010; *Treasure into Tractors: The Selling of Russia's Cultural Heritage, 1918–1938*. Washington, 2009; *Canadian American Slavic studies*. 2009. Vol. 43. №. 1–4; *La Russie et l'Occident. Relations intellectuelles et artistiques au temps des révolutions russes. Actes du colloque*, Université de Lausanne. Roma, 2010).

2. Ю.А. Олсуфьев (род. 1878, арестован 1937, расстрелян 1938) — написано два очерка о его исследовательском методе, опубликована группа его писем, фрагмент дневника командировки в Псков, Новгород, Старую Ладугу (1931) и рукописи: об орнаменте Иоанновских палат в Новгороде (1931); с обзором русской иконописи (1929); статья о трех византийских иконах из ГТГ (1936), см.: НАВ. 2009; VII Грабаревские чтения / ВХНРЦ. М., 2010. Вып. 8; Труды ГЭ. Т. XLIII. 2010.

3. Г.О. Чириков (1882–1936) — воссоздана наиболее полная биография выдающегося реставратора, изданы его письма из ссылки и др. (НАВ. 2005. Вып. 5; Русское искусство. 2010 № 3).

4. П.И. Юкин (1883–1945) — написана самая подробная биография замечательного реставратора, опубликован комплекс документов и воспоминаний о нем (НАВ. 2007. Вып. 6).

5. Е.И. Силин (1877–1928) — впервые прослежены основные вехи деятельности выдающегося знатока-антиквара и музейного деятеля по материалам нескольких архивов, издана (при участии А.Н. Трифионовой) уникальная по полноте рукопись путеводителя по иконам и шитью Новгорода и Пскова (1926; соавт. Н.А. Реформатская, Н.Е. Мнева — НАВ. 2009. Вып. 8; История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства / ГТГ, в печати). Нами составлены воспоминания Е.Н. Мнева, внука Е.И. Силина (Труды ГИМ, в печати).

6. Д.К. Тренев (1867 — после 1930) — впервые написан очерк о его трудах и издан ряд писем (От Средневековья к Новому времени. Сб. статей в честь О.А. Белобровой / ИРЛИ. М., 2006).

7. Ранее не было специальной работы о вкладе П.И. Нерадовского (1875–1962) в охрану, реставрацию, музейный показ и изучение византийского и древнерусского искусства (Вестник ВХНРЦ, в печати).

Ученицей и коллегой А.И. Анисимова в ГИМ была О.Н. Бубнова (род. 1896, расстреляна в 1938 г.). О ней по материалам архивов впер-

вые написана статья (Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 143). Среди духовных учеников А.И. Анисимова оказался художник и искусствовед Е.Е. Климов (1901–1990), живший в основном за пределами России — фрагменту его дневника 1928 г. и воспоминаниям об учителе посвящен наш очерк (VII Грабаревские чтения / ВХНРЦ. М., 2010); ряду знакомых А.И. Анисимова посвящены статьи — это поэт и коллекционер икон Н.А. Клюев (1884 — расстрелян 1937), художник, коллекционер и реставратор О.Э. Браз (1873–1936), участвовавший в 1925 г. в создании лагерного музея на Соловках (ИХМ / ПСТГУ. М., 2006. Вып. 9; Вестник ПСТГУ. 2010. Серия V. Вып. 3). После закрытия отдела религиозного быта в ГИМ в 1929 г., которым руководил А.И. Анисимов, его удалось возродить в конце 1930-х гг. Е.А. Некрасовой (1905–1989) — читатель мог впервые узнать об этом из Трудов ГИМ (М., 2005. Вып. 149).

Под гнетом внешних обстоятельств О.Н. Бубнова и Е.А. Некрасова вынуждены были отказаться от занятий средневековым искусством. Ту же судьбу разделил П.Б. Юргенсон (1903–1971), воспоминания которого изданы нами (ИХМ / ПСТГУ. М., 2006. Вып. 10). Его друг М.А. Ильин (1903–1981), несмотря на ссылку, сохранил преданность своему делу — см. о его участии в Обществе изучения русской усадьбы (Русская усадьба. М., 2004. Вып. 90).

В целом ряде публикаций удалось представить уникальные фотографии и портреты ученых, в том числе хранящиеся у их родственников.

Г.Е. Лебедева, В.А. Якубский

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра византиноведения Ленинградского государственного университета

В истории исторической науки и образования мы наблюдаем периодическую смену тенденций: то к углублению специализации, то к синтезу и обобщению. В частности, это выражается в том, что полем деятельности медиевистических кафедр становится все европейское средневековье в целом или, наоборот, в обособлении византиноведения в отдельные кафедры. В этом плане красноречивым примером является недолгое существование единственной в Советском Союзе кафедры византиноведения в стенах Ленинградского государственного университета.

В исторических обзорах развития отечественной науки, как правило, мало внимания уделяется анализу работы кафедры, но обращает на себя

внимание тот факт, что историками науки всегда подчеркивается «выдающаяся роль», которую сыграла кафедра византиноведения по подготовке высококвалифицированных кадров для страны в послевоенный период. Уже одно это обстоятельство заставляет нас более внимательно проштудировать документы, относящиеся к ее работе.

В 1945 г. после возвращения Исторического факультета ЛГУ из эвакуации была создана кафедра византиноведения. Воскрешению византиноведения после долгих лет откровенных гонений на эту отрасль исторических знаний способствовало совпадение ряда факторов. Были тут и соображения академического свойства. Россия относилась к числу тех немногих стран, чья историография стремилась к равномерному развитию всех отраслей исторического знания. В советское время появился и дополнительный мотив: каждому буржуазному направлению необходимо было противопоставить свое марксистское. Мотивы неожиданного благоволения советского руководства к византиноведению не до конца ясны и теперь. Можно предположить, что далеко не последнюю роль в этом сыграли соображения внешнеполитического порядка. Во главе кафедры был поставлен видный ученый и талантливый организатор науки М.В. Левченко.

Представление о подготовке специалистов-византиноведов дают, прежде всего, учебные и научные программы кафедры. В учебном плане кафедры, как свидетельствуют протоколы ее заседаний, входили курсы по истории Византии, источниковедению, историографии, русско-византийским отношениям, истории византийского искусства и литературы, палеографии, византийской археологии и материальной культуры, истории церкви, народных и еретических движений. Научно-исследовательская работа была направлена главным образом на разработку важных проблем аграрной и политической истории Византии, на изучение крупнейших народных движений, византийско-русских, византийско-славянских отношений. К работе на кафедре были привлечены такие известные специалисты как Л.А. Мацулевич, Е.Э. Липшиц, А.Ф. Вишнякова, Е.Ч. Скржинская, А.Л. Якобсон, А.В. Банк, Е.Э. Гранстрем, С.В. Полякова. Все это помогло Митрофану Васильевичу в течение нескольких лет превратить кафедру в один из крупнейших центров византиноведения в стране. Общими усилиями они старались возродить и приумножить сильно захиревшие за последние десятилетия традиции отечественной византистики.

Реализация разработанного совместными стараниями учебного плана новой византиноведческой специализации сразу же остро поста-

вила вопрос о нехватке материалов для семинарских и прочих занятий, особенно сложно обстояло дело с изучением социально-экономической проблематики. В какой-то мере помог выход долгожданного византийского сборника, где М.В. Левченко опубликовал подборку «Материалы для внутренней истории Византии V–VI веков». Далее византилисты взялись за подготовку «Сборника документов по социально-экономической истории Византии». На долю Митрофана Васильевича здесь выпал подбор источников, их перевод и комментирование по таким темам, как «византийский феодализм», «рост крупного землевладения и закабаление крестьянства», «ослабление центральной власти в процессе феодализации империи X–XII века». «Сборник документов», вышедший в 1951 г. явился незаменимым пособием не только для студентов-византистов, но и для специалистов в смежных областях научного знания.

Среди первых питомцев кафедры и учеников М.В. Левченко были такие в будущем известные ученые, как Г.Л. Курбатов, И.Ф. Фихман, К.Н. Юзбашян.

С 1947 г. после более чем двадцатилетнего перерыва, удалось при активной поддержке со стороны Е.А. Косминского возобновить выпуск «Византийского временника», который станет основным печатным органом советских византистов. Митрофан Васильевич вошел в его редакцию.

Становление и существование кафедры, ее научные и учебные дела происходили на фоне тех политических встрясок, какие много раз переживала страна в течение первого десятилетия после победы в Великой Отечественной войне. Эти встряски не могли не затрагивать кафедру византиноведения. В 1950 г. кафедра византиноведения была объединена с медиевистами. Скрытой целью этой реорганизации было смещение О.Л. Вайнштейна с должности заведующего кафедрой истории Средних веков.

Л.В. Луховицкий

Институт славяноведения РАН (Москва)

Богословско-полемические сочинения патриарха Никифора I в XIV в.

Во 2-й половине IX в. благодаря деятельности патриархов Мефодия (843–847 гг.) и Фотия (857–867 и 877–886 гг.) ересь иконоборчества была окончательно преодолена и поставлена в один ряд с осужденными ере-

сями прошлого: благодаря деятельности первого была написана история спора об иконах с иконопочитательских позиций, а второй добился признания вселенского статуса II Никейского Собора 787 г. Таким образом, иконоборчество из несущего угрозу вероучительного новшества, которое было необходимо опровергнуть, логическим путем сведя его положения к уже осужденным заблуждениям (арианству и несторианству), само превратилось в ересь, родство с которой однозначно указывало на еретический характер любого нового спорного учения. Отныне доказательство генетической или типологической связи с иконоборчеством становилось решающим аргументом в полемике, которым не могли не воспользоваться византийские богословы.

Наибольшее распространение этот прием получил в эпоху исихастских споров, когда обвинения в иконоборчестве выдвигали против своих оппонентов как паламиты, так и их противники. Нам представляется весьма важным проследить, насколько исторически достоверны (или же искажены) были их представления о ходе и внутреннем содержании иконоборческого конфликта.

Известно, что основным источником сведений об иконоборчестве в XIV в. служили богословско-полемические сочинения патриарха Константинопольского Никифора I (806–815 гг.), неверно атрибутированные Феодору Начертанному, исповеднику при императоре Феофиле, пострадавшему в 836 г. Имя Феодора содержится в заглавиях трактатов Никифора в рукописи Par. gr. 910 (рубеж IX–X вв.), а также в колофоне рукописи Par. gr. 909 — копии Par. gr. 910, выполненной по заказу императора Иоанна VI Кантакузина в марте 1368 г.¹

Р. Блейк и П. Александер полагали, что заглавие в Par. gr. 910 написано в то же время, что и остальная рукопись, а значит, атрибуция восходит уже к X в.² Дж. Фезерстоун, изучив рукопись, заключил, что заглавие дописано в XIV в. Он также предположил, что автором неверной атрибуции был Никифор Григора, в 1320-е гг. познакомившийся с рукописью в монастыре Хора в Константинополе. Поскольку название трактата не читалось, Григора вынужден был самостоятельно вписать имя автора, а так как в это время он работал над своей версией жития Михаила Син-

¹Mondrain B. L'ancien empereur Jean VI Cantacuzène et ses copistes // Gregorio Palamas e oltre. Studi e documenti sulle controversie teologiche del XIV s. bizantino / A cura di A. Rigo. Firenze, 2004. P. 263–268. По другой версии, Par. gr. 909 представляет собой копию XVI в.: Featherstone J. An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy // JÖB. 1983. Bd. 33. S. 196.

²Blake R. Note sur l'activité littéraire de Nicéphore Ier Patriarche de Constantinople // Byz. 1939. T. 14. Fasc. 1. P. 8; Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxf., 1958. P. 156.

келла (ВНГ 1297), то для него было естественно связать неизвестного ему автора антииконоборческих сочинений с упоминающимся в ранней версии жития Михаила Синкелла Феодором Начертанным. Позже рукопись попала в руки противника Григоры Константинопольского патриарха Филофея Коккина, затем перешла к ученику Григоры Иоанну Кипарисиоту и, наконец, к императору Иоанну Кантакузину³. Эта гипотеза подверглась критике Б.Л. Фонкича, указавшего, что для отождествления почерка Григоры недостаточно материала, а пометы, идентифицированные как автографы Филофея Коккина, в действительности относятся к XII в.⁴

Вне зависимости от решения этого вопроса, не вызывает сомнений, что источником сведений об иконоборчестве для полемистов XIV в. послужили два сочинения патриарха Никифора: «*Apologeticus atque Antirrheticus*» (трактат 815–820 гг., опровергающий иконоборческое учение Константина V)⁵ и «*Contra Eusebium*» (несколько более позднее сочинение, посвященное опровержению знаменитого «Послания» Евсевия Кесарийского сестре Константина Великого Констанции, которое активно использовалось иконоборцами в VIII в. и было осуждено как еретическое на II Никейском Соборе)⁶.

Предварительное изучение корпуса текстов, относящихся к исихастской полемике, позволило обнаружить прямые цитаты из указанных сочинений Никифора в следующих текстах:

- богословско-полемические «Первые Антирретики» (в 3-х частях, ок. 1347 г.)⁷ и «Ромейская история» (доведена до 1359 г.)⁸ Никифора Григоры;
- «11-я речь» Филофея Коккина, входящая в собрание из 12 богословско-полемических «Антирретиков» против Никифора Григоры, составленное по просьбе императора Иоанна VI Кантакузина после Собора 1351 г.⁹;

³Featherstone J. An Iconoclastic Episode... S. 179–198.

⁴Фонкич Б.Л. Автографы константинопольского патриарха Филофея Коккина (рукописи Мюнхена, Вены, Москвы, Венеции и Ивирского монастыря) // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. 2000. № 5. С. 71, 75, прим. 43.

⁵PG. T. 100. Col. 205A–832A.

⁶Eusebii Caesariensis confutatio // Spicilegium Solesmense / Cur. J.B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. 371–503.

⁷Nikephoros Gregoras. Antirrhetika I / Hrg. H.-V. Beyer. Wien, 1976.

⁸Nicephori Gregorae Byzantina Historia / Cura L. Schopeni, I. Bekkeri. 3 vol. Bonn, 1829–1855.

⁹Φιλοθέου Κοκκίνου Δογματικὰ ἔργα / Δημ. Β. Καϊμάκη. Μέρος Α'. Θεσσ., 1983. Σ. 407–478.

- «3-я речь против писаний Григоры» Григория Паламы (ок. 1357 г.)¹⁰, написанная в ответ на неопубликованные «Вторые Антирретики» Никифора Григоры;
- «1-е опровержение Прохора Кидониса» Иоанна VI Кантакузина (1367–1369 гг.)¹¹.

В докладе будет предпринята попытка проанализировать эти цитаты. При этом прежде всего нас будут интересовать представления полемистов XIV в. об иконоборческом конфликте: кто именно в их трактовке оказывается его основными участниками с обеих сторон, и к чему, по их мнению, сводится догматическое содержание спора.

Д.И. Макаров

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург)*

К анализу мариологии Феофана Никейского

В основополагающей для мировой науки монографии И. Полемиса [*Polemis* 1996] мариологические воззрения Феофана Никейского проанализированы неполно. Не привлекается и достаточно обширная западная научная литература по этой теме [*Gordillo* 1953; *Salaville* 1953; *Zardonì* 1957; *Schultze* 1962; *Candal* 1965; *Bertetto* 1981]. Недосказанность и гипотетичность выводов характерна и для новейших работ, посвященных учению Феофана о Евхаристии [*Louth* 2005; *Van Rossum* 2010].

Полемис пришел к двум основным выводам. Во-первых, не исключено влияние на Феофана трактатов и Богородичных проповедей св. Николая Кавасилы. Это отмечалось уже Шульце [1962: Р. 413]. Во-вторых, Богородичное слово было написано после «Пяти слов о Свете Фаворском», т. е. после 1370 г. [*Polemis* 1996: Р. 190]. При этом более ранние — и классические для Византии и православной традиции в целом — Богородичные проповеди свв. Андрея Критского, Иоанна Дамаскина и др. не попали в поле зрения Полемиса. Поэтому нельзя исключить возможности того, что та или иная идея взята Феофаном не столько у св. Николая,

Известно, что на самом Соборе 1351 г. также цитировались сочинения Никифора: PG. T. 151. Col. 729C.

¹⁰Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα / Π.Κ. Χρήστου. Τ. 4. Θεσσ., 1988. Σ. 321–340.

¹¹Johannis Cantacuzeni Refutationes duae Prochori Cydonii et Disputatio cum Paulo Patriarcha latino epistulis septem tradita / Ed. Ed. Voordeckers, Fr. Tinnefeld. Turnhout, 1987. P. 1–105.

сколько у богословов средневизантийского периода. В чем же заключается специфика воззрений самого Феофана, а в чем видны моменты общности его взглядов с предшествующей традицией?

Еще важнее вновь поставить проблему, на значимость которой в 1938 г. указал М. Кандаль в рецензии на издание Жюжи: проблему связей Феофана не только с традицией мариологии, но и с предыдущими идеями византийского богословия в целом. Благоприятный научный и богословский контекст наших дней побуждает еще раз обратиться к наследию Феофана Никейского и посмотреть на него непредвзятым оком.

В настоящем докладе мы остановимся на нескольких примерах влияния на Феофана идей и лексики св. Григория Паламы и Псевдо-Дионисия Ареопагита. Предпринимаемый анализ важен и сам по себе, и как один из путей уточнения наших представлений о подлинных масштабах влияния Псевдо-Дионисия на византийскую мысль XIV в.

Богородица — Ангел паче всех ангелов, «Украшение (ἐγκαλλώπισμα) ангелов» [Jugie 1935: P. 78.25–26]. Эти слова следует сопоставить с 37-й гомилией св. Григория Паламы на праздник Успения, где о Богоматери говорится, что «...благодаря Своей близости к Богу всяческих Она несоизмеримо превзошла ангелов, архангелов и все стоящие над ними премирные силы...» [PG. T. 151. Col. 461AB]. Она одна, по известной формуле св. Григория Паламы — «граница (пограничье, рубеж, μεθόριον ἐστὶ) тварного и нетварного естества...» [Ibid. Col. 472B].

В приведенных словах св. Григория Паламы и следующего за ним Феофана Никейского подчеркиваются те неисчислимые нити, которые связывают Богородицу с Иисусом Христом — Ангелом Великого Совета (Ис. 9:5–6; ср.: Еф. 3:6–12; Кол. 1:26–28). Согласно Феофану (как и выше упоминавшимся византийским мариологам), таинство Богородицы неразрывно связано с таинством Христа. Более того, это есть одно и то же таинство «обновления естеств» (говоря языком св. Григория Богослова и св. Максима Исповедника), оба аспекта которого — условно говоря, христологический и мариологический — совершенно неотделимы друг от друга.

Возможно, говорит Феофан со ссылкой на Ареопагита, Пресвятой Деве подойдет и какое-либо другое имя, «...коль скоро, — согласно тому же богослову, — наименование каждой из превышающих нас сущностей указывает на их богоподобные свойства богообразия (τὰς θεομιμήτους... τοῦ θεοείδους ἰδιότητας)» [Jugie 1935: P. 80.11–13], Богородица же «предстоит (προεῖσθαι) как высшему из сонмов ангельских, так и всему последующему множеству умных и словесных тварей, т. е. ангелов и людей»

[Ibid. P. 82.6–8]. Она представляет Собой «началообразное (*ἀρχέτυπον*) изваяние первообразного Благотворения (*τῆς πρωτοτύπου καλοποιίας*)» [Ibid. P. 82.8–9].

Данное определение представляет собой мозаику из, по меньшей мере, трех фрагментов трактата «О небесной иерархии» (надо полагать, сведенных воедино Феофаном по памяти): в СН V говорится о причастии всех ангельских сил *богообразию* (*τὸ θεοειδές*) [1990. Bd. II. P. 25.20–22]; в СН VII.2 — о *богообразном свойстве* (*τῆς... θεοειδοῦς ιδιότητος*) [Ibid. P. 29.3–5], а чуть дальше в том же разделе — о [*возможности*] *богоподражания* (*τὸ θεομίμητον*) [Ibid. P. 29.11–15].

Феофан дает отпор своим конструируемым оппонентам, которых он заставляет утверждать, будто Богородица под его пером превращается в некоего полубога. В подтверждение истинности своей мариологии Феофан ссылается на не отождествленное о. Жюжи место из Ареопагита: «Ибо [тогда] *не обратится* (*οὐ περιστραφήσεται*) [*встать*] *чин на чин*¹, но каждый в своем чину и в своем служении пребудет» [Jugie 1935: P. 92.3–5]. Курсивом отмечено точное совпадение по тексту с Ареопагитом (за вычетом разночтения, указанного в примечании). При цитировании Феофан меняет наклонение — с повелительного у Ареопагита на изъявительное. Отождествление данного отрывка упрощается благодаря к обращению к «Индексам» о. ван ден Дэле, из которых видно, что это — единственный случай употребления глагола *περιστρέφω* во всем корпусе Дионисия [Van den Daele 1941: P. 115]. К сожалению, на момент издания о. Жюжи слова Феофана этих «Индексов» еще не существовало.

Можно привести и другие примеры того, что в своей мариологии Феофан систематически опирается на лучшие достижения византийской богословской, а иногда и философской мысли. Моменты его пре-
 емственности с традицией этой мысли, а кое в чем и разногласий с ней должны стать предметом развернутого исследования.

¹Разночтение в тексте цитаты: *τάξις ἐπὶ τάξει* (Феофан — Jugie. P. 92.3–4); *τάξις ἐπὶ τάξιν* — Ареопагит (Ep. 9.4 // Corpus Dionysiacum. Bd. II. P. 183.15). Выражение Ареопагита можно дословно перевести: «чин против чина»).

К.А. Максимович

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)*

Изучение византийского права в России и Западной Европе: итоги и перспективы

Изучение византийского права в XIX в. проходило в России и Европе параллельно, причем существовало своеобразное «разделение труда» — европейцы изучали главным образом светскую правовую традицию Византии, тогда как русских ученых интересовало преимущественно церковное право. Подобное распределение объектов исследования имело, по-видимому, свои исторические корни. Так, европейцев в эпоху создания и крушения империй (британской, наполеоновской, германской) больше всего интересовала традиция византийского имперского этатизма, в которой церковно-правовая проблематика играла подчиненную роль. Огромное влияние на интерес европейцев к Византии оказывали рецепированные на Западе *Codex Theodosianus* и *Corpus iuris civilis* Юстиниана — великие кодификации римского права, в которых церковные вопросы затрагивались в меньшей степени. В России, наоборот, римская правовая традиция уступала в значимости церковному праву, которое было заимствовано из Византии отнюдь не в составе указанных кодификаций, а в форме номоканонов (собрания церковных канонов, дополненных императорским законодательством о Церкви). Задачи изучения русских кормчих книг и славянских номоканонов предопределили интерес российской науки прежде всего к византийскому церковному праву.

В силу специального интереса русских ученых к византийской церковно-правовой традиции основные научные результаты в изучении византийского права (как светского, так и церковного) связаны в России с наукой дореволюционной. После 1917 г. церковно-исторические и церковно-правовые исследования в СССР были исключены из системы гуманитарных наук и проводились только в церковных образовательных учреждениях в полной изоляции от европейской науки с ее высочайшими методическими стандартами. Следствием этого стал разрыв русской церковно-правовой византистики как с предшествующей национальной традицией, так и с европейской наукой. В результате уже в 50-е гг. XX в. в СССР обозначился глубокий кризис в области изучения византийского права, который продолжается и по сей день. В итоге за последние 25 лет в России не исследовано и не издано ни од-

ного византийского юридического памятника, а монография по византийскому праву вышла только одна — мы имеем в виду книгу члена-корреспондента РАН И.П. Медведева «Правовая культура Византийской империи» (СПб., 2001), автор которой в настоящее время является едва ли не единственным российским специалистом в этой области.

Почти полное прекращение историко-правовых исследований в советской (и российской) византистике, а также отделение византиноведческого образования от славистики воздвигло непреодолимые барьеры для изучения собственно русской (церковной и светской) правовой традиции. Так, описание русских и славянских номоканонов (а также других древних рукописей), хранящихся в российских библиотеках, наталкивается в настоящее время на большие трудности в силу незнакомства исследователей-славистов с византийским материалом.

В Европе, несмотря на страшные общественные катаклизмы первой половины XX в., не произошло коренной смены культурной парадигмы. Соответственно, развитие историко-правовой византистики поступательно продолжилось. Основные направления европейских исследований также не изменились — это прежде всего копирование и каталогизация византийских юридических рукописей, исследование и публикация правовых сборников, трактатов, церковных канонов, создание обобщающих монографий по истории византийского права. В настоящее время крупнейшие мировые центры юридического византиноведения находятся в Греции (Афины), Германии (Франкфурт-на-Майне) и Голландии (Гронинген). Правда, и они постепенно сходят на нет по причине отсутствия перспективной научной молодежи. Таким образом, юридическая византистика в скором времени может вообще прекратить свое существование. Если, конечно, не принять мер по ее возрождению в России.

С.В. Мальцева

Санкт-Петербургский государственный университет

Принципы размещения приделов в сербских храмах имперского периода

Приделы являются одной из важнейших особенностей сербской церковной архитектуры. Они во многом определяют ее национальную специфику, влияют на архитектурную типологию, объемно-пространственную композицию и программу росписей храмов. В XIII в. приделы становятся системным явлением и оказываются свя-

заны с особыми культами, положенными в основу сербской церковно-политической идеологии, — с почитанием св. Стефана Первомученика как покровителя сербского самодержавия, св. Симеона Мироточивого (Стефана Немани) как основателя независимого сербского государства и родоначальника святородной династии и св. Саввы как основателя Сербской автокефальной Церкви. Обычно приделы, использовавшиеся для особых служб этим святым (но не для захоронений, которые размещались во внутреннем нартексе), фланкировали экзонартекс. Поскольку в Рашский период ктиторами храмов были потомки Стефана Немани — представители светской и церковной верховной власти, — западные части храмов оказывались связаны одновременно с общесербскими и родовыми ктиторскими культами.

В последней трети XIII в. в размещении приделов появляется новая тенденция: они перемещаются к востоку, как правило, — в пастофории. Новым становится и нередкое использование их для захоронений. Эта тенденция закрепляется в эпоху краля Милутина (1282–1321), когда в архитектуре доминирует тяготение к синтезу сербских и византийских традиций. В большинстве храмов этого времени не акцентируются специфически сербские черты. Посвящение приделов особо почитаемым в Сербии святым или их изображения в росписях становятся скорее исключением, чем правилом¹.

В данном сообщении мы рассмотрим принципы размещения приделов в сербских храмах следующего периода — эпохи Душана Сильного (1331–1355). В это время Сербия максимально расширяет свои территории и претендует на роль многонациональной Империи, призванной занять место Византийской. В архитектуре и живописи разрабатывается множество новых схем и программ, которые должны были отразить и закрепить имперские амбиции Душана, подчеркнуть роль сербских традиций и соединить их на новом уровне с византийскими.

Очень обширное и разнообразное храмовое строительство этого периода не представляет единой школы или единого направления ни по характеру заказа, ни по типологическим и стилистическим параметрам. В отличие от Рашского периода, когда основным типом храма была монастырская задужбина правителя, в первой половине XIV в. храмы различаются и по назначению (приходские, монастырские, придворные, задужбины-усыпальницы и т. п.), и по социальной принадлежно-

¹ Подробно эта проблематика рассмотрена в статье: *Мальцева С.В.* Приделы в сербских храмах XIII — первой половины XIV в. (в печати).

сти заказчика. При Душане помимо царя и церковных иерархов в качестве заказчиков начинают активно выступать представители аристократии. Другим существенным отличием строительства первой половины XIV в. являются частые перестройки старых, а не только возведение новых храмов.

При Душане приделы не были обязательным элементом храмового комплекса и главным средством выражения идеологических концепций (эту функцию на себя берет, в основном, монументальная живопись). В крупных постройках, заново возведенных по заказу императора или патриарха, в тех случаях, когда приделы имеются, они размещаются с востока и имеют посвящения, общие для всех стран византийского круга (Дечаны, Матейч, храмы Печской патриархии, церковь свв. Архангелов под Призреном). Таким образом, и в принципах размещения, и в посвящениях приделов здесь продолжается линия, идущая от эпохи краля Милутина.

Большой интерес представляют те случаи, когда по инициативе императора или патриарха к уже существующим храмам пристраиваются приделы. Способы размещения этих приделов могут быть различными, в зависимости от конфигурации постройки (Сопочаны, Тресковац, церковь св. Николая Больничного в Охриде и др.). Почти всегда в росписях этих приделов так или иначе фигурируют темы, связанные с имперской идеологией Душана.

Однако наиболее интересные варианты в размещении и назначении приделов встречаются в тех храмах, которые возводились или перестраивались представителями сербской аристократии, получившими от Душана новые земли в недавно присоединенных областях. Перестройки старых храмов, как правило, заключались в добавлении приделов, связанных с захоронениями; такие приделы устраивались и в новых храмах. В распределении приделов, чаще всего размещенных с запада, прослеживается стремление вернуться к рашской традиции (церкви Спаса в Кучевиште, св. Герогия в Горнем Козяке, свв. Архангелов в Штипе, притвор Дечанского храма). Нередко в росписях этих приделов появляются изображения семей ктиторов рядом с императорской семьей. Связь приделов с погребениями, родовыми культами, ктитурской темой и рашской традицией, очевидно, была обусловлена стремлением придворной аристократии закрепить свое право на власть на новых землях. В свою очередь, это право базировалось на системе иерархических отношений, во главе которых стоял император. Отсюда — новые иконографические схемы, соединяющие сербские национальные и имперские темы.

Подобная логика в распределении и назначении приделов присутствует и в следующие десятилетия, в критической ситуации распада империи Душана, когда феодальная знать стремится определить и закрепить свой статус, в том числе с помощью архитектуры и монументальной живописи. Полагаем, что необходимость выделения в пространстве храма особых зон, связанных с традиционными сербскими культами, можно рассматривать в качестве одной из причин сложения в этот период нового типа храма — триконха, ставшего основным в архитектуре Моравского периода.

Итак, в сербской архитектуре имперского периода приделы не являются главным средством воплощения идеологических концепций. Их использование оказывается тесно связано с типом заказа. В распределении и назначении приделов можно выявить конкретную логику в тех постройках, которые связаны с аристократическим заказом. В таких случаях приделы вновь оказываются связаны с ктиторскими культами и традициями рашского периода, что является средством выражения определенной политической ориентации с акцентированием национальной специфики.

Е.И. Мирошниченко

Новосибирская Православная Духовная семинария

Византийская концепция образа: проблемы изучения

Понятие образа есть одно из главнейших понятий любой культурной общности. Оно структурирует религиозные, социальные, политические, художественные и моральные представления людей. Византийская культура, рассмотренная через призму понятия образа, предстает в особенном свете. Понятие образа дает нам возможность обнаружить связи между различными областями деятельности византийцев, что в свою очередь может привести к более целостному взгляду на византийскую культуру.

Византийская концепция образа стала предметом исследования специалистов только в 10–20-е гг. XX в., в контексте исследования византийского иконоборчества (работы Коха, Острогорского и др.). Уже тогда наметилась философская сторона вопроса, почему о византийской концепции образа с тех пор и стали говорить как о проблеме византийской философии, что оказалось не совсем разумным, поскольку понятие образа явилось основополагающим не только для философских идей.

В середине XX в. происходит всплеск работ по иконоборческой и

иконологической проблематике (работы Эрвина Панофски, Александра Крузеля, Флоровского, Китцингера, Ладнера, Грабара и др.). Происходит переосмысление сущности и особенностей византийской концепции образа, ее формирования и влияния не только на богословие и философию, но и на идеологию, социальную мысль, на искусство и на мировоззрение византийцев в целом.

Наконец, во второй половине XX в. тема византийской концепции образа окончательно выделяется из своего иконоборческого контекста. При этом, если историки еще остаются в рамках истории идей при анализе византийской теории образа (С. Геро), то философы и богословы, наоборот, стремятся к более целостному осмыслению проблемы и к выделению темы византийской концепции образа в отдельную область византиноведческих исследований (см. основополагающую в этом смысле работу Кристофа Шёнборна «Икона Христа»). Впрочем, процесс оформления темы «византийская концепция образа» еще не завершен и работа, которая подводила бы итоги вековой научно-исследовательской работе, еще не написана.

Проблемы, с которыми сталкивается современный исследователь данной проблематики, следующие:

1. **Проблема источниковедческая.** Грубо говоря, источниковедческое поле в рамках данной темы практически не имеет предела. Именно объем источников вызывает законное стремление к специализированным исследованиям с четко очерченными источниковедческими границами (например, «понятие образа в оригенизме» или «образ императора в ранневизантийской культуре»). Но такие специализированные исследования не могут представить целостную картину. В результате исследователь находится перед выбором: глубина исследования в ущерб широте, либо широта исследования в ущерб глубине.

Кроме того, к источникам по византийской теории образа относятся археологические материалы (иконы, храмы, книги и иллюстрации к ним), что требует особого рода синтетического историко-искусствоведческого анализа, примеры которого можно найти в работах Ханса Зедльмайра и Эрвина Панофски. С этим связана вторая проблема.

2. **Проблема методологическая.** Сегодня существует большое разнообразие методов исследования исторических материалов. Однако, проблема образа требует совершенно специфического метода, метода, который органично сочетал бы в себе элементы историко-философского, искусствоведческого и филологического анализа. Так, например, понимание смысла иконы, на которой изображен Христос и византийский

василевс, должно быть дополнено пониманием как исторического контекста, диахронии и синхронии, так и пониманием богословским. Вне такого рода цельности понимания, любые исследовательские выводы будут отличаться заведомой неполнотой.

3. Проблема понятия «образа» в византийской культуре. Эта проблема прямо вытекает из предыдущей, и, в то же время, от ее решения зависит, какого рода метод исследования мы будем использовать. Образ есть не просто представление среднего византийца о Боге, мире и человеке. Это есть культуруобразующая категория человеческого сознания. Образ существует на нескольких уровнях ментальности и рационального сознания, мышления. Соответствия и несоответствия между философским (эйдос) и богословским (эйкон) пониманиями образа с одной стороны и существованием образа в народной культуре (икона, образ мира, стереотипический образ) с другой стороны порождает такие специфические явления позднеантичной и византийской культуры как неоплатонизм, гностицизм, антропоморфитские споры, иконоборчество и иконопочитание и др. Поэтому перед обобщающими работами по византийской теории образа необходимо отдельно исследовать углубленно такие темы, как «понятия высокого византийского богословия в народной культуре», «соотношение философской и богословской терминологии в области иконологии», «история византийской иконы», «византийское искусство в связи с византийским богословием» и пр.

Таким образом, византийская теория образа является одной из малоисследованных тем византийской истории. Она включает в себя культурные, социальные, политические, философские и богословские аспекты. Поэтому изучение этой темы позволит глубже понять цельность и своеобразие византийской цивилизации.

А.С. Мохов

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

Высший командный состав византийской армии в XI в.: стратилаты Востока и Запада*

Во второй пол. X — нач. XI в. в Византии была проведена серия военных преобразований, которые затронули как систему комплектования вооруженных сил, так и организационную структуру императорской армии. В частности, происходят изменения в высшем командном составе

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

византийских войск. Появляются новые должности: domestikoi схол Востока и Запада, стратопедархи Востока и Запада, стратилат. Доместикам схол и стратопедархам в историографии уделено достаточно большое внимание, тогда как о стратилатах известно немного. Настоящее сообщение посвящено рассмотрению ряда вопросов, связанных с возникновением и историей данной военной должности в конце X–XI вв.

Стратилаты упоминаются в источниках, начиная с VI–V вв. до н. э. Первоначально этот термин обозначал военачальника, руководившего войском, расположенном в лагере. В эллинистическое время стратилатами называли командиров отдельных армий или главнокомандующих военными силами государств. Необходимо отметить, что для этого периода различие между значением терминов стратилат и стратиг практически отсутствует. В поздней Римской империи должность стратилата являлась греческим эквивалентом латинского *magister militum*. Оба термина могли обозначать либо командира большой армии, либо военачальника, руководившего всеми вооруженными формированиями на определенной территории (стратилат Востока, стратилат Иллирика, стратилат Фракии). В начале IV в. появляются также стратилаты конницы и пехоты, т. е. командующие соответствующими родами войск¹.

С середины VI в. стратилаты, как военачальники высшего ранга, в источниках не упоминаются. Отныне этим термином обозначались средние и младшие командиры: коменданты крепостей или предводители небольших воинских контингентов. В некоторых провинциях (Египет, Сицилия, Каппадокия) стратилатами называли гражданских должностных лиц — судей или чиновников налогового ведомства. В VII в. появляется также титул стратилата, который относился к придворным чинам низкого ранга. Опубликовано значительное число печатей стратилатов VII–IX вв. Последний раз этот титул упоминается в «Клеторологии» Филофея (899 г.).

Со второй половины IX в. стратилаты вновь упоминаются в источниках как военачальники высокого ранга. Однако авторы исторических хроник зачастую называют стратилатами domestikoi схол, стратигов-автократоров или стратигов фем, т. е. термин используется для обозначения любой высшей командной должности.

В результате военных реформ второй половины X в. в руководящем составе византийских войск должность стратилата появляется вновь.

¹См. *Durlat J. Magister militum — Στρατηλάτης dans l'Empire byzantin (VIe–VIIe siècles) // BZ. 1979. Bd. 72. P. 306–320.*

Впервые она упоминается в «Эскуриальском тактиконе» (971–975 гг.)². Необходимо отметить, что по рангу стратилат превосходил командиров столичных тагм и дук (катепанов) крупных пограничных провинций. В историографии сложилось мнение, что стратилат (доместик стратилатов) являлся командиром тагмы стратилатов, нового элитного формирования византийской армии³. Из командиров этой тагмы в XI в. известны анфипат Михаил Вурца и патрикий Иоанн Халд. Последнее упоминание тагмы стратилатов относится к 1068/1069 г. (поход Романа IV Диогена против Халеба).

В середине — второй пол. XI в. в источниках упоминаются стратилаты Востока и Запада. Всего известно пять военачальников, занимавших данные посты. Первым из стратилатов Востока, по всей видимости, следует считать патрикия Катакалона Кекавмена, который командовал восточными тагмами, отправленными в 1049 г. из Закавказья против печенегов⁴. По данным сфрагистики известны: магистр, вест и стратилат Востока Эрве Франгопол (60-е гг. XI в.)⁵, а также магистр и стратилат Востока Никифор Мусараф (третья четверть XI в.)⁶.

Из стратилатов Запада следует упомянуть Василия Тарханиота (1057 г.), который командовал македонскими тагмами в войске Михаила VI во время мятежа Исаака Комнина⁷ и патрикия, ипата Вриенния Ватаца (40–50-е гг. XI в.)⁸. Возможно, стратилатом Запада был также проедр Самуил Алусиан. В 1068–1069 г. он командовал пятью западными тагмами, отправленными Романом Диогеном против поднявшего мятеж Роберта Криспина⁹.

Подводя итоги, отметим, что стратилаты Востока (Запада) коман-

²*Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. P. 263.27 (ὁ στρατηλάτης — стратилат), 273.22 (ὁ τοποτηρητής τοῦ στρατηλάτου — топотирит стратилатов), 332.

³См. *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe–XIe siècles // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1960. Vol. 84. P. 28, 56–58; *Kühn H.-J.* Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. S. 247–249.

⁴*Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum* / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 467.4–5.

⁵*Braunlin M., Nesbitt J.* Selections from a private collection of Byzantine bullae // *Byz.* 1998. T. 68. P. 170–171, no. 12.

⁶*Wassiliou A.-K., Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien, 2004. S. 360, Nr. 137.

⁷*Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 494.36.

⁸Его буллотирий был найден в 1927 г. в окрестностях Преслава, Болгария. См. *Jordanov I.* Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1: The Byzantine Seals with Geographical Names. Sofia, 2003. P. 81–82, no. 26.9.

⁹*Michaelis Attaliotae Historia* / Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1853. P. 122.21–123.11.

довали значительными силами регулярных войск. Зачастую эти армии действовали за сотни километров от мест своей обычной дислокации: македонские тагмы в Каппадокии или Пафлагонии (Самуил Алусиан, Василий Тарханиот), а восточные тагмы — в Болгарии (Катакалон Кекавмен). По всей видимости, должности стратилатов Востока (Запада) имели временный и экстраординарный характер. Вопрос о том, являлся ли стратилат Востока (Запада) одновременно командиром тагмы стратилатов и сколько было таких тагм во второй половине XI в., пока остается нерешенным.

В.Е. Науменко

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь)*

Таврика в контексте русско-византийских отношений X в.: историко-археологический комментарий

Русско-византийские отношения во многом определяли политическую историю Таврики в X в., особенно в середине — второй пол. этого столетия. До недавнего времени весь комплекс вопросов, связанных с ними, традиционно решался, главным образом, на основе анализа письменных источников. На сегодняшний день такой подход уже не может удовлетворять. Во-первых, в последние годы в научный оборот введен значительный фонд сфрагистических материалов, после чего стало возможным предметное изучение собственно административного устройства этой отдаленной провинции Византии. Во-вторых, в историографии отмечен рост публикаций результатов раскопок крупных городских центров полуострова и появление первых попыток систематизации наших знаний об археологических памятниках этого времени, хотя бы в пределах отдельных историко-географических зон. В настоящем сообщении мы попытаемся показать, прежде всего, важность комплексного анализа источников при изучении определенной исторической проблемы, а также возможности археологических материалов, которые не только, как часто полагают, просто иллюстрируют нарративные свидетельства, но и могут существенно скорректировать наши представления о хронологии, масштабе и характере происходивших в регионе событий.

Напомним, что в древнерусских источниках Таврика в контексте русско-византийских взаимоотношений X в. упоминается несколько раз. Во-первых, при описании статуса «Корсунской страны» в специальной статье договора 944 г., в которой подчеркивается ее византийская

принадлежность и запрет русским вести здесь военные действия. Очевидно, что территориально «Корсунская страна» совпадает или очень близка географически области Климатов в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, то есть она охватывала горные и прибрежные районы полуострова между Херсоном и Боспором. Во-вторых, в договоре 971 г., где «Корсунская страна и тамошние города» имеют тот же статус, вновь говорится о постоянной военной угрозе со стороны древнерусских правителей. В-третьих, в летописной статье, посвященной описанию взятия Херсона князем Владимиром в конце 80-х гг. X в. Сопоставление этих сведений с данными византийских «Тактиконов» и материалами сфрагистики, а также результатами археологических исследований крупных городских центров Таврики и Таманского полуострова позволяет заключить, что театр военно-политического противостояния Древней Руси и Византии во второй половине X в. не был ограничен Херсоном, столицей византийской провинции. Слои пожаров этого времени, скорее всего, синхронные между собой, выявлены во время раскопок Алустона, Сугдеи, Боспора, Таматархи. В Алустоне и Сугдее археологические комплексы находок датированы монетами Константина VII Багрянородного выпуска 945–959 гг. и Никифора II Фоки (963–969). Таким образом, есть все основания полагать, что разрушения 60–80-х гг. X в. являются следствием походов русских дружин, не нашедших отражения в письменных источниках. Апогеем укрепления русского присутствия в регионе становится учреждение в правление князя Владимира Тмутараканского княжества на азиатской стороне Боспора.

Византия чутко реагировала на обострение политической обстановки в Северном Причерноморье, стараясь сохранить всеми доступными ей средствами свое реальное присутствие в регионе. На месте разрушенных кварталов Боспора, Сугдеи и Алустона появляется новый ярус застройки, культурный слой которой насыщен массовым археологическим материалом, прежде всего, византийского происхождения. Главное же наблюдение, следующее из анализа источников, заключается в том, что с конца X в. идет процесс реформирования системы административного управления византийской провинции в Таврике. Из фемы Херсон выделяются две небольшие фемы — Боспор, впервые упомянутая в Эскуриальском Тактиконе (70-е гг. X в.), и Сугдея, печати стратигот которой датируются первой половиной XI в. В конце X в. особым подразделением Херсонской фемы становится турмархия Готия. На территории Мангупского городища, резиденции готского турмарха, производятся работы по укреплению оборонительной системы крепости. Об

этом свидетельствует, прежде всего, надпись 994–995 гг. с именем тополита Цулы.

Таким образом, на смену единой фемы, включавшей прежде под управлением одного стратига разбросанные горные и прибрежные области византийской Таврики, приходит иная система территориального управления, основанная на сосуществовании на полуострове нескольких самостоятельных административных единиц, подчиненных Константинополю. Очевидно, в представлении византийцев, эта система должна была более эффективно реагировать на укрепление русских позиций в регионе. Вероятно, так и было, по крайней мере, до середины XI в. Не позднее 1059 г. фемы Сутдеи и Херсона были объединены. Приблизительно в это же время завершается краткая история турмархии Готии, что следует из значительной катастрофы, приведшей к запустению Мангупского городища. В 1068 г. тмутараканский князь Глеб измерял ширину Керченского пролива, из чего понятна принадлежность Боспора древнерусскому княжеству.

В заключение, еще раз отметим, что представленная в работе корреляция данных нарративных и археологических источников для решения одной из ключевых проблем в истории Таврики X в. открыта для обсуждения. Мы лишь пытались показать, что хорошо стратифицированные археологические материалы не просто дополняют или иллюстрируют заключения, сделанные в ходе анализа нарративных источников, но и могут в отдельных случаях их корректировать.

М.М. Никитенко

Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник (Киев)

«Слово» Киево-Печерского патерика о прп. Евстратии Постнике в контексте средневековой нумерологии

«Слово» о прп. Евстратии Постнике, содержащееся в Киево-Печерском Патерике, неоднократно привлекало к себе внимание исследователей, отмечавших высокую степень правдоподобности его как исторического источника¹.

¹Розанов С.П. К вопросу о житии преподобного Антония Печерского // ИОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 42–44; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 765–766; Литаврин Г.Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 478–495; Богданова Н.М. Херсон X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 61–62.

Г.Г. Литаврин считал, что «Слово» было написано во второй пол. XII в. и является уникальным памятником древнерусской литературы, в котором автор объединил две письменные традиции: древнерусскую и греческую (херсонесскую)². К памятникам XII в. относил «Слово» и К. Калайдович³. Как источник, проливающий свет на реалии русско-византийских отношений в кон. XI — нач. XII вв. рассматривает слово Н.М. Богданова⁴.

В последнее время «Слово» о прп. Евстратии было рассмотрено в контексте средневековой нумерологии В.Н. Кириллиным, отметившим особую роль чисел, благодаря которым в рассказе о прп. Евстратии открывается «...действительный, пронизанный светом высшей истины смысл описываемого события, герой которого интерпретирован как мученик, подвигом своим достигший подобия Сыну Божию»⁵.

В целом разделяя точку зрения В.Н. Кириллина, все же уточним значение чисел, фигурирующих в данном «Слове». Подобное уточнение возможно за счет выводов, полученных нами в результате исследования числовой символики, воплощенной в сакральном пространстве Великой Печерской церкви⁶. Можно сказать, что «расшифровка» числовой информации, содержащейся в данном патериковом «Слове», позволяет подойти к пониманию всей нумерологической системы Киево-Печерского патерика.

Согласно «Слову» о создании Печерской церкви в основание храма были положены числа «20», «30» и «50», которыми обозначалась ширина, длина и высота здания. В процессе сложения этих параметров уподоблявшемуся литургическому движению в алтаре храма — с запада на восток и с севера на юг (что соотносилось с движением от пола до зенита купола), образовывались новые числа, являвшие собой разные образы-парадигмы. Наиболее ярко воплощен был образ-парадигма Небесного Иерусалима, явленного числами «100» и «12». Еще один образ-парадигма, послуживший идейной основой сакрального пространства Великой Печерской церкви — это «Лестница Небесная»,

²Литаврин Г.Г. Указ соч. С. 478–495.

³Памятники Российской словесности XII в., изданные К. Калайдовичем. М., 1821. С. 249.

⁴Богданова Н.М. Указ. соч. С. 61–62.

⁵Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 153.

⁶Нікітенко М.М. Семантика архітектурно-художнього образу Великої Печерської церкви // Лаврський альманах. Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Збірник праць. Вип. 20. К., 2008. С. 101–119.

символизировавшая восхождение души к совершенству и эсхатологический путь Церкви к своему исполнению в Царстве Небесном. Образ «Лестницы Небесной» в сакральном пространстве Успенского храма был явлен числами «3», «4», «7», «10» и «15»⁷.

Учитывая эти основные нумерологические аспекты патерикового «Слова» о создании Успенского собора, мы попробовали прочесть числовую информацию, введенную в «Слово» о прп. Евстратии Постнике. Очевидно то, что числа «3», «4», «7» и «10», которыми в «Слове» обозначено количество дней страдания мучеников, символизируют «Лестницу Небесную» духовного восхождения святых, а также воплощают эсхатологическую идею исполнения Церкви. Числа «20», «30» и «50», обозначающие количество мучеников, акцентируют тему Небесного Иерусалима, куда праведники попадают путем восхождения «Лестницей Небесной» духовного подвига. Кроме того, число «10», обозначающее наиболее стойких святых, соотносит их с Христом, поскольку согласно средневековым авторам это число, соответствующее букве «Ι» (йота) греческого алфавита, является символом Спасителя и означает Его имя — Иисус «Ἰησοῦς», начинающееся с буквы «Ι»⁸.

Интерес в данном ключе представляет прозвище прп. Евстратия — Протостратор, данное ему после смерти. Протостратор в XI–XII вв. — одна из высших военных и придворных должностей в Византии. Обращали внимание на слово «Протостратор» С.П. Розанов⁹ и Г.Г. Литаврин¹⁰. Согласно этим исследователям, должность Протостратора была очень высокой и почетной, она соответствовала начальнику «стражи колесниц». Функции Протостратора состояли в охране особы императора и транспортировке оружия и провианта для армии, т. е. в обязанностях конюшего. Таким образом, как считают исследователи, прозвище прп. Евстратия Протостратор происходит от того, что он был вознесен на небо на колеснице.

Мы, в свою очередь, предполагаем, что именно имя прп. Евстратия послужило причиной его прозвища «Протостратор». Понятно, что русский раб не мог занимать должность одного из высших военных и придворных чинов. Скорее всего, прозвище святого ставит акцент на

⁷Там же. С. 115–117.

⁸Климент Александрийский. Строматы. Кн. 6. (84.1). *Bede. On the Temple / Trans. with notes by Sean Connolly with introduction by Jennifer O'Reilly // Translated Texts for Historians. Vol. 21. Liverpool. P. 75.*

⁹Розанов С.П. Указ. соч. С. 39–40.

¹⁰Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 482.

сущности его духовного подвига. Действительно, имя Евстратий (Εὐστράτιος) означает не просто «хороший воин», а, дословно — «благый солдат», что можно понимать как «солдат Божий», «воин Христов». Слово же «Прωτοστράτωρ» происходит от словосочетания «πρῶτος στρατιώτης» («первый солдат» или «великий солдат» — «великий воин»), то есть полководец.

Как думается, такое своеобразное обыгрывание имени прп. Евстратия было сделано автором «Слова» абсолютно сознательно с учетом нумерологического аспекта. Имя святого (Εὐστράτιος) состоит из 10 букв, что уподобляет мученика Христу. Прозвище Прωτοστράτωρ состоит из 12 букв, что в контексте сказания может означать духовную победу святого и достижения им Небесного Иерусалима. Вспомним, что Евстратия в Херсонесе называли «добрым небесного града гражданином», то есть гражданином Небесного Иерусалима. Симптоматично, что в числовом эквиваленте слово Прωτοστράτωρ составляет число «10» ($80 + 100 + 800 + 300 + 70 + 200 + 300 + 100 + 1 + 300 + 800 + 100 = 3151 = 3 + 1 + 5 + 1 = 10$), то есть, опять-таки, уподобляет прп. Евстратия Христу. Очевидно, слово Прωτοστράτωρ не отображает реалий жизни прп. Евстратия в Херсонесе, а имеет чисто символический подтекст: оно уподобляет святого Христу-Победителю и духовному полководцу, возглавившему сонм мучеников — «воинов Христовых» и достигшему Небесного Иерусалима.

Н.Н. Никитенко, В.В. Корниенко

Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник (Киев)

**Святая Варвара в стенописи Софии Киевской:
новые исследования граффити,
атрибуция и святокультовый статус образа**

Для исследования иконографической программы росписей Софии Киевской серьезной помехой является сложность атрибуции индивидуальных фресковых образов, поскольку сопроводительные надписи-дипинты сохранили не больше двух десятков. Существенную помощь для решения проблемы могут оказать надписи-граффити, содержащие имена святых. Систематические и планомерные исследования эпиграфики Софии Киевской выявили значительное количество новых надписей, позволивших атрибутировать ряд фресковых однофигурных образов святых. В этой статье мы сосредоточим свое внимание на образе св. вмч. Варвары Илиопольской. Мы остановились на этом образе еще

и потому, что хотя ее мощи на протяжении веков являются великой святыней Киева, ученые ведут длительную дискуссию относительно времени укоренения здесь ее культа.

Фреска на западной стороне западной лопатки третьего от алтаря северного крестчатого столба (от центрального нефа) сначала по своей иконографии была атрибутирована И.А. Головань как образ св. вмч. Варвары. Предложенная атрибуция, которая казалась убедительной, вошла в путеводитель по Софийскому заповеднику (авторы В.Н. Ачкасова и И.Ф. Тоцкая), не вызвала сомнений такая атрибуция и у нас (Н.Н. Никитенко), ее с полным убеждением приняли также Н.В. Герасименко, А.В. Захарова и В.Д. Сарабьянов, которые указывают также на наличие «отлипов трех древних букв ВАР». Исследование поверхности фрески в месте возможного расположения этих «отлипов» не подтвердило приведенной информации, но позволило обнаружить в этом месте граффити XII–XIII вв. с именем святой: Агафья. Этот образ наиболее вероятным будет определить как св. мч. Агафью Палермскую (Катанскую).

Святая же Варвара изображена на более почетном месте, а именно — в центральном нефе, на южной стороне южной лопатки третьего от алтаря северного крестчатого столба. На фреске обнаружены три надписи XII–XIII вв., которые содержат имя святой: Варвара. В Софии Киевской акцентируется мученическая ипостась св. Варвары, которая променяла знатность и богатство на крестный путь христианской подвижницы.

Образ этот тесно связан с Киевом, поскольку мощи св. Варвары находились в Михайловском Златоверхом монастыре, ныне они находятся в киевском кафедральном Свято-Владимирском соборе. Согласно монастырскому преданию, мощи св. Варвары были присланы греческим царем в дар киевскому князю Михаилу-Святополку Изяславичу. Со временем эта информация вошла в описание истории честных мощей св. вмч. Варвары св. Дмитрия Ростовского. Св. Дмитрий сообщает, что мощи привезены в Киев дочерью византийского императора Алексея I Комнина Варварой, ставшей женой киевского князя Святополка Изяславича.

Архидьякон Павел Алеппский в сер. XVII в. писал, что мощи св. Варвары были присланы Владимиру Святославичу императором Василием Македонянином вместе со своей сестрой, которая стала женой киевского князя. Павел Алеппский, бесспорно, имеет в виду Василия II, родного брата принцессы Анны. Нам неизвестно, откуда Павел Алеппский почерпнул эту информацию, однако ясно, что добросовестный писатель ее не выдумал, а опирался на какой-то авторитетный для него источник.

Разногласие известий относительно обстоятельств появления мо-

щей в Киеве, а также отсутствие письменных свидетельств, кроме информации Дмитрия Ростовского породили сомнения в возможности появления мощей св. Варвары в Киеве в XII в. Активизация ее культа в конце XVI — в XVII и XVIII вв. обусловила отнесение времени появления мощей Варвары в Киеве к послемонгольскому периоду жизни Киева. При этом информация Павла Алеппского была проигнорирована. Атрибуция фрески с образом св. Варвары в Софии Киевской и особенности оформления этого сюжета заставляют отнестись к сообщению серьезно.

В нижней части фрески изображен большой четырехконечный драгоценный крест, а над ним — величественный образ св. вмч. Варвары. Со времен раннего христианства существовала традиция вкладывания святых мощей в фундаменты, стены и своды храмов во время их сооружения. Такие места сознательно выделялись, например, вмонтированными или врезанными крестами, или же самими их изображениями.

Принимая во внимание сообщение Павла Алеппского и учитывая факт сакрального «усиления» ее образа в Софии Киевской изображением большого драгоценного креста, можем предположить, что частица привезенных царевной Анной мощей была вложена во время сооружения собора в его фундамент или в толщу крестчатого столба, и это место было обозначено фреской с изображением св. Варвары. Скорее всего, мощи или, как это практиковалось византийской Церковью, их частицы, были переданы как свадебный дар князю Владимиру.

Мы не берем на себя смелость утверждать, что свадебным даром Владимиру были именно те мощи, которые стали святыней Михайловского монастыря. Согласно монастырскому преданию, во время нашествия Батыя мощи Варвары были скрыты в тайнике «под спудом» Михайловского собора и вновь обнаружены уже в послемонгольское время. Таким образом, в Киеве почитаются эти, найденные «под спудом» собора мощи, и неизвестно, идентичны ли они древним мощам св. Варвары. По нашему мнению, едва ли, ведь Павел Алеппский, говоря об этих мощах, пишет о теле молодой девушки, которое полностью сохранилось. А в 1200 г. мощам Варвары поклонялся в константинопольской церкви ее имени русский паломник Добрыня Ядрейкович, который позднее стал Новгородским архиепископом Антонием.

Тем не менее, позиция противников достоверности факта появления мощей Варвары на Руси в домонгольский период опровергается результатами исследований в Софии Киевской, роспись которой отобразила почитание реликвии, которая реально содержалась в храме.

Примечательно, что как раз напротив св. Варвары, с противоположной стороны тройной аркады, изображена св. мученица, причем в таком же иконографическом решении, что и св. Варвара. По нашему мнению, «зеркальный» Варваре идентичный образ можно с большой вероятностью атрибутировать как св. мученицу Иулианию Илиопольскую, память которой праздновалась вместе с Варварой. Образ Иулиании, как и Варвары, также выделен большим крестом-«пьедесталом». Варвара и Иулиания изображены как мученицы, т. е. с акцентированием внимания на теме христианского подвижничества. Кроме того, они фигурируют в главной западной аркаде, через которую осуществлялся церемониальный вход в храм. Аркада-трифорий, в которой представлены знатные святые жены, мощи которых каждый раз освящали торжественный княжеский вход к храму Святой Софии, — это универсальный символ триумфального входа, в данном случае — входа Руси в Церковь Христову, и именно эта идея лежит в основе замысла княжеского портрета. Поэтому мы считаем, что культ святой Варвары в раннехристианском Киеве имел реликварный статус, следовательно, был одним из главных киевских культов.

О.В. Овчарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

История изучения фресок Нерези (стилистический аспект)

Первая фиксация памятника в научной литературе является заслугой А. Эванса (1885), который отметил высокое качество росписей и определил личность ктитора: им оказался внук императора Алексея I, сын его младшей дочери Феодоры и Константина Ангела, Алексей Комнин-Ангел. Убедительные аргументы в пользу такой идентификации, а не ошибочной версии Н.П. Кондакова (1909) и И. Снегарова (1924), попытавшихся приписать нерезский ансамбль внебрачному сыну Мануила I, привели Й. Иванов и (1931) и Г. Острогорский (1936).

Основной объем церкви был заново расписан в 1885 г. Первоначальные фрески в алтаре и угловых компартиментах привлекли внимание П.Н. Милюкова (1899). Надо было, однако, ждать появления в Македонии такого специалиста как Н. Окунев (1920-е гг.) для того, чтобы нерезские фрески по-настоящему вошли в историю византийского искусства. Этот ученый не только приступил к высвобождению памятника из-под позднейшей записи, но и активно распространял информацию о своих

открытиях среди коллег. Некоторых из них, он даже привлек к раскрытию композиций в наосе.

Как и сам Н. Окунев, его ученые современники были в первую очередь привлечены такими чертами нерезских фресок, как эмоциональность, драматизм и экспрессия. Расценив их как признаки «реалистической» тенденции, они увидели в ней предвосхищение палеологовского искусства и даже итальянского Ренессанса. Причем если Н. Окунев стремился подчеркнуть приоритет Византии перед Западом, то такой автор, как Г. Милле (1940), был заинтересован в выявлении различных направлений в рамках самого византийского искусства. Одно из них, западно-балканское, было связано с восточно-христианской традицией и развивало ее «реалистические» тенденции, позже воспринятые итальянскими мастерами. Другое направление, константинопольское, напротив, восходило к искусству классической Греции и потому отличалось преимущественно идеалистическим характером.

Публикация значительной части фресок (1954) не могла не способствовать сложению и распространению более объективного представления об ансамбле Нерези. Показательным образом эволюционировали, в частности, взгляды В.Н. Лазарева. Если поначалу он полагал, что для Нерези характерна «необычайная живописность исполнения, базирующаяся на широких, свободных мазках» (1947), то позднее он подчеркнул, что подобная манера, хотя и наблюдается в ансамбле, но не столь для него типична, как линейный способ передачи формы.

В более ранний период столь взвешенный, объективный подход демонстрировал лишь Ф. Месеснел (1929), который уже тогда заметил, что манера письма в Нерези менее широкая, чем в Нередице и характеризуется активным применением штриховки в моделировке ликов и линейностью в передаче фигуры в целом. Кроме того, отдавая должное «реалистическим» тенденциям, этот автор настаивал на том, что в основе своей нерезский ансамбль является продуктом идеалистического мировоззрения.

Представление о месте Нерези в общей истории византийского искусства существенно прояснилось благодаря работе О. Демуса (1949). Если первые исследователи имели тенденцию ставить этот памятник в непосредственную связь с искусством палеологовского периода, то Демус показал, что жизненный цикл зародившегося в Нерези стиля не выходит за рамки XII в.

Концепция О. Демуса встретила с неприятием В.Н. Лазарева (1960), но была воспринята большинством других, как зарубежных, так

и отечественных исследователей. Уточняясь и развиваясь по мере публикации новых памятников, она по существу осталась прежней и не утратила значения. Впрочем, в работах, опубликованных после 1949 г., главными характеристиками нерезского стиля признаются уже не световые блики и пробела, а общая динамика художественного строя и коллизии между вновь набирающим силу рельефом и по-прежнему мощной линейностью. Впоследствии О.С. Попова (1978) вновь выдвинула свет в качестве главного элемента всей художественной системы Нерези и других памятников этого типа. Подобно В.Н. Лазареву, О.С. Попова подчеркивает спиритуалистический, строгий характер нерезского стиля и не замалчивает его эмоциональности. Максимального своего развития данная тенденция достигает в таких памятниках, как фрески Джурджеви Ступови и Старой Ладogi. Параллельно развивается другое направление, также берущее начало в Нерези и характеризующееся как такое искусство, где «невозможно не увидеть блеск, красоту, даже триумф всего дольного, жизненного, человеческого, глубину людских эмоций, тонкость психологии, силу душевных страстей и где все это освещено религиозным озарением и даже экстазом» (Попова 1997).

Вообще представление о том, что в Нерези как на уровне стилистики, так и в образном содержании находят соединение как минимум две различные тенденции, преобладает в литературе. Выделяется, однако, позиция В.Н. Лазарева и В. Джурича (1974, 1979). То, как по-разному видят стиль Нерези сербский и русский исследователи, несмотря на полное их совпадение в оценке этого памятника как произведения сугубо спиритуалистического, на наш взгляд, чрезвычайно показательны. Хотя и контрастные, их характеристики отнюдь не исключают друг друга. Каждый автор высвечивает какой-то один, но в действительности присутствующий памятнику аспект. Тем самым подтверждается точка зрения тех специалистов, которые трактуют фрески Нерези как целостное, «стильное», но притом многосоставное художественное явление, объединяющее в себе сразу несколько разных тенденций.

В заключение отметим, что единственная на сегодняшний день монография о церкви в Нерези [Синкевич 2000] в большей степени касается иконографии, нежели художественных особенностей памятника и никак не углубляет ранее сформированные представления о его образном строе и стилистике. Подробные описания нерезских композиций можно найти в статьях Ф. Месеснела, М. Райкович (1955), а также в книге Р. Хаманн-Мак Леана (1976).

И.А. Орецкая

Государственный институт искусствознания (Москва)

К вопросу о византийских рукописных центрах конца XI в. на примере иллюстрированных рукописей литургических гомилий Григория Назианзина

Большинство иллюстрированных рукописей шестнадцати литургических гомилий Григория Назианзина были созданы во второй половине XI — начале XII в. Почти все они — за исключением Vat. gr. 463 — не датированы. А.-М. Бруни в своей диссертации¹ справедливо отнес большинство богато иллюстрированных греческих рукописей этого текста к последней четверти XI в.

Несколько рукописей шестнадцати гомилий Григория Назианзина, созданных в последней четверти XI в., обнаруживают сходства, касающиеся как кодикологии и палеографии, так и иконографии и стиля миниатюр. В манускриптах Син. гр. 61 и BN, gr. 533 похожи расположение текста на странице, почерка, заставки к двум первым гомилиям, иконография некоторых композиций; в обеих есть выходная полностраничная миниатюра. Однако по стилю миниатюр московская рукопись ближе не парижской, а туринской (Biblioteca Nazionale Universitaria di Torino, C.I.6); кроме того, четыре миниатюры в манускриптах из ГИМ и Университетской библиотеки в Турине имеют одинаковую или очень похожую иконографию. Дж. Андерсон предположил, что оба они происходят из одного художественного центра, где позднее, во второй четверти XII в., была украшена миниатюрами великолепная рукопись гомилий Григория Назианзина (Sinai. gr. 339)². Выходная миниатюра московской рукописи обнаруживает стилистическое сходство с полностраничным изображением в начале списка шестнадцати гомилий из монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе (cod. 45).

Курсивное письмо туринских гомилий напоминает почерка, которыми написаны рукописи из Парижской национальной библиотеки Coislin 239 и монастыря Пантелеймона на Афоне cod. 6. Две последние похожи друг на друга не только почерками, но и составом иллюстративных циклов, использованными в миниатюрах иконографиче-

¹Бруни А.-М. *Θεολόγος*. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы // Россия и Христианский Восток. Вып. 6. М.-СПб., 2004. С. 106–108.

²Anderson J.C. The Illustration of Cod. Sinai. Gr. 339 // Art Bulletin. 1979. Vol. 61. N. 2 (June). P. 180.

скими схемами и стилем изображений, т. е., очевидно, восходят к одному прототипу.

Еще несколько богато иллюстрированных списков шестнадцати литургических гомилий Григория (Vat. gr. 1947, Selden. B. 54 и Biblioteca Ambrosiana, G88sup. [gr. 416]) объединяет принадлежность перу одного и того же писца, названного Ф. Д'Аюто «Anonimo C»³, но над созданием их иллюстраций работали разные миниатюристы.

Высокий уровень исполнения миниатюр в большинстве рассматриваемых рукописей, достаточно обильное применение золота в некоторых из них, а также богословская разработанность циклов изображений дают основание полагать, что местом их создания был Константинополь.

Выявленные сходства между рукописями позволяют предположить, что приблизительно с 70-х гг. XI в. в Константинополе существовал по меньшей мере один рукописный центр, заметную часть продукции которого составляли иллюстрированные рукописи шестнадцати литургических гомилий Григория Назианзина. В его рамках осуществлялось гибкое сотрудничество между писцами и художниками.

А.Л. Осипян

Краматорский экономико-гуманитарный институт

Роль армянского купечества в развитии торговли в Причерноморье и Восточном Средиземноморье в конце XIII–XIV вв.

Упадок государств крестоносцев в Восточном Средиземноморье и последствия монгольских завоеваний способствовали изменению торговых путей. Во второй пол. XIII в. генуэзцы и венецианцы все более активно используют северное сухопутное направление шелкового пути, проходившее через Черное море, Крым, устье Дона и владения Золотой Орды. Самое активное участие в транзитной торговле принимало и армянское купечество. В актовых записях генуэзских нотариусов Каффы с апреля 1289 по июнь 1290 г. упомянуты 3 случая фрахта армянскими купцами генуэзских кораблей в Каффе для доставки больших партий пшеницы, проса, соли и прочих товаров из Крыма в Трапезунд¹. Крым-

³D'Aiuto F. Su alcuni copisti di codici miniati mediobizantini 2 // 'Οπώρα. Studi in onore di mgr Paul Canart per il LXX compleanno / A cura di S. Lucà e L. Perria. Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata. 1999. Vol. 53. P. 120–140.

¹Balard M. Gènes et l'Outre-Mer. T. 1. Paris, 1973. P. 68, 109, 233–234.

ские армяне не только арендовали корабли у итальянцев, но и заключали с ними разнообразные сделки². Итальянские купцы Петр де Бобио и Якоб де Бобио в это же время закупали у армянских дубильщиков большие партии бычьих кож, выдавая авансовые суммы и получая гарантии поставки товара через год или на Пасху 1291 г. В качестве залога семья армянских дубильщиков дает свой дом, а армянин Таркокша и его супруга Мина — своего сына³.

Со временем крымские армяне начинают более активно осваивать Северное Причерноморье и Приазовье. Так, в сохранившихся источниках 1340-х и 1360-х годов отражена их деятельность в устье Дуная (Килия и Ликостомо), Днестра (Аккерман) и Дона (Тана/Азак)⁴. Именно по этим крупным рекам купцы из Причерноморья отправлялись вглубь Восточной Европы для закупки зерна, воска и мехов, или же непосредственно в этих итальянских факториях заключали сделки с восточноевропейскими купцами, привозившими сюда свои товары.

Возможно, армянские купцы бывали в Червонной Руси (*Ruthenia Rubra*) еще в правление галицкого князя Даниила (1238–1264). По крайней мере, львовские армяне в ходе своей судебной тяжбы с магистратом города Львова (в 1578–1600 гг.) утверждали, что их предков на земли Руси пригласил именно Даниил, а его сын Лев поселил во Львове⁵. 17 июня 1356 г. польский король Казимир III даровал мещанам-католикам Львова «немецкое (магдебургское) право». Прочие городские «нации» (конфессии), в том числе и армяне, получили подтверждение на сохранение их юридической автономии и самоуправления⁶. Данная оговорка указывает на то, что автономная армянская община сложилась во Львове еще до польского завоевания 1349 г.⁷ Более того, строительство в это же время новой армянской церкви указывает на численный рост армянской общины Львова⁸. В актовой книге Львова за 1382–1389 гг. неоднократно

²*Ibid.* P. 105, 120, 160, 215, 220, 233–234, 301, 304, 309, 337, 375.

³*Ibid.* P. 160, 301, 309, 337.

⁴Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С. Хачикян. Ереван, 1950. С. 329 — 330; *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000. С. 190; *Balbi G., Raiteri S.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973. P. 102–103, 197, 200–201; *Balard M.* Gènes et l'Oltre-Mer. T. 2. Paris, 1980. P. 58, 107 — 108, 111, 193, 194.

⁵*Дашкевич Я.Р.* Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (1982 г.). М., 1984. С. 195.

⁶Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М. Капраль. Львів, 1998. С. 27–28.

⁷*Balzer O.* Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie. Lwów, 1909.

⁸Грамота была составлена на армянском языке. Латинский перевод грамоты был вписан 21 октября 1641 г. в Метрику Королевства Польского (*Matricularium Regni Poloniae*).

но упоминаются сыновья Паноса — Аслан и Абраам⁹. Строительство новой церкви также связано и с переносом в 1364 г. во Львов из Луцка престола армянского епископа, епархия которого включала в себя земли Южной Руси¹⁰.

Рост численности армянской колонии Львова был вызван растущим значением города в транзитной торговле. В кондаке католика Теодороса II от 13 августа 1388 г. обозначены приходы Львовской епархии, включающие Львов, Сирет, Сучаву, Каменец, Луцк, Владимир, Киев, Молдавию и Ботин, а также Ени-Сарай. Большинство этих городов располагалось на «Молдавском» торговом пути, который через Килию и Аккерман соединял Галицкую Русь и Подолье с Каффой и Константинополем. Из Каменца по Днестру подольская пшеница поставлялась в Аккерман. Именно поэтому Казимир III (1333–1370) и его преемники так настойчиво стремились завоевать Подолье, что и удалось сделать в 1430–1432 гг. Ян из Чижова, польский наместник Подольской земли в грамоте каменецким армянам от 13 августа 1443 г. подтверждает все права, которые ранее были им предоставлены литовскими князьями Кориатовичами (правили с 1363 по 1394 гг.), специально подчеркивая торговлю хлебом среди прочих товаров¹¹.

Вероятно, именно междоусобицы, охватившие Золотую Орду с 1359 по 1370-е гг., вынудили часть крымских армян переселяться¹², в том числе и на острова Эгейского моря. Так, 7 июня 1363 г. Сенат Венеции рассматривал просьбу армян, происходящих из области Черного моря, позволить им обосноваться со своими семьями на острове Крит. Сенат постановил, что следует принять и устроить их как можно лучше¹³. А уже 1 июля 1363 г. Сенат удовлетворил ходатайство некоего армянского архиепископа и даровал армянам церковь и место для жилищ, а также льготы на 4 года¹⁴. 8 февраля 1366 г. Орден госпитальеров даровал вы-

Archiwum Główne Akt Dawnych. Metryka Koronna. N 187, K.141. Латинский перевод издан в: Obertyński S. Die Florentiner Union der Polnischen Armenier und ihr Bischoffskatalog // OCh. 1934. Vol.36. No.1. S.41–42.

⁹Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. T. 1 / Wyd. A. Czołowski. Lwów, 1892. S. 1, 8, 16, 17, 47, 64, 108.

¹⁰Дашкевич Я.Р. Давній Львів у вірменських та вірменсько-кипчацьких джерелах // Україна в минулому. Київ-Львів, 1992. Вип. 1. С. 9.

¹¹Przeddziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów. Wilno, 1841. T. 1. S. 147–148.

¹²Sanjian A.K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. Cambridge (Mass.), 1969.

¹³Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Roumanie / Par F. Thiriet. Paris, 1958. T. 1. P. 105.

¹⁴Ibid. P. 107.

годные условия неким армянам из Митилены для поселения на острове Кос. Посланцем этих армян был Ванос из Каффы¹⁵. Очевидно, эти армяне из Каффы первоначально прибыли в город Митилена на острове Лесбос, а уже оттуда обратились с просьбой к госпитальерам.

Н.Г. Пашкин

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

Рим и Константинополь после Констанцкого собора: миссия Антонио да Масса*

Первые уверенные шаги в направлении церковной унии, провозглашенной во Флоренции в 1439 г., Византия и Запад сделали на Констанцском соборе. Венцом начавшихся там переговоров стал визит в византийскую столицу папского посла Антонио да Массы, итоги которого оказались неожиданными и привели к замораживанию контактов почти на десять последующих лет.

За время проведения Констанцкого собора (1414–1418) туда были направлены две византийские миссии. Первую представлял Мануил Хрисолора, который скончался в Констанце в 1415 г. Второе посольство возглавлял Николай Евдемоноиоанн, и оно находилось в Констанце с марта 1416 г. до закрытия Собора. Посол присутствовал на процедуре интронизации нового папы Мартина V (1417–1431), который обещал заняться унией с греками. За этим последовали конкретные шаги. В письме к Мануилу II Палеологу (1391–1425) папа обращался к нему как к императору Константинополя (*imperator Constantinopolitanus*), тогда как после 1261 г. папы избегали выражений, признававших юридические права византийских императоров на этот город. Необычайно уважительным было и обращение к патриарху Иосифу II (1416–1439), впервые названному епископом Нового Рима.

Однако в ответ на предложение папы приступить к обсуждению поставленного в Констанце вопроса о церковной унии в Константинополе выдвинули неожиданно смелые условия. В 1419 г. дипломаты передали папе мнение императора. Согласно ему, обсуждать условия унии можно

¹⁵ *Luttrell A.T. The Hospitallers' interventions in Cilician Armenia: 1291–1375 // The Cilician Kingdom of Armenia / Ed. by T.S.R. Boase. N. Y., 1978. P. 131–132.*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФПЦ «Научные и научно-образовательные кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

было только на Вселенском Соборе, созвать который надлежало в византийской столице. Переговоры с папой по-прежнему вел Николай Евдемоноиоанн в сопровождении грека-доминиканца Феодора Хрисоверга. Через несколько месяцев к этому было добавлено мнение о необходимости для латинской церкви взять на себя расходы на организацию такого собора. Эти условия, тем не менее, не оттолкнули папу, и в марте 1420 г. он назначил легатом в Константинополь кардинала Фонсеку. Однако последнего еще ожидала миссия в Испанию, и для предварительных переговоров в Византию отправился папский нунций Антонио да Масса.

Посол достиг византийской столицы 10 сентября 1422 г. Но болезнь императора Мануила II привела к отсрочке переговоров почти на месяц. Лишь 15 октября на аудиенции он огласил соображения папы. Они сводились к принятию скорейших мер по созыву униатского Собора в Константинополе. В случае положительного ответа папа готов был незамедлительно отправить в Константинополь миссию во главе с Фонсейкой. Ответа нунцию пришлось ожидать еще целый месяц, и его содержание было очень сдержанным. Во-первых, император отрицал обещания серьезных уступок в переговорах о церковном воссоединении, которые якобы исходили от его дипломата Николая Евдемоноиоанна. Как дополнительное условие была объявлена необходимость участия в Соборе всех восточных церквей. Но ввиду неблагоприятной внешнеполитической обстановки вокруг Константинополя сам этот Собор объявлялся делом неопределенного будущего. До этого времени папе предлагали реальными делами продемонстрировать свою готовность защищать восточно-христианский мир.

Такого рода ответ фактически означал отказ от продолжения переговоров, инициированных еще на Констанцском Соборе. Но папа Мартин V, действительно, отреагировал на это попыткой оказать Византии посильную помощь. Вернувшегося из Константинополя нунция в марте 1422 г. понтифик отправил в Венецию. Антонио да Масса предлагал республике снарядить военно-морскую экспедицию на Восток. Сенат уклонился от положительного ответа. А спустя полтора года, в ноябре 1423 г. отчет папского посла о его миссии в Константинополь был затребован Сиенским Собором. Именно он и принял решение приостановить переговоры о церковном воссоединении с греками на неопределенный срок. Даже проезд через Италию императора-соправителя Иоанна VIII Палеолога в декабре того же года не побудил Собор отправить ему приглашение.

Приведенные факты позволяют говорить о том, что после Констанц-

ского Собора папа показал себя наиболее заинтересованной стороной в переговорах о церковной унии даже несмотря на сдержанность Константинополя. Уже тогда становилось понятно, что уния с Византией дает ему возможность сохранить облик папства в традиционном виде, которому угрожал процесс реформы самого этого института, запущенный в Констанце и продолженный на Сиенском Соборе. Этим можно объяснить уступчивость папы в ответ на жесткие условия византийской стороны, как и решение Сиенского Собора о прекращении переговоров. Они оказались в результате заморожены и возобновились лишь в 1431 г., после чего новый папа Евгений IV (1431–1447) сделает то, что не смог его предшественник — использует унию с греками против соборного движения на Западе.

В.В. Петрунин

Орловский государственный университет

О некоторых аспектах падения Константинополя в 1453 г.

Гибель Византии является одной из центральных тем в русском византиноведении. Отечественная наука имеет в своем распоряжении как русские источники о данном событии, так и длительную традицию богословского, философского и научного осмысления причин падения Нового Рима.

Дореволюционные и советские византиноведы по-разному формулировали причины гибели Византии. Однако неизменным было особое внимание к религиозному фактору в событиях 1453 г.

На наш взгляд именно обращение к роли Церкви в поздневизантийской истории позволяет ответить на ряд вопросов, которые возникают при исследовании проблемы падения Константинополя. Речь идет о необъяснимом, на первый взгляд, сохранении в Константинополе нетронутых городских кварталов (Фанар, Петрион, Псамафия, Студион и др.)¹, после учиненного турками грабежа и насилия.

Подобный металогизм возможно прояснить, обратившись к политическому учению византийского православия. Как известно, возобновление Флорентийской унии 12 декабря 1452 г. вынудило Церковь в лице Геннадия Схолария окончательно сделать выбор в пользу туркофильства, а следовательно призвать византийцев к неповиновению императору-унионисту. Подобное обстоятельство позволяет предпо-

¹Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 21, 137, 173–176.

жить, что население ряда кварталов Константинополя вяло призыву будущего патриарха и добровольно сдалось туркам.

На такое развитие событий указывает целый ряд имеющихся в византистике фактов. Прежде всего, в момент штурма Константинополя из 50–60 тыс. населения византийской столицы лишь около 7 тысяч человек участвовало в обороне города. Из них около 2 тысяч были западные наемники. В то же время «боеспособных мужчин город имел, разумеется, намного больше, но они почему-то не могли или не хотели принять участие в его обороне»². Более того, командование обороной города возглавлял генуэзец Джованни Джустиниани, которому носивший звание главнокомандующего Лука Нотар отказался выдать несколько орудий в решительный момент штурма. Византийская аристократия также отказалась помогать императору в организации сопротивления туркам, а в момент осады саботировала оборону города. В самом городе продолжались столкновения между сторонниками и противниками унии.

Кроме того, мы имеем свидетельства путешественников XIV–XV вв., говорящих о том, что Константинополь того периода, так и не оправившийся от латинского завоевания 1204 г., состоял из нескольких отдельных частей (мини-городов). Между ними находились открытые пространства — пустыри, развалины, сады и даже засеянные поля. Можно предположить, что когда была прорвана оборона стены Феодосия некоторые районы (мини-города) предпочли не продолжать оборону, а сдаться на милость победителя.

Возможность подобного развития событий вполне оправдывается политическим учением Церкви, постоянно напоминавшей своей пастве о необходимости «в отношении властей исполнять только то, что не служит препятствием обещанной надежде на небесное царство»³. Данный христианский принцип объясняет многочисленные примеры неповиновения Церкви государству в византийской истории.

Памятуя об этом, русский византиновед В.Е. Вальденберг подчеркивал насущную необходимость изучения византийской политической литературы «для правильного понимания фактической и культурной истории Византии»⁴. Важной эта задача представляется и для современного русского византиноведения.

²Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 324.

³Григорий Палама. Беседы (омилии). Ч. 3. М., 1993. С. 19.

⁴Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 29.

Актуальность исследованию и систематизации политического учения византийского православия придает тот факт, что современная Русская Православная Церковь активно разрабатывает свою собственную социальную доктрину, создание которой невозможно без обращения к византийским истокам. Русское византиноведение может помочь Церкви обеспечить необходимый научный фундамент для богословского творчества.

Е.К. Пиотровская

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Молитвы «Христианской топографии»

Козьмы Индикоплова

в греческой и древнерусской версиях сочинения

В своем сообщении мы касаемся частной проблемы в изучении сложного по композиции, структуре изложения и иконографической традиции сочинения известного в византийской письменности и культуре как «*Χριστιανική Τопоγραφία*» и в его древнерусской версии, сохранившей в большинстве рукописей название «Христианская топография Козьмы Индикоплова, объемлющая мир». Греческая традиция, как известно, дошла в трех списках (наиболее полно отражающих состав произведения, которое состояло, по-видимому, в завершенном виде из 12 отдельных Слов). Греческие списки хранятся в Ватиканской библиотеке, Лавренцианской и на Синае в монастыре Св. Екатерины (Vaticanus gr. 699, IX в.; Laur. Plut. IX. 28, XI в.; Sin. gr. 1186, XI в.). Сохранилось также и небольшое число отрывков. Среди них выделяется текст в составе Смирнского физиолога XI в.

Гораздо большее распространение памятник получил в славяно-русской письменной традиции (полные списки текста сочинения и его фрагментов представлены почти сотней рукописей). Отдельные вопросы и проблемы изучения и издания памятника, его жанровые особенности, иконография и связанные с ней прототипы и образы средневековых рукописных миниатюр, библейских сюжетов, библейской археологии рассмотрены в обобщающих трудах и главах многих отечественных и зарубежных ученых XIX–XX вв. (И.И. Срезневский, И. Стржиговский, Э. Винстед, В.Н. Бенешевич, Д.В. Айналов, Н.П. Кондаков, Е.К. Редин, В. Вольска-Конюс, Н.В. Пигулевская, З.В. Удальцова, А. Якобс, В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина и др.). Однако столь масштабная тема, заявленная в начале «Христианской топографии» Козьмы о том, что она «обимающа

весь мир округ», заставляет и до последнего времени современных исследователей пытаться понять словесную ткань изложения его сочинения. Она чересчур «витиевата», что затрудняет подчас понимание смысла изложения и отделение первоначального авторского текста Козьмы, жившего в VI в., от позднейших напластований. К тому же обилие миниатюр (свыше 60 в греческой версии и около 40 в древнерусской), многие из которых являлись, по-видимому, не только пояснениями к его сочинению, но и представляли самостоятельную художественную и этнографическую ценность, также не может оставить исследователей равнодушными, когда впервые они начинают знакомиться с этим сочинением. Вот почему неоднократные обращения к тексту Козьмы и отдельным его рассуждениям, композиционным особенностям могли бы быть полезны для изучения славяно-русской письменной традиции, могли бы помочь решить и главные вопросы времени появления памятника в среде средневековых книжников и знакомства их с наследием Козьмы, а через его сочинение понять особенности передачи книжниками подобного рода сочинений (сохранение традиций, следование канону, авторские интерпретации и т. п. вопросы). Как известно, критического издания древнерусской версии текста в отличие от греческой до сих пор не существует.

Нам бы хотелось обратить внимание на тексты трех молитв (молитв-обращений), две из которых находятся и в греческой версии и в древнерусской, а третья молитва-приписка — только в древнерусской. Напомним, что 5-е Слово повествует подробно о скинии Моисея — прообразе мира, в нем также приводятся факты из истории еврейского народа: переходе через Чермное море в землю обетованную, о том, как Моисей дал своему народу письменность, сообщается о том, какие древнееврейские тексты сохранились, и излагаются ветхозаветные и новозаветные свидетельства о воплощении Иисуса Христа.

В заглавии Слова подчеркивается, что «в немъ же есть сѣни написание, и пророкъ и апостоль согласие». По своему объему это самое большое Слово в сочинении Козьмы. Принято считать, что на тексте 5-го Слова заканчивалась первоначальная основная часть сочинения, в которой и рассматривались вопросы мироздания и устройства Вселенной. Особенности двух молитв греческой версии сочинения является отсутствие указания, что эти молитвы принадлежат Козьме. В древнерусской версии списки сохраняют не только это указание, но и киноварные выделения. Третья молитва-приписка, похвала, характерная только для древнерусской версии, также имеет свои особенности, сохраняя в то же время черты колофона средневекового кодекса.

Д.И. Польшанский

Ивановский государственный университет

Болгарское средневековое историописание: объем, формы, особенности

Дискуссии о месте книжности православного славянства (*Slavia Orthodoxa* или *Slavia Cyrillomethodiana*) в культурном пространстве византийского мира начались вместе с зарождением славяноведения в XIX в. Хотя полярные тезисы о полной зависимости культуры православных южных славян от ее византийских источников и о прорывающей через толщу византизма самобытности южнославянских культур редко находят сторонников, споры о соотношении византийского и собственного начал в культурах Болгарии, Сербии и Древней Руси продолжаются по сей день.

Одна из тем таких дебатов касается средневекового историописания¹. Попытки утвердить «национальную» принадлежность того или иного средневекового исторического текста, как правило, связаны с ограниченностью и односторонностью научного исторического дискурса. Для европейской историографии нового и новейшего времени характерно понимание истории как реконструкции (или, в современных терминах, конструирования) непрерывной и преемственной национальной памяти. В таком контексте начало национального историописания отыскивается в средних веках (а иногда и в античности), а результатом объявляется «научная историография» XIX–XX вв. Если по понятным причинам такого подхода избежало византиноведение, то в основе национальной историографии Болгарии лежала именно такая модель. Еще со времен Паисия Хилендарского (XVIII в.) ламентации по поводу не сохранивших «летописей и кондик» преславских и тырновских государей и иерархов вели к изначально бесплодным поискам учеными самих этих памятников или причин и обстоятельств их уничтожения.

¹Термин «историописание», обычно не применяемый в русской исторической литературе, в данном случае является калькой болгарского «историопис» или адекватного ему немецкого «Geschichtsschreibung». См. Каймакова М. Българска средновековна историопис (от края на VII до първата четвърт на XV в.). София, 1990; Schmale F.J. Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung: eine Einführung. Darmstadt, 1985. В англоязычной литературе обычно говорится о «historical writing». См. Gransden A. Historical Writing in England. Vol. 1–2. London, 1975–1982. Причина введения данного термина в российский научный дискурс состоит в неадекватности термина «историография», который обозначает соответствующую научную дисциплину, средневековой исторической книжности.

В книжности болгарского Средневековья, в отличие от византийской, историческая информация маргинальна. Историографические тексты редко бывают самостоятельными, обычно они включаются в агиографические, гимнографические, гомилетические и даже литургические произведения. Однако за этим разнообразием, на наш взгляд, стоят два вида исторических метанарратива. Первый, «фоновый», формировался средствами библейского метатекста. В его основе лежали прежде всего «царские» книги Библии, он впитывал пророческие и другие эсхатологические сочинения, для которых бытование в устной форме было более характерным. Фоновый метанарратив пополнялся неканоническими элементами, отрывками устного эпоса, местными преданиями и пр. В отдельные периоды истории Болгарии его устная трансляция могла преобладать над письменной, а внеканоническое содержание — над каноном Писания. Примером такого метанарратива является инвариант эсхатологической трактовки болгарской истории, отразившийся в комплексе текстов XII–XIII вв.² Второй, собственно исторический вид метанарратива был связан с конкретными обстоятельствами своей эпохи и выражался в дополнениях и конъюнктурах к житийным, гимнографическим, служебным, актовым, переводным историографическим и другим текстам. Его примером является комплекс текстов, вышедших из культурного окружения первых четырех царей из рода Асеней в первой половине XIII в. и утверждавших легитимность возобновленного Болгарского царства. Это — добавления к житиям, похвалам и канонам, Синодику болгарской церкви, грамотам и другим памятникам разного рода.

Присущее исторической книжности византийского мира деление на «истории» и «хроники» имеет в основе средневековую тенденцию отличать историописание, направленное на фиксацию современных событий, от извлечения из древних текстов сведений о прошлом. В Болгарии, как и в православном славянском мире в целом, наряду с переводами отдельных византийских хроник существовало историописание, сочетающее название первого и содержание второго³. Хронографом в книжности православных славян называется особый тип собрания-свода исторических текстов, различных по времени и происхождению⁴. В основе хронографов, как правило, лежали византийские хроники Иоанна Ма-

²Тяпкива-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.

³См. Творогов О. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

⁴См. Каймакамова М. Българската хронография от края на IX–XIV в. (възникване, раз-

лалы, Георгия Амартола и других авторов. Создавая устойчивый вселенский контекст исторических сведений, относящихся к истории той или иной страны, эти хроники становились стержнем хронографических компиляций, а последние — еще одной манифестацией византийско-славянской общности.

Основатель славянской филологии И.В. Ягич не считал задачей науки определять, «что из памятников средневековой книжности православных славян принадлежит болгарам, а что — сербам или русским», и полагал это «делом случая». В XX в. псевдонаучные войны за принадлежность не только целых хроник, но и кратких глосс той или иной «национальной» историографической традиции и ее современным продолжателям заняли в литературе куда больше места, чем глубокие исследования особенностей отдельных сегментов *Slavia Orthodoxa*. На наш взгляд, основные различия «национальных» версий историописания связаны с формированием в каждой из славянских культур православного круга его центральной темы. Так, для древнерусского историописания начиная с XI в. таковой становится «Русская земля», для сербской исторической книжности — личности отдельных государей, а затем и вся «лоза Неманьи́на». Древнеболгарские тексты демонстрируют устойчивый интерес к «болгарам» как к народу.

Дальнейшее изучение средневекового историописания в Болгарии, Сербии и Руси должно быть связано прежде всего с исследованием его византийских контекстов и установлением их взаимосвязи с локальным историческим метанарративом. Разнородные и внешне не связанные тексты исторического содержания при этом могут быть представлены как части своеобразной «мозаики», отражающей культурное сознание данного общества в определенную историческую эпоху.

М.А. Поляковская

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

Инсигнии императорской власти в поздней Византии (по Псевдо-Кодину)*

Российское византиноведение в прошлом и ныне уделяло и уделяет внимание проблеме сущности и специфики власти в Византийской

вите и значение) // Общото и специфичното в балканските народи до края на XIX в. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. В. Тъпкова-Заимова. София, 1999. С. 196–211.

*Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0578).

империи. Многое на этом научном поле было сделано академиком Геннадием Григорьевичем Литавриным: эти строки пишутся с памятью о нем, тем более, что XIX научная сессия византинистов будет первой, которая пройдет без его участия.

Для исследования сущности власти, наряду с другими вопросами, необходимы изыскания в области ее презентации. Этому в немалой степени может способствовать поиск в области различных проявлений политической идеологии в официальных документах, парадных речах, в энкомиях, произносимых представителями интеллектуальной элиты, в церемониальных актах. Презентации власти служат и инсигнии — предметы, должны ее представлять.

Смысл инсигний неоднозначен по их месту в контексте политической идеологии, выражаемой через ритуал. В силу этого необходимо внести некоторую градацию, выделив приоритеты в системе политических ценностей. Отдавая первенство понятию «инсигнии», обратимся к трехчленной градации: собственно инсигнии, символы, атрибуты. Заметим при этом, что автор поздневизантийского обрядника использует только понятие «символ», что объяснимо: из трех предложенных здесь терминов лишь избранное Псевдо-Кодином является грекоязычным. Однако в силу необходимости проведения некоей классификации, проведения ранжирования предметных проявлений власти сохраним и латиноязычные термины, к тому же широко используемые в научных исследованиях. При этом следует оговориться, что проведенное членение верховного понятия «инсигнии» является весьма условным: возможно «переползание» наполняющих «ячейку» предметов, что, без сомнения, вызывает некоторую «вибрацию» наших терминов, но думается, что это все же лучше, чем жесткая схема. Наполним наши «ячейки» соответствующими им названиями предметов, олицетворяющими власть василевса.

«Собственно инсигниями» являются предметы, составляющие торжественное коронационное одеяние императора — от короны (*ἡ στέμμα*), костюма (*σάκκος καὶ λῶρος*) до обуви (*τὰ ὑποδήματα*), а также императорский жезл. Поскольку Псевдо-Кодин не называет скипетра, рискнем предположить, что функции презентации власти василевса выполнял императорский жезл-диканикий (*τὸ δικανίκιον*). Можно было бы добавить к ячейке «собственно инсигний» и Крест (*ὁ σταυρός*) тем более, что императорский жезл на парадных портретах, где и представлены инсигнии, выделенные нами в первую группу, часто бывает круцижированным — с навершием в виде Креста. Однако оставим его, вслед за автором

поздневизантийского обрядника, в группе символов. Они компактно представлены Псевдо-Кодином при описании второго и третьего акта церемонии на прокиписис, проходившей в сочельник праздника Рождества Христова на площади между императорским дворцом и храмом Влахернской Богоматери. На этом этапе «явления» император как образ власти предстал в окружении деспотов, правящей элиты империи. Крест в правой руке василевса символизировал святость власти и империи; акакия (ἡ ἀκακία) же, мешочек из шелка, связанный с платком (τὸ μανδύλιον) и наполненный землей и прахом, был знаком смирения правителя и бренности человеческой жизни. Платок, связанный с акакией, означал неустойчивость и переменчивость. В третьем акте этой церемонии взорам зрителей предстал император — один, без сановников и родственников. Видны были лишь большая горящая свеча (ἡ λαμπάς) и меч императора (σπάθη τοῦ βασιλέως), но те, кто их держал, оставались вне поля зрения. В этом «явлении» император предстал как защитник и победитель (меч), а горящая свеча символизировала свет добрых дел во имя Христа.

«Собственно инсигнии» (стемма, саккос, лор, иподиматы, жезл) и инсигнии-символы (Крест, акакия, платок, свеча, меч) могли варьироваться в ритуалах в зависимости от значимости события, дня недели, наличия траура во дворце. Но неперенным для торжественных дней был Крест в правой руке василевса и акакия в левой. Наряду с этими инсигниями могли одновременно присутствовать и другие. Так, в праздник Вайи василевс, возглавляя церемонию галереи, держал в правой руке Крест, а в левой мешочек с землей и большую свечу. Сочетание Креста и акакии как признаков императорского достоинства среди других инсигний подчеркивает их концептуальную значимость. Свеча в левой руке усиливает общее ощущение святости императора.

К третьей из названных нами групп инсигний относятся атрибуты власти. Если «собственно инсигнии» и символы представляли те предметы, которые были парадной одеждой императора и тем, что он — в рамках ритуальных действий — держал в руках как свидетельства его достоинства, то атрибуты, находясь в церемониальном пространстве и подчеркивая значимость императорской власти, могут восприниматься и отдельно от фигуры правителя. Это все те предметы обрядника, которые имели эпитет «императорский». Можно назвать как атрибут власти императорское знамя, императорский щит, императорские фламулы, императорский трон и, наконец, императорскую пиршественную скатерть, снятие которой со стола было знаком, что василевс счита-

ет праздничную трапезу завершенной. Исследовательское внимание автора доклада привлекает такой атрибут, как императорское знамя (τὸ διβέλλιον). Оно, как лабарум во времена Константина VII Багрянородного, сопровождало василевса и в пределах дворцового церемониального пространства, и в военных походах, и в праздничных выходах в константинопольские монастыри. Каждый из предметов, представлявших инсигнии власти императора в поздневизантийское время, достоин освещения как с точки зрения его изученности, так и в плане преемственности со знаками достоинства императорской власти предшествующих времен (особенно это может быть отнесено к той группе предметов, которая определена нами как атрибуты).

И.Н. Попов

ЦНЦ «Православная энциклопедия» (Москва)

Процессы забывания и воспоминания исторических событий в византийских хрониках (на примере повествований об эпохе Феодосия II Младшего)

Византийские хронисты на протяжении многих столетий изучали и воспроизводили в своих трудах комплекс знаний об истории, который они унаследовали от различных историографических традиций античности и реннехристианской эпохи. Информация о прошлом в хрониках сравнительно редко копировалась в неизменном виде, но, как правило, перерабатывалась в соответствии с авторским замыслом того или иного хрониста. С другой стороны, хронисты крайне редко пользовались какими-либо новыми источниками и в основном воспроизводили материал, встреченный ими в более ранних хрониках и при этом уже видоизмененный их предшественниками. Таким образом сведения о прошлом в хрониках постепенно трансформировались, от ранних хроник к поздним менялся, иногда до неузнаваемости, характер сообщаемой хронистами информации. Проводимый нами анализ традиции византийских хроник, сравнение изложения тех или иных событий различными хронистами разных времен позволяет сделать ряд наблюдений над некоторыми основными особенностями процессов сохранения и передачи знаний о прошлом в Византии.

Многогранные изменения информации в хрониках базируются на двух принципиальных явлениях, которые мы условно обозначаем как «забывание» и «воспоминание». В докладе мы прослеживаем их на примере рассказов хронистов VI–XII вв. об эпохе правления Феодосия II

Младшего, которые, на наш взгляд, дают возможность достаточно наглядно увидеть ход и результаты этих процессов.

Забывание представляет собой процесс постепенного исчезновения из хроник тех массивов информации, которая систематически оценивается хронистами как неважная или неясная. Переходя из хроники в хронику, она конспектируется и постепенно сокращается до полного исчезновения. Сохраняются, «вспоминаются» в большинстве хроник лишь сведения о событиях, которые восприняты хронистами как важные или выигрышные в литературном отношении. При этом они не передаются в неизменном виде, но постепенно излагаются все более подробно, обрастают различными красочными деталями и занимают все более значительное место в общей структуре повествования. Постепенно тексты хроник превращаются в своего рода «рассказы по истории», где присутствует не подробное повествование о ходе многогранных событий эпохи (год за годом или от правления к правлению), а лишь несколько красивых занимательных сюжетов, которые в совокупности должны характеризовать ту или иную эпоху. Все обстоятельства и герои, присутствующие в этих сюжетах, приобретают всё большую значимость как олицетворения различных исторических процессов, о которых рассказывает хронист. Их словам и поступкам приписывается искусственная логика, отражающая не подлинные действия этих исторических лиц в прошлом, а их характер как героев и выразителей важнейших явлений своего времени, носителей исторического опыта, «уроков истории» и т. п. Такие рассказы о важнейших событиях постепенно утрачивают характер собственно исторического знания и приобретают некоторые важные черты мифологической традиции. Разумеется, в хрониках не происходит превращения исторического знания в миф, но мы можем отметить некоторые шаги в этом направлении. Таким образом, мы можем проследить формирование мифологической традиции на нескольких ранних его стадиях, когда миф постепенно освобождается от связей с историческими реалиями и формируется как литературный сюжет, наделенный некоторыми обобщающими морально-этическими или религиозно-политическими смыслами.

А.А. Пржегорлинский

Царицынский Православный университет (Волгоград)

Общинные идеалы св. Феополита Филадельфийского (XIV в.): к вопросу о специфике византийского гуманизма

По учению св. Феополита, митрополита Филадельфийского, первейшая причина нестроений в человеческом сообществе — самость, эгоцентризм. С этого пагубного состояния начались беды человека. В этом, весьма самобытном ключе, интерпретирует филадельфийский экзегет библейское повествование о грехопадении. Феополит разъясняет, что предпосылкой ко греху стало то обстоятельство, что два разумных существа, Адам и Ева, уклонили свои взоры друг от друга [MD 6.8.90–95]¹.

Анти-индивидуалистические тона такого повествования несомненны. Но что могло определить подобное направление в интерпретации Феополитом известного библейского повествования? Конечно, ответ на подобный вопрос может носить лишь гипотетический характер. В сохранившемся письменном наследии филадельфийского митрополита анти-индивидуалистический пафос звучит в двух контекстах: в контексте антиарсенитской полемики и в контексте наставления насельникам общежительного монастыря.

Собственно, соответствующий пассаж, обретаемый в письменном наследии св. Феополита, весьма точно преломляет идею св. Василия Великого о призвании и беде человеческой природы.

Экскурс в триаологию св. Василия Великого. Интересующие нас антропологические изыскания св. Василия не могут быть поняты без их триаологической перспективы. Современные богословы в своей интерпретации каппадокийской триаологии высказывают мысль о том, что учение о единосущии есть чистая абстракция, не предполагающая за собой никакой экзистенции. И, поскольку восточное богословие экзистенциально, то и учение о единосущии есть теологумен. Однако возразим и скажем, что для каппадокийцев догмат о единосущии и само единосущие Лиц Пресвятой Троицы является не только предметом опыта, но и императивом.

Каппадокийский богослов высказывал мысль о том, что тайна Божественного единосущия неким образом может иметь свое отражение в рамках земного человеческого опыта. Св. Василий Великий, по сути,

¹Здесь и далее ссылки на сочинения св. Феополита даются по изданию: *Theoleptos of Philadelphia. The Monastic Discourses / A Critical Edition, Translation and Study by R.E. Sinkewicz. Toronto, 1992.*

учит о единосущии человеческого естества. В этом смысле становится понятным, что учение о Божественном единосущии отнюдь не является для Василия лишь «учительным мнением» или «теологуменом». Иначе, это вело бы к искажениям в представлениях о том, как надлежит жить человеку и к чему стремиться.

Итак, то, что в философии Василия определяется как нарушение единосущия, это же в метафоре экзегета Феолита представляется отведением взора от ближнего.

Исцеление самости согласно учению св. Василия. Первейшим социальным институтом, врачующим названную пагубу, является общинная жизнь христиан. В XVIII Подвижническом правиле Василия Великого говорится о подвижнической (не говоря монашеской) общине, как жителстве, наиболее адекватно соответствующем этому идеалу.

Пафос стремления к единосущию отражается и в том обстоятельстве, что Василий в своих «монашеских» уставах ни разу не употребляет слово «монах», но свидетельствует, что человек — существо «не уединенное» (т. е. не монашеское), но «животное кроткое и общительное» (κοινωνικὸν ζῷον).

Исцеление самости согласно учению св. Феолита. Схожие мысли Феолита весьма часто встречаются в его монашеских поучениях. Прежде всего, монашеская община позволяет воссоздать и ощутить соприродность с ближним. Наиболее последовательно мысль о призвании монашеской общины представлена в «Почувствии, определяющем поведение, приличествующее монахам, живущим в общежитии» [MD 2.9].

Мысль о единстве монашеской общины имеет отнюдь не отвлеченный благочестивый характер, но налагает на монаха немалую ответственность перед лицом Богочеловеческого организма [MD 9.3]. И как болезнь члена досаждала всему телу, так и духовные проблемы одного брата могут повлечь разрушение организма [MD 9.3]. И, наоборот, братское согласие теснее сплавливает члены единого тела общины. Когда враг видит такое согласие и не находит между братией разделения, он не может протиснуть между ними свою главу и проложить путь своему змеиному телу, тем явив путь ссор [MD 9.5]. Таким образом, сознание органического единства общины выступает неким императивом, призывающим к послушанию, собранности, трудолюбию и другим добродетелям, служащим общему делу [MD 9.6]. Требуется самоотдача в созидании и сохранении общего тела, когда всё членом общины воспринимается как свое [MD 9.25].

Этот взор на ближнего устраняет поводы ко греху и предоставляет

подвижнику массу преимуществ: монах общежительного монастыря — это счастливый обладатель многих помощников [MD 9.4, 9.5]. Монаха общежительного монастыря ничто не отвлекает: ни имущество, ни заботы об одежде, ибо каждый имеет своим послушанием заботу о других [MD 9.6, 9.7]. Монахи имеют возможность учиться у других братьев, подражать их ревности; исходя из этого святитель даже уподобляет братьев райским деревьям [MD 9.8]. Наконец, братство несет «благое соперничество» [MD 9.21]. В конце концов, забота о ближнем, жизнь рядом с ним, и есть возвращение к утраченному Адамом состоянию.

Критика отшельничества в византийской патристике. Названные выше представители церковной письменности настаивали на исключительности общинного подвижничества. Соответственно, отшельничество становится теоретически невозможным. Не отрицая отшельничества в принципе, св. Василий выявлял недостатки и ущербность уединенного жительства, как пути, который способен привести, скорее, к гибели, чем к преуспеянию.

7-е правило его Подвижнических уставов (в пространной редакции) является сокращением небольшого трактата «О том, что должно жить с людьми, согласно стемящимися к той же цели угождения Богу, и что трудно, и вместе опасно, жить отшельником». Здесь отшельническая жизнь называется «праздной» и «бесплодной», ибо отшельник «удовлетворяет собственную страсть самоугодия». Это, по Василию, противно закону любви.

Неудивительно, что филладельфийский пастырь отдает абсолютный приоритет общежительному монашеству перед анахоретством [MD 9.4]. В сугубо монашеской проповеди MD 9 превалируют не индивидуалистские, но общинные мотивы. Монастырь предстает не столько местом личного подвига, но, прежде всего, как место созидания единства общины. Соответственно Бог прославляется святителем в завершении проповеди как Господь, соединивший нас вместе [MD 9.27]. **Христос представлен в MD 9, как явившийся не столько для помощи в борьбе с грехом, но, прежде всего, как осуществивший Единство и Сошествием Своим соделавший нас Своим Телом [MD 9.24].**

Итак, намеченные мысли двух святителей Василия и Феополита принадлежат единому идейному пространству и предполагают вполне определенные представления о социальности человека. Акцентирование соответствующих идеалов и является, надо думать, отличительной чертой того гуманизма, проводником которой были представители византийской патристики.

А.И. Романчук

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

История Таврики в работах уральских исследователей (истоки традиции)*

Обращение к изучению одного из центров Таврики — Херсонеса (Херсона) — историками Уральского университета относится к 1958 г. — году создания Крымской экспедиции, у истоков которой стояли Е.Г. Суров и М.Я. Сюзюмов. Основатель уральской школы византиноведения отмечал: «Изучение истории Херсонеса занимает особое место. Этот город является в исторической науке как бы соединительным звеном истории античной, средневековой и ранней истории СССР»¹. Но внимание к раскопкам памятников Северного Причерноморья в Уральском регионе восходит к более раннему времени, о чем свидетельствует принятие в члены-корреспонденты Уральского общества любителей естествознания К.К. Косцюшки-Валюжинича (1846–1907)². В музее общества имелись также немногочисленные «антики». Однако наиболее значительным собранием «древностей» стала коллекция Голубцовых, которые стремились представить научное значение приобретаемых находок, о чем свидетельствуют содержание «Описи Древностям» (251 находка), консультации с Б.В. Фармаковским, выписки из публикаций по истории и статья, посвященная монетам эллинистического времени В.В. Голубцова-Младшего (1888–1932). В собрании представлены в основном изделия античного времени из раскопок Ольвии или Южной России, Пантикапея и Фанагории, и только 4 экз. из Херсонеса.

На начало следующего периода обращения к истории Таврики повлияла эвакуация в Свердловск артефактов и архива Херсонесского заповедника. Результатом обработки архивных документов стало исследование Е.Г. Сурова о рыбозасолочных цистернах³; в те годы, вероятнее всего, обсуждалась и возможность участия уральцев в раскопках. Крымская археологическая экспедиция (1958–2002) с первых лет работы не

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». ГК 02.740.11.0578.

¹См. Поляковская М.А. Херсонес в письмах М.Я. Сюзюмова // Византия. Византийцы. Византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 320–323.

²Протокол общего административного собрания УОЛЕ // ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 107, л. 68. Вписан дополнительно между № 32 и 33: ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 80. № 10.

³Сулов Е.Г. Херсонесские цистерны // Ученые записки Свердловского педагогического института. 1948. Вып. 4. С. 3–47.

без влияния взглядов М.Я. Сюзюмова⁴ уделяла внимание публикации материалов, свидетельствующих о значении Херсонеса «именно в континуитете античной культуры». Первые объекты раскопок — это остатки оборонительной стены римского времени, склеп кон. IV — нач. V вв., рыбозасолочная цистерна, построенная не ранее середины VI в., различные сооружения, существовавшие около западных оборонительных стен в IX–XI вв. Анализ стратиграфии и хронологической последовательности строительства привел Е.Г. Сурова к выводу о непрерывном обитании в данном районе⁵.

Единовременное изучение территории всего портового квартала (с 1963 г.) позволило объяснить причины образования «археологических лакун» и некорректность статистического распределения монет по векам без учета археологического контекста; большое значение имело обнаружение слоев разрушения с многочисленными тарными и столовыми сосудами начала VII в., характерными для Средиземноморского бассейна. Сопоставление изделий из глины с находками из других районов позволили выявить некоторые направления торговых связей Херсона с центрами Эгеиды, что противоречит мнению об изолированности города в поздневизантийский период, превращению его в XIV в. в незначительное поселение. Наряду с бытовыми предметами в слоях разрушения портового района были встречены золотоордынские монеты; это подтвердило наблюдения Н.М. Богдановой о сохранении херсонитами ремесленной деятельности и торговли в XIV в., к которым она пришла, в основном анализируя письменные источники⁶.

На XVI Международном византиноведческом конгрессе Хр. Бурас обратил внимание на существование диаметральных выводов о византийском городе периода «темных веков», построенных на материалах раскопок⁷. Находки из Херсонеса позволяют скорректировать мнения историков о развитии византийского провинциального города, способствуют преодолению негативной оценки состояния Херсона в ранне-средневековый⁸ период, подтверждают некоторые из теоретических по-

⁴Сюзюмов М.Я. Византийский город (сер. VII — сер. IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 38–70.

⁵Сурав Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119–145.

⁶Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 123–124.

⁷Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 1981. Bd 31/2. P. 617.

⁸В этой связи заслуживает внимания обращение к сфрагистическим находкам конца VII–VIII в. из Херсона и Сугдеи: см. Степанова Е.В. О связях Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых цивилизаций:

ложений М.Я. Сюзюмова. Примечательно, что в 1989 г. В.В. Седов на основании комплексного анализа памятников материальной культуры северной и южной зон Западной Европы показал для каждой из них различия в процессе становления средневекового города, отметив, что в южной зоне несмотря на разрушения в эпоху Великого переселения народов, средневековый город восходит к позднеантичному: «угасания античных центров» не произошло. В сущности, он повторил сказанное в 1967 г. М.Я. Сюзюмовым⁹. Обобщение материалов раскопок последней четверти XX в., создание новой хронологической шкалы массовых археологических источников будет способствовать уточнению дискуссионных страниц истории Херсона (и не только) византийского времени.

А.Л. Саминский

*Центральный музей древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева (Москва)*

Константинопольское украшение Первого Тбетского Евангелия

Грузинское Четвероевангелие из РНБ, груз. 212, собрание царевича Иоанна Грузинского, сопровождают колофоны, которые, как казалось их издателю и переводчику А.А. Цагарели, содержат все, что важно для историка книги¹. Действительно, помимо имен писцов и переплетчика, здесь сообщается, что рукопись была закончена в 995 г. в царствование Давида Куропалата в церкви св. апостолов в Тбети, а в более позднее время некто «Самуил, который удостоился быть четвертым епископом», украсил ее таблицами канонов и миниатюрами, «с большими затратами» выписанными им из Константинополя.

Но когда же был сделан заказ Самуила? Цагарели косвенно ответил на этот вопрос, предположив, что четвертым Самуил числил себя в череде иерархов Тбети, считая от учреждения этой кафедры. Но она возникла не позже 918 г., так что, получается, три предшественника Самуила занимали ее на удивление долго. По той же причине, его заказ, кажется,

Материалы научной конференции. Севастополь, 2001. С 24; она же. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины: Материалы конференции. Киев; Судак, 2002. С. 231–233.

⁹Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 6–55.

¹Цагарели А.А. Сведения о памятниках грузинской письменности. СПб., 1886. Вып. I. С. 17–22. № 5.

не может быть отделен от 995 г. сколь-нибудь продолжительным временем, с чем трудно примирить впечатление, оставляемое его записью.

Несмотря на эти шероховатости, гипотеза Цагарели поныне не встретила возражений. Но, вместе с тем, она и не стала руководством для последующих поколений исследователей. Одни осторожно относили константинопольский декор рукописи к концу XI в. вместо его начала, другие — к концу первой половины или даже к третьей четверти XI в., будто не замечая временных пределов, полагаемых записью Самуила в истолковании Цагарели, либо, может быть, допуская, что все епископы Тбет, как на подбор, были долгожителями.

Что, однако, по всей вероятности, имел в виду Самуил, называя себя четвертым епископом, показывает «Распорядок царского двора» средневековой Грузии². По этому источнику, на царских приемах епископов юго-запада страны, Тбетскому (Мтбевари) отводилось четвертое место. Запись Самуила, следовательно, могла быть сделана в любое время на протяжении XI–XII в., куда Цагарели отнес ее почерк. Так что время украшения книги может быть выяснено только в связи с общей картиной византийского искусства той эпохи.

Ныне в рукописи остается только три последних таблицы, начиная с конца пятого канона, и два изображения евангелистов — свв. Марка и Иоанна. Парадоксальное сочетание живописной тонкости с акцентированным, жестким рисунком, отличающее эти фигуры, связывает их с известным движением столичного искусства, начавшимся на исходе XI в. и достигшем полного развития в т.н. коккиновафской группе рукописей 1120–1140-х гг. Их антикварный классицизм, однако, ближе всего мозаикам Михайловского монастыря в Киеве, исполненным константинопольскими мастерами около 1112 г. Им свойственна та же благородная сдержанность выражения, в отличие от преувеличенной экспрессии коккиновафских рукописей или Гелатской мозаики 1126–1130 гг. 1110-е годы кажутся поэтому наиболее вероятным временем их возникновения.

Широкие рамы миниатюр украшает одинаковый псевдолобзиковый орнамент, нарочито бледный и бескровный. На таблицах же канонов — растительные и эмалевые орнаменты, поражающие необычайным разнообразием, сочностью и блеском. Они выглядят произведением не только другой мастерской, но и другой эпохи, чем миниатюры. Не даром

²Распорядок царского двора / Пер. В.Д. Дондуа. Ред., введ. и комм. Д.Л. Пурцеладзе. Тбилиси, 1991. Статья 26.

они разительно отличаются от всего, что можно найти в книге XII в., в том числе и в коккиновафских рукописях. И во второй половине XI в. им также не видно подобных. Композициями орнаментов они близки образцам кон. X — нач. XI в., как рукопись Национальной библиотеки в Париже gr. 230 или петербургская gr. 67 из РНБ, а живостью и рельефом растительности напоминают константинопольскую грузинскую рукопись 1030 г. из Национального центра рукописей в Тбилиси, А 1. Вероятно, они возникли недалеко от этого времени.

В пользу этого предположения говорит еще одно обстоятельство. Таблицы канонов грузинской рукописи из Национального центра в Тбилиси, А 509, обладают таким сходством с петербургскими, что должны были выйти из той же мастерской и почти одновременно с ними. Но, в отличие от тех, они занимают всякий раз только одну сторону листа — другая его страница оставлена пустой. Такое размещение таблиц отличает столичные греческие рукописи X в. (Афон, монастырь Ставроникита, 43 и Оксфорд, Bodleian Library, Cromwell 16.3). Унаследовавшая его грузинская, кажется, не должна отстоять от них по времени слишком далеко. К тому же, наряду с красками и золотом в ее таблицах использовано серебро, что также характерно для ранних примеров.

Колофон епископа Самуила помещается на обороте последней таблицы канонов петербургской рукописи. Свидетельствуя об их константинопольском происхождении, он, однако, не относится к евангелистам, добавленным сюда почти на век позже. Но миниатюры эти принадлежат к основному направлению столичной живописи своего времени, а св. Лука близко повторяет ватиканскую рукопись gr. 364, шедевр второй половины X в., который едва ли был доступен для подражания вне Константинополя. Обращение сюда за украшением высоко чтимых книг, похоже, было не исключением, но правилом Тбетской кафедры, начиная со времени Самуила.

Вл.В. Седов

Институт археологии РАН (Москва)

Килевидные арки в архитектуре византийского мира: Древняя Русь, Византия, Армения, Грузия

Данное сообщение посвящено одному декоративному элементу, килевидной арке, имеющей характерный абрис с повышающимся «килем» или «щипцом» в вершине. Эта форма не была специально исследована в самой византийской архитектуре. Между тем, килевидные арки встре-

чаются в поздневизантийской архитектуре XIII–XIV вв. Их можно обнаружить в самом Константинополе: на южном фасаде южного придела церкви Паммакаристос (придел сооружен около 1312 г.), а также на южном фасаде (восточное прясло) южного же придела церкви монастыря Хора (Кахрие Джами, рубеж XIII–XIV вв.) и в первом ярусе колокольни этого храма (XIV в.), расположенной на юго-западном углу комплекса. Эти два примера могли бы рассматриваться как отдельные проявления какой-то чуждой культуры (например, как искаженные готические, стрельчатые формы или как формы сельджукской арки, смещенные в сторону килевидности), если бы не довольно широкий контекст, в который эти два столичных, константинопольских примера могут быть помещены.

Оказывается, что в самой византийской архитектуре подобные арки присутствуют в декоре двух храмов палеологовского времени (они датируются рубежом XIII–XIV вв.) в болгарском Несебре (византийской Месемврии). Такие арки обнаруживаем в храме Пантократора (фриз в верхней части абсид) и Иоанна Неосвященного (фриз в верхней части абсид и нишки в пазухах аркатуры боковых и западного фасадов). Эти два примера дают дополнительное представление о распространенности этого мотива в собственно византийской архитектуре в палеологовское время.

Намного раньше килевидная арка появляется в древнерусской архитектуре. Впервые в объемной, каменной архитектуре она встречается в начале XIII в. в соборе Рождества Богородицы в Суздале, построенном в 1222–1224 гг. В этом памятнике, наполовину разрушившемся в середине XV в. и сохранившем только нижние части, примерно на половину высоты, имеется южный притвор, в котором собственно портал имеет полуциркульный архивольт, а весь притвор завершает подчеркнутая валиком арочная кривая с килевидным подвышением. Этот же мотив килевидной арки был развит в притворах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.), а также в аркатурно-колончатом поясе этого храма. В дальнейшем килевидные формы в виде закомар и кокошников были довольно широко распространены в раннемосковской архитектуре XIV–XV вв., куда они пришли, очевидно, из владимиرو-суздальского зодчества.

Килевидные арки начала XIII в. в Суздале и Юрьеве-Польском представляют собственно византийским памятникам, но, по всей видимости, только в результате своеобразной хронологической иронии. По всей видимости, килевидная арка была достаточно широко распростра-

нена в конце средневизантийского периода (в период правления династии Ангелов?) в самой Византии, а с падением империи в 1204 г. распространилась на земли Владимиро-Суздальской Руси.

Важнейшим свидетельством существования подобных форм в архитектуре византийского мира, обширной культурной общности, охватывающей пространства как православного ареала, так и других христианских конфессий, является наличие килевидных арок в архитектуре Армении, причем в то самое время или немного позже того периода, когда подобные арки фиксируются в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси. Одним из наиболее ранних примеров килевидной формы в армянской архитектуре является портал монастырской церкви Лусаворич в монастыре Нор-Гетик, построенной в 1237 г. Отметим также килевидный портал второго этажа «дворца парона» в Ани, построенного в начале XIII в. Отметим, что килевидные арки использовались и в более поздних постройках: на фасаде гавита (притвора) монастыря Норавапк (1261 г.), в порталах гавитов монастырей Сагмосаванка (XIII в.) и Норавапк (рубеж XIII–XIV вв.).

В Грузии килевидный портал известен нам в портале и обрамлении храма в Гавети (начало XIII в.) в области Самцхе.

Истоки килевидной арки следует искать в области собственно византийского искусства и архитектуры. В области прикладного искусства византийского круга они известны в Сионе Новгородского Софийского собора и в ряде «аркад» на произведениях ювелирного искусства из древнерусских кладов (датировки от второй половины XII до начала XIII в.). В настенной живописи подобная форма арок встречается в изображении модели храма на ктиторском портрете из Спасо-Евфросиниева монастыря (1160-е гг.). Возможно, килевидные арки в этой росписи появляются вскоре после первых опытов византийских зодчих по созданию подобной прихотливой формы. Во всяком случае мы предполагаем, что килевидные арки были созданы именно в Византии во второй пол. — кон. XII в. и затем распространились в разных областях влияния византийского искусства и архитектуры. Особенно значительным было распространение этой формы в период после падения Византии в 1204 г., когда осколки византийской культуры разлетались по окраинным землям.

В.В. Серов*Алтайский государственный университет (Барнаул)*

Отечественная историография истории Византии VII в.: состояние и перспективы развития

В византиноведении VII век занимает особое место не только потому, что каждое столетие по-своему уникально и неповторимо: особенность его заключается, прежде всего, в том, что те многочисленные и интереснейшие с точки зрения развития человечества события, которые заполнили пространство VII в., по разным причинам остаются неизученными, а часто даже незамеченными. Данное утверждение относится в первую очередь к отечественной византинистике, которая уступает западной и по объему, и по тематике исследований, посвященных VII столетию.

Обширные «белые пятна» на исследовательском поле этого хронологического отрезка образовались, главным образом, вследствие отказа российских византинистов от рассмотрения проблем и вопросов конкретной, «живой» истории VII в. Разумеется, многие из них включались в контекст специальных работ, но не выделялись в качестве самостоятельных тем и не создавали новых перспективных направлений. К настоящему времени в отечественной историографии VII в. существует не более четырех «областей» изучения: город, социальные отношения, источниковедение, международные связи Византии. При этом развиваются, по сути дела, лишь две последние темы, что прослеживается по недавним и новейшим публикациям.

Изучение «городской» тематики, в рамках которой, несмотря на попытки, VII в. так и не выделился в отдельную тему, приостановилось в прошлом столетии на весьма примечательном тезисе о невозможности однозначного разрешения проблемы развития ранневизантийского города, выдвинутом для того, чтобы примирить противоположные точки зрения¹. Полного примирения достигнуто не было², однако былая острота полемики о континуитете и дисконтинуитете при переходе от позднеантичного полиса к средневековому городу заметно притупилась, что лишило «городскую» тематику в прежнем ее виде значительной

¹Kazhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. T. 52. P. 478.

²Ср. Курбатов Г.Л. Судьбы ранневизантийского города и кризис VII в. в Византии // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 4. С. 3–11; 1994. Вып. 1. С. 25–36; Гоголев Д.А. Города и крепости Византии в VII — первой половине IX в.: эволюция и функции. Автореферат ... к.и.н. Тюмень, 2002.

доли актуальности. На повестке дня теперь — изучение отдельных институтов города «переходной» эпохи, недостаточно исследованных на материале именно VII в., а также детальная реконструкция истории отдельных городов, в том числе в VII в.³

Для социально-экономического (в большей мере социального) направления в изучении истории раннесредневековой Византии также характерна работа с предметом в рамках больших временных периодов, для которых VII столетие служило либо верхней, либо нижней хронологической границей, что фактически выводило его из фокуса специальных исследований⁴. Пресловутый методологический кризис гуманитарных наук проявился, пожалуй, в максимальной степени именно в области изучения социально-экономической истории. Для его преодоления было бы полезно перенаправить исследовательскую активность из социальной сферы в сферу экономики и, по примеру западных специалистов, сосредоточить внимание на мелких вопросах финансовых и экономических отношений в определенные периоды правлений или даже в отдельные годы⁵. В качестве своеобразного подведения итога весьма продолжительного изучения ранневизантийского общества целесообразным представляется также создание целостной картины развития византийского социума в VII в.

Международные отношения VII в. тоже рассматривались в отечественной историографии обычно в контексте исторических событий всего раннего средневековья или ранневизантийской эпохи, хотя в силу специфики данного предмета нередкими были обращения к исторической конкретике интересующего нас времени⁶. В последнее десятилетие наиболее динамично развивается «армянское» направление⁷. Его пример показателен: очевидно, перспектива развития «международной» тематики связана с более пристальным вниманием к событиям VII в. и

³Первенство здесь за Херсонесом Таврическим, хотя многие исследователи его истории уже не принадлежат, к сожалению, к числу россиян. См.: Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008. С. 111–116 (где еще раз обозначена проблематика города VII в.).

⁴К примеру: Дьяконов А.П. Византийские димы и факции в V–VII вв. // ВС. С. 144–227; Левченко М.В. Церковные имущества в V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. 1949. Т. 2. С. 11–59; Каждан А.П., Чичуров И.С. О структуре византийского общества VII–IX вв. Проблема социальной стратификации и книга П. Яннопулоса // ВО. 1977. С. 107–137.

⁵Серов В.В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI в. Барнаул, 2010.

⁶Например: Кривов М.В. Византия и арабы в раннем средневековье. СПб., 2002; он же. Последние Гассаниды между Византией и халифатом // ВВ. 1981. Т. 42. С. 154–158.

⁷Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.): Источник и время. М., 2004; Шагинян А.К. Армения накануне арабского завоевания. СПб., 2003.

обособлением «национальных» направлений в изучении внешней политики и внешних связей Византии.

Наконец, источниковедение VII в., поддержанное продуктивной идеей о необходимости и возможности введения в научный оборот отнюдь не малочисленных, хотя и не очень информативных источников, дошедших до нас из «темных веков», доставляет византинистам многих специальностей материал для осмысления и переосмысления интересной истории начального этапа той эпохи⁸.

Учитывая вновь усилившийся в зарубежном византиноведении интерес к политической истории VII в.⁹, представляется необходимым не только выявить уровень достижений российской науки в аналогичной области, но и определить перспективные направления ее изучения. Как показывает историографический анализ, сейчас не существует ни одной темы, которую можно было бы считать изученной более или менее полно; более того, огромное количество проблем лишь ожидает своей первоначальной дефиниции. Всё это означает, что византийская история VII в. — потенциально одна из наиболее продуктивных областей активности современного византиноведения.

Д.А. Скобцова

Межобластное научно-реставрационное художественное управление (Москва)

Иконографическая программа росписи жертвенника и дьяконника Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке

В XII столетии иконографические схемы росписи боковых помещений алтаря варьировались и устойчивой традиции их живописного убранства не существовало, равно, как не были четко определены их богослужебные функции. Декорация боковых помещений алтаря Спасского храма (около 1161 г.) чрезвычайно «многословна», ее своеобразие определяется сочетанием орнамента, образов мучеников, святителей,

⁸См., например, Житие преподобного Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Григорием, учеником его и игуменом той же обители / Пер. с греч. и комм. Д.Е. Афиногенова. М., 2005; Афиногенов Д.Е. Император Фока — фракиец или каппадокиец? // Россия—Крым—Балканы: диалог культур: Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 77–82.

⁹См., например, Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis. Historian and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford, 2010; Money, Power and Politics in Early Islamic Syria. A Review of Current Debates / Ed. by J. Haldon. Ashgate, 2010.

воинов и столпников, новозаветных и ветхозаветных сцен. Однако стенописи жертвенника и дьяконника не являются набором искусственно объединенных изображений, а представляют собой комплекс храмовой декорации, в основе которого лежит единый замысел и определенная иконографическая программа.

К числу образов, часто встречающихся в росписях боковых помещений алтаря, относятся изображения Богоматери и Иоанна Предтечи, которые размещены в нижних регистрах декорации жертвенника и дьяконника Спасской церкви. В XII в. эти образы нередко дополняются сценами из их житий и составляют подробные протоевангельский и предтеченский циклы. В данном случае мы имеем дело с рефлексиями этого явления: развернутых циклов нет, но присутствуют ростовая фигура Богоматери Одигитрии с младенцем Христом и композиция «Моление Иоанна Предтечи в пустыне». Выбор иконографических изводов подчеркивает не только посвящение помещений алтаря, но и желание связать изображения с символикой совершающегося в них богослужебного действия. В программах храмового декора сер. — второй пол. XII в. усиливается литургическая тема, и на состав росписи жертвенника и дьяконника оказывает влияние чин проскомидии, связываемый с предысторией Христа.

Чинопоследованиями предуготовительной части литургии навеяны и сцены Страстей Христовых («Положение во гроб» и «Оплакивание»), размещенные в нижней части жертвенника Спасской церкви, над нишами, которые, безусловно, имели богослужебное назначение. А «Вход Господень в Иерусалим» на северной стене трансепта, — композиция, открывающая Страстный цикл, движение в которой организовано таким образом, что Христос и апостолы выходят из жертвенника в наос, — служит изобразительной параллелью Великому Входу. Напротив, на южной стене, по аналогии представлено «Воскрешение Лазаря», «открывающее „страстную“ седмицу Великого поста»¹. К Страстной теме имеет отношение изображение Христа, беседующего с богатым юношей (южная стена жертвенника).

Еще одной сценой в росписи северного помещения алтаря, связанной с темой жертвы Христовой, темой литургической, является «Видение св. Петра Александрийского» — самый ранний из известных примеров в монументальной живописи. В Иерусалимской литургическом

¹Сарабьянов В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2007. С. 98.

свитке конца XI в. этот сюжет «соответствует молитвам перед причащением и ему сопутствует сцена казни св. Петра, что, несомненно, усиливает жертвенный аспект данного изображения»². Однако сцена имеет еще один смысловой пласт, который связан с богословской полемикой XI–XII вв. (вопросами о природе евхаристической жертвы и соединении во Христе божественной и человеческой природы). На такое предположение наталкивает обилие в росписи Спасо-Преображенского храма композиций и образов, так или иначе соотносящихся с ересями разного времени и толка.

В дьяконнике церкви Евфросиниева монастыря имеется целый ряд ветхозаветных сцен, имеющих прообразовательный смысл, а нередко — несколько символических значений. «Три отрока в печи огненной», «Даниил во рву львином», «Жертвоприношение Авраама» вместе с «Чудом в Хонех» и «Лестницей Иакова», помещенной в жертвеннике, относятся к истории деяний ангелов и определяют тему явления Бога, испытания и личного воздания за жертву и спасения верных. Здесь же следует упомянуть сцену «Христос и самарянка», написанную на южной стене дьяконника.

Состав изображений, размещенных на стенах жертвенника и дьяконника Спасского храма, а также характер трактовки этих «обособленных» помещений, позволяет предположить, что здесь были устроены приделы, где совершались особые богослужения, в пользу чего свидетельствует наличие в них литургических ниш, сцены Страстей в жертвеннике и «Жертвоприношение Авраама» (прообраз жертвы Христовой) в дьяконнике.

В.П. Степаненко

Уральский государственный университет имени А.М. Горького (Екатеринбург)

К просопографии рода Апокапов в Византии*

Недавно на сайте одного из интернет-аукционов появилась печать, файл которой был любезно предоставлен нам М. Бутырским. На лицевой стороне изображена Богоматерь Епискеписис погрудно с младенцем Христом в медальоне. На оборотной стороне надпись в шесть

²Лифшиц Л.И. Фрески Феофана Грека в Троицком приделе церкви Спаса на Ильине улице (Об иконографической программе росписи) // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. СПб., 2002. С. 281.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

строк: «Богородица. Помоги твоему рабу Фарасману патрикию анфипату, Апокапу».

В настоящее время просопография рода Апокапов известна недостаточно полно. Относительно хорошо известен лишь *cursus honorum* Василия, сына Апокапа. Издан моливдовул Константина Апокапа, патрикия и стратига. Фаресман Апокап известен как участник похода Романа Диогена против сельджуков в 1069 г. Недавно И. Иордановым была издана печать Фаресмана, протоспафария и стратига Струмицы, приписанная им Апокапу. На лицевой стороне ее также помещено изображение Богоматери Епискепис. Так что тождество владельцев обеих печатей вполне вероятно.

Просопография Апокапов, предложенная М. Грюнбартом, предельно гипотетична, принадлежность к ним ряда персонажей, упомянутых в завещании Евстафия Воилы (1059), вероятна, но в настоящее время недоказуема. Разрешить этот вопрос в состоянии лишь публикация неизвестных ныне моливдовулов. В то же время А.П. Каждан в рецензии на издание Скилицы (1973) отметил вставку Венской рукописи о том, что в плену у Самуила (т. е. до 1014 г.) находились армянские воины, знатнейшими среди которых были сыновья Василия Апокапа — Григор и неизвестный. Дата свидетельствует о том, что Апокапы были «выведены» Василием II из Тао в 1000 г. вместе с Цоцикиями, Пакурианами и Вкхаци. Известный Василий Апокап (сын Апокапа) явно принадлежал к следующему поколению семейства, так как был назван в честь деда, что было традиционно. К тому же Маттэос Урхайеци называет отца Василия стражем шатра владетеля Тао Багратида Давида Куропалата († 1000).

По-видимому, Апокапы действительно входили в ближайшее окружение Давида и после его смерти оказались на византийской службе, подобно Пакурианам, Чортванели, Вкхаци и Цоцикиям. Напомним, что в 1016 г. стратигором Доростола был Цоцикий-Джоджик, сын патрикия Февдата, ктитор росписи храма Иоанна Предтечи в Ошки (Тао) в 1036 г. В 1064 г. дукой то же феми Паристион-Парадунавис-Доростол был Василий, сын Апокапа. Наконец, на Балканах располагались владения Пакурианов, в пользу чего свидетельствует значительное количество принадлежавших им печатей, найденных на территории Болгарии.

Вопрос о принадлежности персонажей завещания Евстафия Воилы (1059), дуки Михаила и его сыновей магистра Василия и вестарха Фаресмана, к роду Апокапов остается дискуссионным. К.Н. Юзбашян считал, что сын дуки Михаила, магистр Василий, не тождественен Василию, сыну Апокапа, так как у них разные отцы. Р.М. Бартиян, полагал что

вестарх Фаресман завещания не тождественен весту Фаресману Апокапу, которому в 1069 г. во время сирийского похода против сельджуков Роман Диоген передал в управление Мембидж. А. Саввидис отождествляет дуку Михаила с Апокапом Маттэоса Урхайеци и, соответственно, его сыновей Василия — с Василом, сыном Апокапа, Фаресмана — с Фаресманом Апокапом, что также вероятно, но недоказуемо.

Действительно, твердой уверенности в этом тождестве нет, хотя принадлежность дуки Михаила и его сыновей к фамилии Апокапов более чем вероятна, учитывая, что в армянских семьях существовал традиционный набор фамильных имен, повторявшихся через поколение. В настоящее время родственные связи Апокапов известны нам фрагментарно. Василий Апокап и его сыновья Григорий и неизвестный (до 1014 г.), Апокап (если это имя, а не патроним) и его сын Василий в 30–60 гг. XI в., Константин Апокап, патрикий и стратиг (сер. XI в.). Возможно, Апокапами были дука Михаил и его сыновья, магистр Василий и вестарх Фаресман завещания Евстафия Воилы. По крайней мере, среди Апокапов были Фаресманы (данная печать). В дальнейшем, по видимому, имя Фаресмана стало патронимом его потомков. Известны печати протоспафария и стратига Апокапа Фаресмана (коллекция Тьерри), неизданные печати Симеона Фаресмана, Константина Фаресмана (?) (коллекция Орхидан). Подобное мы встречаем и среди потомков Чортванели, взявших себе в качестве патронимов имена братьев Торника — Варазваче и Чортванела.

В целом можно констатировать, что просопография «ивирских» фамилий в Византии XI в. медленно, но верно пополняется, и следует ждать публикаций новых печатей из частных собраний, в том числе российских и украинских, для определения места данных фамилий в византийской провинциальной администрации и в элите XI в.

И.А. Стерлигова

Музеи Московского Кремля, Государственный институт искусствознания

Византийские древности в Музеях Московского Кремля: итоги работы над каталогом

Проводившаяся в 2005–2010 гг.¹ в Музеях Московского Кремля работа над научным каталогом памятников византийского искусства и культуры, в том числе и добытых на территории Кремля археологами, позволила выявить и подготовить к публикации несколько десятков

¹В 2005–2007 гг. — по гранту РГНФ 2005.

неизвестных ранее предметов. Напротив, некоторые артефакты, в научной литературе XX в. считавшиеся византийскими, отнесены к своего рода «россиике»: на них обнаружены славянские надписи. Появилась возможность сделать и некоторые общие выводы.

Изучение великокняжеских духовных грамот, описей Царской казны, Образной палаты, учетных документов царского и императорского дворов, Оружейной палаты, Посольского приказа, Патриаршей ризницы, кремлевских церквей дало возможность не только проследить судьбы отдельных художественных произведений, но и впервые представить собрание как историческое, по своему государственному значению подобное византийским собраниям венецианского собора Сан Марко и Сент-Шапель в Париже.

Историческое ядро кремлевской византийской коллекции сложилось в XIV–XVII вв. Она состоит из трех групп предметов: бытовавших на Руси до XIV в., попавших в Москву из других русских земель или найденных вкладах; созданных в XIV–XV вв. греческими мастерами в России; переместившихся в Москву после падения Византии. Последние в большинстве своем были дарами иерархов Православного Востока, но некоторые предметы по ряду косвенных признаков можно связать с деспиной Зоей Палеолог.

Среди памятников, сохранявшихся в Кремле в течение столетий, для истории византийской культуры есть несколько основных. Это серебряный мощевик XI в. в виде кувуклия великомученика Димитрия Солунского, два из трех известных лицевых саккоса палеологовской эпохи, единственный в мире византийский золотой оклад с чеканными лицевыми изображениями — он был создан мастерами митрополита Фотия для Владимирской иконы Богоматери.

Небольшую, но важную группу составляют и византийские древности, попавшие в XIX в. к российским императорам и переместившиеся в музей уже после революции. Среди них греческое иллюминированное Евангелие 1271 г. (ил. 1), в 1862 г. присланное Александрийским патриархом Иаковом в дар императрице Марии Александровне через А.С. Норова², а также миниатюрная ставротека перегородчатой эмали, приобретенная императором Александром II у князя И.Г. Грузинского, унаследовавшего родовые святыни своего прадеда — грузинского царя Георгия XII.

²В сентябре 1917 г. Евангелие было эвакуировано из Аничкова дворца в Петрограде и сдано на хранение в Оружейную палату, в 1922 г. поступило в музей и с тех пор в научной литературе не фигурировало.

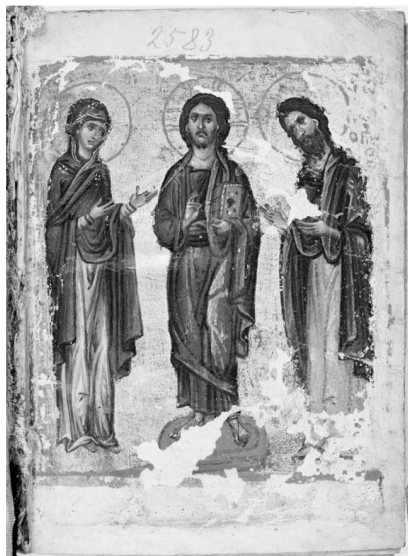

Рис. 1. Деисус. Миниатюра из Евангелия. Константинополь(?), 1271 г.
Музеи Московского Кремля, инв. № Кн-126. Л. 1.

Одной из задач, стоящих перед авторами каталога, было исследование исторических судеб кремлевских византийских памятников. В XIV–XVII вв. «царьградские» кресты, ковчеги, драгоценные иконы ценились не только из-за священных вложений и художественного совершенства, они олицетворяли важнейшие понятия русской государственности, входили в царское родословие, были героями преданий. Как выяснилось, не меньшей мифологизации подверглись кремлевские древности в XIX в. К этому времени они были уже полностью растворены среди древностей отечественных, значимая часть их была утрачена или переместилась в Петербург. В середине XIX в. при создании научной Описи Оружейной, с 1806 г. существовавшей как музей правящей династии, некоторые предметы по «высочайшему заказу» были совершенно бесосновательно связаны с историческими документами и личностями. К сожалению, некоторые легендарные «атрибуции» за последующие полтора столетия прочно закрепились в научной литературе. Так, частично сохранившаяся византийская ставротека XI–XII вв. (ил. 2) была в ту пору «назначена» известным по духовным грамотам «крестом

Рис. 2. Ставроотека, с середины XIX в. именуемая «Филофеевской». Константинополь, конец XI — первая половина XII в. Музеи Московского Кремля.

Рис. 3. Димитрий Солунский. Резная стеатитовая икона в серебряном окладе, с XIX в. отождествляемая с моленной иконой великого князя Дмитрия Донского. Константинополь, начало XIV в. Музеи Московского Кремля.

Филофеевским», якобы привезенным в Москву в 1354 г. митрополитом Алексием как благословение константинопольского патриарха Филофея Коккина великому князю Ивану Ивановичу, а стеатитовая икона Димитрия Солунского, созданная и украшенная серебряным окладом в начале XIV в. (ил. 3) — благословением византийского императора великому князю Дмитрию Донскому, якобы присланным перед Куликовской битвой. Последняя «атрибуция» возникла в среде ревнителей древнего благочестия, почитавших икону после ее похищения старообрядцами в 1812 г. из Кремля.

К выявлению среди кремлевских святынь произведений византийского искусства или, напротив, опровержению легенд об их царьградском происхождении (шапки Мономаха) исследователи обратились уже в последней четверти XIX в., но последовательно изучать и комплектовать византийские памятники в Оружейной палате стали с 1920-х гг., когда она превратилась в музей декоративно-прикладного искусства. Эта работа, почти прерванная после 1929 г. из-за репрессий и войны, возобновилась в 1960-е гг., когда музей стал, наконец, общедоступным. В современной России появилась возможность всестороннего изучения предметов: и как памятников византийского искусства и отечественной истории, и как православных святынь.

С.В. Тарханова

НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)

Проблема генезиса христианской базилики на примере храмовой архитектуры Палестины V в.

На территории Римской империи в позднеантичный период повсеместно происходил сложный, неоднозначный процесс смены прежних религий (язычество, ветхозаветная религия евреев) на новую, христианскую. Он обладал противоречивыми свойствами: с одной стороны, отрицался предшествующий опыт многих поколений, с другой стороны — общество не могло целиком от него отказаться и во многом апеллировало к уже сформировавшимся традициям, как в области мысли, так и искусства и архитектуры. Мой интерес сводится к тому, чтобы показать уникальность этого синтеза на основе анализа архитектурных памятников этого периода. Как известно, христианские постройки появлялись в древних городах, рядом или на месте языческих святилищ или синagog. Так произошло, например, и в одном из городов Декаполиса на территории Сев. Палестины, в Хиппос-Суссите. Северо-западный храм

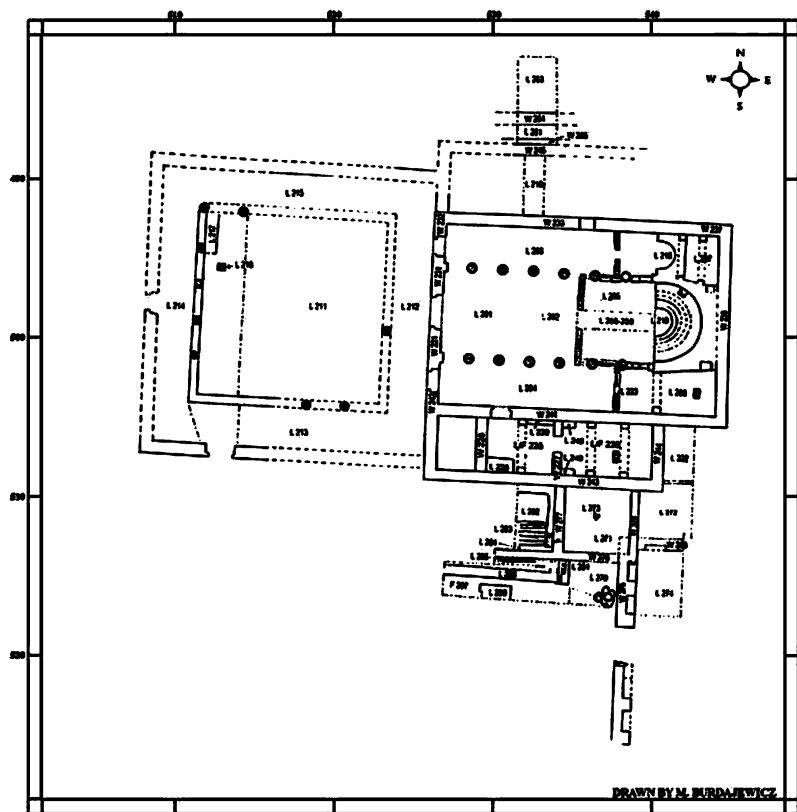

Рис. 1. План северо-западного храма в Хиппос-Суссите.

(условное название), приблизительно датирующийся концом V в., был выстроен на основании римского святилища, разрушенного в неизвестный период времени. Интересным образом прежняя постройка повлияла на новую буквально на всех уровнях, от ее планировки до крупных и малых деталей. Хотя в самом полисе синагог не было найдено даже в течение последних очень тщательных раскопок, некоторые архитектурные свойства объединяют христианский храм с традицией строительства синагог в соседних регионах Галилеи и Голанских высот. Этот недавно открытый археологический материал позволяет значительным образом расширить представление о генезисе христианской базилики.

Данная проблема последний раз рассматривалась западными учеными в середине прошлого века, в основном, на итальянском и константинопольском материале, что не позволяет считать сделанные выводы универсальными и исчерпывающими. В отечественной науке она рассматривается впервые.

А.А. Тюняев

Институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации (Москва)

Византино-древнерусские торговые связи

В недавнем докладе в Институте археологии РАН¹ нами были предложены статистические данные об археологических памятниках из двенадцати областей Центральной России. В разные исторические эпохи здесь проживало гораздо более многочисленное население, чем принято считать: с железного века по развитое средневековье — 13 195 памятников. В Ярославской области расстояние между соседними поселениями составляло всего нескольких сотен метров по берегам рек. Численность населения к X в. достигла двенадцати миллионов. Выявленный автохтонный характер русского населения (начиная с эпохи мезолита — с XV по VI тыс. до н. э.)², подтверждается генетиками³. То есть к северу от Византии существовал могучий торговый сосед, с которым Византию связывали сразу нескольких торговых путей.

В I тыс. до н. э., за несколько веков до открытия греками Великого шелкового пути, по ранее сформированному «нефритовому» торговому пути двигались изделия из шелка. Из Центральной Руси на восток — через Дон, Воронежские земли, Нижнее и Среднее Поволжье, Северный Каспий, Южное Приуралье, Среднюю Азию и заканчивался в восточных землях скифов⁴. Если в Китае шелк стал повсеместно известен к VI–V вв. до н. э., то в это же время шелк обнаружен на востоке — в скифских

¹Тюняев А.А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) / Отв. ред. Н.А. Дубова. Т. 1. М., 2010. С. 242.

²Алексеева Т.И. Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М., 1997. С. 82.

³Клёсов А.А., Тюняев А.А. Гипотеза о появлении гаплогруппы I на Русской равнине 52–47 тыс. лет назад // Вестник новых медицинских технологий. Тула, 2010. Т. XVII. № 3. С. 189–191.

⁴Скрипкин А.С. Великий шелковый путь в истории Юга России. Ч. 1. 1994. С. 135.

курганах Алтая VI–V вв. до н. э.⁵, на западе — в Баварии (VI–V вв. до н. э.), в Македонии (1-я пол. IV в. до н. э.), в Кельне (IV в. до н. э.)⁶.

В Византии шелковый текстиль был важнейшим объектом международной торговли. Согласно договору Игоря с Византией 945 г. раб оценивался в два куска шелка. Шелком уплачивали государственные долги, награждали, одаривали царей и послов, выплачивали жалование наемникам⁷. Но в Византии шелка не являлись массовой продукцией для внешнего рынка, их производство было государственной монополией: в X в. продажа иностранным купцам была запрещена; в XI–XII вв. экспорт из Византии был сильно ограничен⁸.

На Руси шелковые ткани обнаружены более чем в 200 пунктах. Максимум находок — в Московской, Владимирской, Ивановской и Ярославской областях, где наблюдался и рост населения. Вдоль Дона находки отсутствуют. Основным торговым «шелковым» путем в Византию был Днепр. Богатство шелками Москвы по сравнению с Киевом ставит вопрос о киевской «столичности». По музейным коллекциям и архивным данным зафиксировано более 400 находок шелкового текстиля. Из них 350 фрагментов происходит из рядовых курганных захоронений сельского и городского населения. В некоторыхкладах предметы украшения были завернуты в кусок шелковой ткани, что говорит о его невысокой стоимости⁹.

На карте Абу Рейхана ал-Бируни (1030 г.) показаны Рум (Византия), Русь, Персия, Аравия и Туран — пять главных участников Великого торгового пути, северная часть которого шла через Русь, а южная — через Персию в Византию. Шелка двигались не только из Византии на Русь (дорогие образцы), но и из Руси в Византию. На многих русских памятниках раскопками выявлено по несколько образцов различных сортов шелка, которые, по мнению специалистов, составляют лишь небольшую часть того множества шелковых тканей, которые обращались на русском рынке. Из Руси шелк экспортировался в Западную и Северную Европу: привезенный с Востока шелк найден в Финляндии, в могильнике X в.;

⁵Глушкова Т.Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири. Автореферат, 2004. С. 53.

⁶Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). Автореф. дис. д. и. н. Л., 1989. С. 82–84.

⁷Дьяконова Н.В. «Сасанидские» ткани // Труды ГЭ. 1969. Вып. X. С. 42–44.

⁸Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976. С. 203.

⁹Фехнер М.В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // Советская археология. 1982. № 2. С. 90.

во французской литературе XII–XIII вв. шелковые ткани называются «русскими»¹⁰.

В могильниках шведского города Бирки, где начинался путь «из варяг в греки», связывающий в XI–XII вв. Швецию с Русью, Византией, Ближним Востоком, Средней Азией, археологи находят фрагменты шелковых тканей из Китая, сосуды из Ирана, ювелирные изделия из Византии и Древней Руси. Здесь найдено более 50 тысяч арабских, более 90 тысяч европейских монет и всего около 800 византийских монет, что указывает на соответствующую роль Византии в северной торговле.

Византия образовалась на одном из самых оживленных торговых путей железного века и раннего средневековья, связывающих Восток с богатейшими северными землями Руси. Это во многом обеспечило быстрое становление и прочное процветание Византийскому государству. Показан только шелковый путь, помимо него с древнейших времен существовали «лазуритовый», «стеклянный», «серебряный» и др. пути, которые увеличивали масштабы торговых отношений Руси и Византии кратно.

Л.Г. Хрушкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Вымостки *opus sectile* в Причерноморье и Киеве: средиземноморский контекст

Тема настоящего сообщения следует традиционному интересу российской византистики к проблеме «Византия и соседи», речь идет о памятниках понтийских регионов и домонгольского Киева.

Вымостки *opus sectile* из плит разноцветного мрамора, начиная с римской эпохи, существовали в Средиземноморье на протяжении полутора тысячелетий. Различают три типа вымосток: «большого модуля», «среднего модуля» и «малого модуля». В восточной части Римской империи были распространены «геометрические вымостки *opus sectile* малого модуля»¹.

¹⁰Фехнер М.В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси // История и культура Восточной Европы. М., 1971. С. 43–44; Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 154.

¹Guidobaldi F., Giglia Guidobaldi A. Pavimenti marmorei di Roma dal IV al IX secolo. Città del Vaticano, 1983. P. 319–348.

В Восточном Причерноморье вымостка *opus sectile* была открыта несколько лет назад в базилике, составлявшей часть раннехристианского комплекса октогональной церкви в Севастополисе (совр. Сухум). Возведенный в первой пол. V в., комплекс был разрушен в 542 г. во время византийско-персидской войны. Вымостка, выполненная из керамических и мраморных плиток «малого модуля», частично сохранилась в центральном и южном нефах. В базилике Севастополиса использовано две декоративные схемы. В первом случае в центре четырех квадратных плиток с дугообразно вырезанными углами помещена круглая вставка из мрамора. В другом случае четыре шестиугольных удлинненных кирпича образуют октогон, с мраморным квадратом в центре (рис. 1, 2). Этот же вариант применен в вымостке помещения в комплексе римской виллы IV в., открытой раскопками в селе Бобоквати, близ Цихисдзири (византийская Петра), в Западной Грузии. Здесь видим другую версию сочетания мрамора и терракоты (рис. 3). Родиной этого популярного на Востоке орнамента считается ареал Сирия-Кипр, особенно район Антиохии. Этот мотив сохранится в декоративном репертуаре эпохи средних веков, как на Востоке, так и на Западе.

В крымской базилике в Партенитах весь пол был выполнен в технике *opus sectile* «малого модуля», из каменных и керамических плит, образующих различные геометрические мотивы. Вымостка особенно важна в свете дискуссий последних лет о дате базилики (VI в., вторая пол. VIII или X в.?). Особенности техники и репертуара мотивов партенитской вымостки указывают на переходный период от поздней античности к средним векам. Возможно, строительство базилики было связано с захоронением епископа Иоанна Готского.

В средневизантийское время преобладающей декоративной схемой полов *opus sectile* стали круги разных размеров, чаще переплетенные. Прототип этой схемы — большой *омфалос* в сочетании с дисками поменьше в вымостке церкви Св. Софии в Константинополе. В Херсоне подобная схема декора применена в вымостке церкви № 34, построенной в X–XI вв. К тому же времени относятся неопубликованные фрагменты пола из экспозиции Музея «Херсонес Таврический» (рис. 6). Единственный пример пола *opus sectile* в Киевской Руси известен в Десятинной церкви 989–996 гг. (рис. 5). Здесь в центре сохранившегося панно помещен круг, его окружают сегменты четырех таких же кругов. В этой же вымостке использован позднеантичный мотив октогона, составленного из удлинненных шестиугольников с квадратом в центре (рис. 4).

Венеция и ее окрестности — район распространения вымосток *opus*

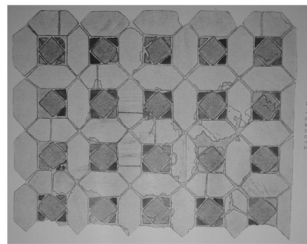
1

2

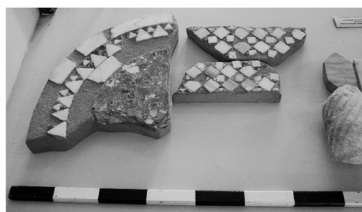
3

4

5

6

Рис. 1. Севастополь, базилика (фото Л.Г. Хрушковой).

Рис. 2. Севастополь, базилика (фото Л.Г. Хрушковой).

Рис. 3. Бобовкати, римская вилла (фото А. Плонтке-Лунинг).

Рис. 4. Киев, Десятинная церковь (по: Казгер М.К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской Академии художеств. Л., 1947. Табл. II).

Рис. 5. Киев, Десятинная церковь (по: Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn 26. Februar bis 13. Juni 2010. Hirmer, 2010. № 437).

Рис. 6. Херсонес, неуставленное сооружение ок. XI в. (фото Л.Г. Хрушковой).

sectile византийского стиля в Италии: Сан Марко, не ранее конца XI в., базилика в Торчелло XII в., церковь Свв. Марии и Донато в Мурано 1141 г. Основа их декора — переплетенные круги, которые сочетаются с мелкими геометрическими мотивами, кое-где добавлены зооморфные изображения. Начиная с конца XI в. в Италии, в особенности в Риме, распространился еще один тип полов *sectilia* — работы мастерской Космати. В вымостках стиля «косматеск» также преобладают переплетенные круги — свидетельство византийского влияния. Для украшения стен и литургических элементов мастера круга Космати применяли технику мозаичной инкрустации по мрамору. Древнерусские примеры техники инкрустации в камне происходят из церквей Св. Софии в Киеве и Св. Софии в Новгороде — более ранних, чем первые памятники стиля Космати.

Техника и орнамента вымосток полов *opus sectile* послужили образцом для полов из поливных керамических плиток, которые широко применялись в древнерусских церквях — техника, пришедшая из Болгарии. В их репертуаре встречаются мотивы, идущие из поздней античности. В частности, в вымостке XVII в. в Десятинной церкви использован такой же мотив квадратов с вырезанными углами и дисками, как в базилике V в. в Севастополисе.

Декорация полов *opus sectile* — иллюстрация давнего наблюдения Ф.И. Буслаева о том, что древнерусская культура, через Византию (более конкретно — через Константинополь и понтийские регионы), была связана с раннехристианской и античной традицией Средиземноморья.

А.А. Чекалова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Выходцы с Запада в ранневизантийском обществе*

При всем том, что Греческий Восток вошел в состав Римской империи в результате завоевания римлянами эллинистических государств, истинной романизации он не подвергался. Влияние римлян сказалось скорее на внешнем облике городов, которым новые правители старались придать более величественный облик¹. Иначе обстояли дела в социальной сфере. Римское владычество, накладываясь сверху, не затрагивало существа греческого полиса, и если на Западе высшим социаль-

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а.

¹Saradi H.G. The Byzantine City in the Sixth Century. Literary Images and Historical Reality. Athens, 2007.

ным слоем являлась сенаторская аристократия, то на Востоке безраздельно господствовала провинциальная муниципальная знать.

Подлинная романизация греческого Востока начинается со времени Константина I, основавшего Константинополь и сделавшего его своей новой резиденцией, более того — столицей, положившей начало новой византийской эре. Вместе с императором на берегах Босфора оказалось немало выходцев с Запада. Это, в первую очередь, было латиноязычное окружение императора, его двор и имперский аппарат, многочисленные военные разных рангов. Исследования последних лет показывают, что именно в IV в. идет усиленная бюрократизация империи. Личные службы императора превращаются в государственные учреждения; консисторий, являвшийся ранее неофициальным советом при императоре, стал важнейшим органом государственной власти. Число служб расширяется. Именно при Константине и его сыне Констанции II возникает новый тип карьеры сенатора — через службу в государственном аппарате².

На Востоке, где местная аристократия в сознании своей культуры и гордости предками не уступала римской старинной аристократии, отношение ко всей этой публике было откровенно враждебным, что нашло отражение в словах ритора Евнапия, написавшего: «...основатель города наполнил его пьяной, прожорливой толпой, слишком тупой, чтобы правильно произносить его имя» (*Eunapii Vita sophistarum*. VI. 2. 8.).

Ряд исследователей, правда, считает, что за Константином в новую столицу последовало значительное число представителей римской старинной аристократии, которая составила основное ядро во вновь созданном в Константинополе сенате. В действительности же в намерения Константина, создававшего новый, свободный от груза старых традиций центр управления, не входило переселение на Восток части старой римской аристократии, сковывавшей его деятельность в Риме. Просопографический анализ ближайшего окружения Константина и членов сената того времени позволяет утверждать, что опорой императора в его новой столице являлась отнюдь не римская родовитая знать, а ближайшее окружение императора. Число же римских сенаторов, оказавшихся на берегах Босфора, достигло всего лишь 16 человек за весь IV в.! Важно и другое: большая часть сенаторов (14 из 16) после исполнения своих должностей опять возвращалась на Запад. Показательно при этом, что

²Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя (IV — первая половина VII века.) М., 2010. С. 71–80.

в двух других случаях (речь идет о Септимии Акиндине и Юсте 2³) мы просто не имеем сведений об их дальнейшей судьбе.

Показательно также отношение римлян к исполнению должностей на Востоке. Когда Никомакх Флавиан 14 получил пост проконсула Азии, его отец Вирий Никомакх Флавиан 15 всячески задерживал его, не желая отпускать его служить магистратом отдаленной провинции. Для него Восток был чужим отдаленным краем, не более того. Никакого почета для своего, видимо, еще достаточно молодого сына он в этом назначении не видел.

Другие выходцы с Запада принадлежали к иным социальным слоям и нередко являлись выходцами не столько из Рима и Италии, сколько из других областей Запада, например Галлии и Испании, хотя число их было также весьма незначительным.

Ряд исследователей полагает, что выходцы с Запада играли важную роль в особенностях складывания византийского православия. Так, Дж. Мэтьюз, отмечая распространение на Востоке христианства, связывает этот процесс с воздействием испанского окружения Феодосия I⁴. Бросается в глаза, однако, что испанцев, занимавших видное место в окружении Феодосия, было всего лишь четверо, т. е. Матерн Кинегий, Флор, Небридий 2 и Нуммий Эмилиан Декстер. Важно отметить при этом, что лишь у одного из них, Нуммия Эмилиана Декстера, бесспорно испанское происхождение, ибо доподлинно известно, что он был сыном епископа Барселоны Пациана⁵. В остальных трех случаях можно строить лишь предположения. Существенно и другое: из тех испанцев (а мы помним, что большая их часть являлись испанцами лишь предположительно), которые последовали на Восток за Феодосием, никто, в сущности, не задержался там надолго и не оставил своих корней, наличием и влиянием которых можно было бы объяснить дальнейшее укрепление там христианства в некоем испанском варианте.

В целом просопографический материал свидетельствует скорее об обратном, а именно о том, что выходцы с Запада сами оказались под влиянием более высокой культуры греческого Востока, который сумел им противостоять. Многие из них (особенно представители римской сенаторской знати) еще до приезда в Константинополь изучали греческий

³The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971. Vol. 1. (Далее: PLRE. I). P. 11: 490.

⁴Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425. Oxford, 1975. P. 146–171.

⁵PLRE. I. P. 251: Numius Aemilianus Dexter 3.

язык, который они всегда считали языком высокой культуры, другие, как префект претория Востока в 392–395 гг., выходец из Галлии Руфин 18⁶, изучили его по приезду в Константинополь. Сердца их (как у галла Секунда Сатурниния Салютия 3, исполнявшего должность префекта претория Востока в 361 и 365–367 гг.⁷) наполнялись гордостью, если они могли себя причислить к друзьям выдающихся представителей греческой духовной элиты, каким являлся, в частности антиохийский ритор Ливаний.

Д.А. Черноглазов

Санкт-Петербургский государственный университет

Византийский эпистолярный этикет IX–XIII вв.: итоги и перспективы исследования

Византийский эпистолярный этикет — сложный церемониал, определявший реакцию эпистологафа в различных ситуациях: для каждого эпистолярного случая были предусмотрены определенные мотивы и формулы, отчасти восходившие к позднеантичной традиции. Охарактеризовать этикетные нормы византийского письма и проследить их эволюцию на протяжении византийского тысячелетия — задача, несомненно, актуальная: с одной стороны, такое исследование позволит написать историю жанра и рассмотреть ее в сравнении с другими жанрами; с другой — знание «правил игры» поможет вернее интерпретировать каждое отдельное послание и как исторический источник, и как литературное явление.

Интерес ученых к византийской эпистографии в последние десятилетия неуклонно растет, но, в то же время, этикетные нормы письма остаются малоизученными. Наиболее подробно исследованы эпистолярные клише ранневизантийской эпохи. Лишь недавно была сформулирована проблема эволюции жанровых канонов, которые прежде *ex silentio* предполагались статичными и неизменными от IV до XV в.

В нашем исследовании мы ограничились средневизантийским периодом — с IX по начало XIII в. Мы попытались описать этикетные нормы, существовавшие в ту эпоху для нескольких эпистолярных ситуаций: похвала полученного письма, трактовка подарка, жалоба на болезнь, рекомендательное письмо. Исследование привело к ряду интересных выводов. Так, стало ясно, что на протяжении четырех столетий каноны

⁶PLRE. I. P. 778–781: Flavius Rufinus 18.

⁷PLRE. I. P. 814–817: Saturninius Secundus Salutius 3.

византийской *ars dictaminis* заметно менялись. Эволюция была постепенной, но ключевым моментом была, по-видимому, середина XI в. Существенную роль сыграло творчество Михаила Пселла, имплицитный «диалог» с которым вели последующие поколения эпистолографов.

Эволюцию жанровых канонов удалось проследить во всех перечисленных эпистолярных ситуациях. Так, например, в IX–X вв. полученное послание было принято оценивать, главным образом, как «образ души» или «добродетелей», то в XII отмечалось, в первую очередь, риторическое изящество письма. В IX–X вв. подарок трактовался чаще всего как иносказание или знак дружбы, а начиная с Михаила Пселла основное внимание переносится на материальные свойства подарка. В эпоху Македонского ренессанса жалобы на болезни, как правило, лаконичны и абстрактны, а послания Комниновской эпохи, напротив, изобилуют натуралистическими деталями и медицинской терминологией.

Был выявлен и ряд общих закономерностей: в Комниновскую эпоху эпистолярный церемониал становится менее чинным и строгим, чем прежде — для XII в. удастся выделить намного меньше повторяющихся этикетных формул, чем для X в. Неотъемлемой частью эпистолярной игры делается дружеский юмор: предметом насмешек оказывается и полученный подарок, и письмо, и собственный тяжелый недуг. Успех рекомендательного письма нередко решает не похвальная характеристика протее, а изящная карикатура на него. Все отмеченные метаморфозы были проанализированы в широком контексте литературы того времени — выяснилось, что каждая из них была откликом на общие тенденции в развитии культуры византийцев, в той или иной мере отразившиеся и на истории других жанров, главным образом, эпидейктического красноречия и историографии.

Итоги проделанной работы побуждают к ее продолжению. В ближайшей перспективе предполагается, ограничившись теми же временными рамками, исследовать этикетные нормы, сложившиеся для иных эпистолярных ситуаций. Среди них, в первую очередь — утешительное письмо, письмо из изгнания, жалобы на молчание, мотивировка начала переписки.

В своей важнейшей работе «*Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*» А.П. Каждан указал общее направление, в котором византийская культура развивалась на протяжении X–XII вв. Детальный анализ эволюции эпистолярного этикета дает возможность проследить этот сложный и противоречивый процесс шаг за шагом.

Н.П. Чеснокова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Пределы и границы в политической географии Никиты Хониата

Пространство Восточно-Римской империи традиционно рассматривается учеными в контексте географических знаний, существовавших в средневековой науке. В последнее время предметом изучения становится геополитическая история или представления о пространственном историко-политическом континууме Византии. В поле зрения историков находятся и сочинения видных византийских писателей, среди которых Никита Хониат занимает особое место. Исследуя «Историю» Никиты Хониата (ок. 1155–1217) А.П. Каждан писал, что автор далеко не безразличен к разным областям Византийской империи. «Чаще всего Никита упоминает те, с которыми, так или иначе, сопрягается его жизненный путь. Прежде всего, — это «мои Хоны», и затем города по реке Меандр, расположенные по соседству и, видимо, с детства знакомые; помимо того, Филиппополь, где некоторое время Хониат служил наместником. Остальные города и районы появляются реже, довольно sporadично». На самом деле географическая номенклатура «Истории» чрезвычайно богата. Идентификация отдельных топонимов, использованных Никитой Хониатом, до сих пор представляет большие затруднения для современного читателя.

Согласно законам классической эллинской литературы пространство Византии определяется местом действия императоров, главных героев повествования. На первых же страницах сочинения предстают малоазийские территории, хорошо известные Хониату (долина реки Меандр, Лаодикея, Созополь), а также более отдаленные местности Армянской Киликии или Пафлагония и Армениак. При описании военных походов императора Иоанна II Комнина (1118–1143) возникают образы Фракии, а затем Сирии и Месопотамии. Антиохия, некогда крупнейший полис Византии, утраченный ею в ходе арабских завоеваний VII в., через пять столетий формально вернулся на политическую карту империи, т. к. был отдан Византией в ленное держание крестоносцам.

Западноевропейские народы, с которыми Иоанну II удалось сохранять мирные отношения, станут главными противниками Византии при Мануиле I (1143–1180). Внешняя политика Мануила Комнина по отношению к Западу в историографии чаще всего рассматривается как экспансионистская, целью которой была едва ли не реставрация империи

в границах VI в. Василевс организовал затратные итальянские экспедиции, чтобы остановить западную опасность на ее же территории. В результате жители итальянских городов, например, Анконы, получили гражданские права наряду с ромеями. Так распространение на невизантийские земли действия законов империи меняло ее политическое пространство. Хотя превентивные меры Мануила I и не принесли ожидаемых результатов, Никита Хониат солидарен с императором, называя его прилежным земледельцем, который выпалывает сорняки до того, как они разрастутся.

Василевсы-воины династии Комнинов отстаивали свои пределы от натиска варварских народов со всех сторон света. И если ситуация на Западе страны была более или менее определенной, хотя бы с точки зрения прогнозирования опасности, а на Севере успешно решалась не только военной силой, но посредством дипломатии и династических браков, то положение восточных территорий менялось часто и непредсказуемо.

Границы Византии XII в., очерченные на современных картах сплошной линией, в действительности выглядели иначе. Их можно представить точками, обозначающими населенные пункты и крепости. Пространства, расположенные между заселенными территориями, активно осваивались иноплеменниками, в частности использовались турками для выпаса скота. Недаром Хониат сравнивал тюркские племена с огромным стадом овец, которое разбрелось по византийским пределам.

Многие малоазийские города, о которых говорит Никита Хониат, на протяжении столетия неоднократно переходили из рук ромеев к туркам и обратно. Только упоминание историка о том, что византийским городом командовал «перс», позволяет определить, кому он принадлежал в данный период. Указание автора «Истории» на тот факт, что некий населенный пункт платит, или еще недавно платил подати в византийскую казну, также свидетельствует о его политическом и административном подчинении.

Хоны (древние Колоссы), родной город Никиты, действительно неоднократно встречается на страницах «Истории». И хотя автор называет его «обширным и богатым», единственная достопримечательность, которую отмечает писатель, — прекрасный храм Михаила Архангела. Никита покинул родину в возрасте 9 лет, чтобы отправиться в Константинополь к своему брату Михаилу, будущему митрополиту Афинскому. Видимо, в его памяти сохранились только самые яркие впечатления детства. Однако ностальгическая картина Хон возникает в повествовании не только с целью увековечить родные места.

Значение города в историческом сочинении определяется его местом в происходящих событиях. Хоны посетил Мануил II, который только что наследовал престол в обход старшего брата Исаака. Здесь ему было сделано предсказание о долгом и благополучном правлении. Хоны оказались почти на границе государства, подвергаясь нападениям то византийского вельможи-ренегата, то самозванца Лжеалексея, которые возглавляли турецкие отряды. При Феодоре Ласкаре (1205–1221/22) Хоны стали владением зятя иконийского султана. В судьбе одного города отразилась история целого государства.

Главное место в повествовании отводится Константинополю, но не только потому, что такова литературная традиция, восходящая к X в., и не потому, что царственный град — центр страны и всей ойкумены. Именно в Константинополе все туже затягивается узел внутри- и внешнеполитических проблем. Город Константина становится ареной борьбы за власть представителей царствующей династии и вожденной целью вождей крестоносцев. После Мануила Комнина византийские автократы не покидали свою столицу надолго и не отходили от нее далеко, постепенно сжимая пространство империи вокруг мегаполиса. Описание Никитой Хониатом Константинополя, его укреплений, районов, зданий и памятников культуры остается одним из самых блестящих литературных образцов и ценным историческим свидетельством, не имеющим аналогов в византийской историографии.

В «Истории» Никиты Хониата представлено постоянно меняющееся пространство Византии, «подвижные» границы которой не всегда соотносятся с современными картами империи.

М.М. Чореф

Тюменский государственный университет

«Ad Fontes», или к прочтению монограммы

Еще первые исследователи нумизматики Херсона столкнулись с проблемой расшифровки аббревиатур, встречающихся на большинстве разновидностей монет его эмиссии. К настоящему времени выработаны теории прочтения большинства таких сокращений. Так, в монограммах «» и «» ряд исследователей, придерживающихся точки зрения Г.К.Э. Кёллера и В.А. Анохина, видят указания на эмитентов — город-

ских протевон и архонтов¹, а другие, принявшие доводы Б.В. Кёне², А.В. Орешникова³, И.И. Толстого⁴ и И.В. Соколовой⁵ — имена византийских императоров. Дискуссионность вопроса позволила А.Г. Герцену и В.А. Сидоренко предположить, что аббревиатуры «А» и «В» являлись обозначениями номиналов⁶. Не менее спорны и трактовки символа «П», встречающегося на литых бронзах первой трети IX в. Их считают сокращениями слов *ὁ Πρωτεύων* — «протевон», *ὁ Πορφυρογέννητος* — «порфиородный» или *πόλις* — «полис». В последние годы мы высказали точку зрения на вопрос трактовки строчных и столбовых аббревиатур «А» («Λ», «Α»), «В», «ΛΑ», «ΛΕ», «Μ», «ΜΒ», «Π», «Ρω» («Ρ», «Ρ») и «Α»⁷. В настоящее время считаем возможным приступить к расшифровке блочной аббревиатуры *ΒΕ*, известной на бронзах Херсона чекана Юстиниана I, а также на печатях городских чиновников⁸. До настоящего времени так и не было выработано общепринятое прочтение этой монограммы.

Можно выделить три основные точки зрения на вопрос о рас-

¹Köhler H.K.E. Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Hrsg. L. Stephani. St. Petersburg, 1850. Th. I. Bd. I. S. 18, 22. № 17–20. Pl. II, 27–30; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев, 1977. С. 115, 125.

²Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб., 1848. С. 181–182, 184. № 1–3. Табл. VI, 8; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848. S. 167–168, 170. № 1–3. Taf. VI, 8.

³Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. Т. III. М., 1905. С. 365, 367–368.

⁴Толстой И.И. Византийские монеты. Пг., 1914. Вып. IX. С. 1059–1060. № 19–22.

⁵Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 43.

⁶Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1988. Вып. 24. С. 132.

⁷Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византистов. Москва 20–21 октября 2008 г. М., 2008. С. 161–165; он же. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // ВВ. 2010. Вып. 69. С. 248–255; он же. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 326–331; он же. К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в. // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. III. Сер. А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения». Севастополь, 2010. С. 121–124; он же. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Rw» // Вестник ТГУ. Тюмень, 2009. Вып. VII. С. 35–51.

⁸Алексеев Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 79–89.

шифровке аббревиатуры. Так, по Г.К.Э. Кёллеру ее следует читать как «ХЕРСΩΝΟΣ»⁹. Б.В. Кёне так же видел в ней название этого таврического города. Правда, он читал ее как «ХЕРСΩΝΟ»¹⁰. Ж.П. Сабатье¹¹ и А.В. Орешников¹² разделяли их точку зрения. Так же считают И.В. Соколова¹³, В. Ханн¹⁴ и Ф. Грирсон¹⁵. Однако В.А. Анохин полагает, что можно расшифровать как «πόλις Χερσῶνος»¹⁶. А уже в последние годы крымский исследователь Н.А. Алексеенко разобрал в ней «πατήρ τῆς πόλεως Χερσῶνος» — «патер города Херсона»¹⁷.

В сложившейся ситуации нам не остается ничего другого, как попытаться заново разобрать столь неоднозначно трактуемую монограмму. Сразу же отметим, что она построена с учетом правил составления аббревиатур, разработанных еще в античную эпоху. Хорошо заметно, что ее верхним элементом является «О», размещенное на горизонтальной перекладине «П». Образованная из них лигатура , являющаяся сокращением слова πόλις, использовалась веками. Перейдем к другим элементам монограммы. В центральной ее части хорошо виден «Х», а правее его уверенно читается «Е». Бесспорно, буквосочетание «ХЕ» является сокращением «Χερσῶνος». Правда, обычно использовали монограмму «ХЕР». Но, в любом случае, у нас есть все основания для выделения бронз с лигатурой к эмиссии Херсона. Левее «Х» просматривается лигатура «↓». Заметим, что сверху вниз эту столбовую монограмму читают только в том случае, если она размещалась в начале слова. Следовательно, в нашем случае ее можно трактовать как «ωρ». Но у нас есть веские основания видеть в «Р» третий символ названия города «Χερσῶνος». В таком случае буква, состоящая из вертикальной и двух горизонтальных линий «Е» является «Γ» («Σ»), а пересечение нисходящей линии «Х» с вертикальными составляющими «П» образуют «Ν». А с учетом того, что нами была выявлена, но пока еще не задействована буква «Ω», то

⁹Köhler H.K.E. Op. cit. S. 20–21.

¹⁰Kёне Б.В. Указ. соч. С. 157. № 1. Табл. VI, 2; Köhne B. von. Op. cit. S. 145. № 1. Taf. VI, 2.

¹¹Sabatier J. Description générale des monnaies Byzantines frappées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople par Mahomet II. Paris, 1862. T. I. P. 192, Pl. XVII, 17.

¹²Орешников А.В. Указ. соч. С. 362.

¹³Соколова И.В. Указ. соч. С. 18.

¹⁴Hahn W. The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey // NC. 1978. Sept. Vol. 86. № 9. P. 414.

¹⁵Grierson P. Byzantine Coins. London, 1982. P. 22.

¹⁶Анохин В.А. Указ. соч. С. 99.

¹⁷Алексеенко Н.А. Указ. соч. С. 80, 82–83, 85. № 1, 2. Рис. 1, 2.

получается, что аббревиатуру можно расшифровывать как «*πό[λις] Χερσῶν[ος]*».

Мы не разделяем точку зрения Г.К.Э. Кёллера и его последователей, считаем излишне осторожными допущения В.А. Анохина и решительно отвергаем гипотезу Н.А. Алексеенко. Мы не можем согласиться с его бездоказательным утверждением, что «в состав монограммы входят... гласные — I, Y, E, Ω и O»¹⁸. Ведь, если «I» с известным допущением можно обнаружить в любой вертикальной составляющей монограммы, то символ «Y» в ней определенно отсутствует: его размещали в верхней части лигатуры. Далее, мы не нашли «A», уверенно выделяемую Н.А. Алексеенко в составе «X». Проблема даже не в том, что, как верно заметил исследователь, «внешний вид такой «альфы» несколько необычен для эпиграфики ранневизантийского периода»¹⁹. У нас нет никаких оснований выделять левую составляющую «C» в отдельную букву. Ведь, как хорошо видно при внимательном анализе монограммы, ее восходящая линия и вертикальная составляющая «P» пересекаются не у основания последней, как стоило бы ожидать, если бы мастер хотел разместить в лигатуре «A», а над определенно читаемой «Ω». Кроме того, как справедливо заметил Н.А. Алексеенко, в отсутствует «H». Правда, пересечение вертикальной линии «E» и «Γ» с горизонтальной составляющей «Π» можно принять за «T», но даже ее присутствие не дает нам никаких оснований видеть в гипотетическое «*πατήρ τῆς πόλεως Χερσῶνος*».

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы не только выработали подтверждение прочтению лигатуры как «*πό[λις] Χερσῶν[ος]*», но и, надеемся, убедительно опровергли гипотезу Н.А. Алексеенко, на основании которой ряд исследователей строят теории об особом статусе Херсона в раннем средневековье.

Л.М. Шмелева

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Казань)

Изучение и преподавание истории Византии в Казанском университете в кон. XIX — нач. XX вв.

Российское византиноведение занимало одно из ведущих мест в мировом византиноведении в кон. XIX — нач. XX вв. В кон. XIX — нач. XX вв. в Казанском университете преподавали профессора, внесшие

¹⁸ Алексеенко Н.А. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ Там же.

свой вклад в его развитие — Д.Ф. Беляев (1846–1901), Д.В. Айналов (1862–1939), С.П. Шестаков (1864–1940), Д.П. Шестаков (1869–1938).

Предметом исследования Д.Ф. Беляева, преподававшего в университете греческую словесность, было изучение памятников византийского искусства. Главным трудом Д.Ф. Беляева является «Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям» в 3-х томах. Она содержит богатый археологический материал о прошлом Константинополя¹. Эта работа Д.Ф. Беляева оказала влияние на его ученика С.П. Шестакова, который также занимался изучением византийских источников.

Интересы С.П. Шестакова в области изучения византийских источников первоначально сосредотачивались вокруг изучения византийских хроник, где предметом его исследований стало выделение источников, использовавшихся хронистами для составления своих произведений².

Казанского византиниста интересовали и другие сюжеты в изучении византийской литературы. Весьма интересна в этом плане его статья «Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра»³. В последующее время С.П. Шестаков занимается изучением творчества ритор Либания⁴. Позднее Шестаков издает перевод произведений Либания⁵.

Кроме вопросов, связанных с изучением источников, С.П. Шестакова интересовали и проблемы собственно истории Византии⁶. Итогом ис-

¹Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 1–3. СПб., 1891–1906.

²Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // Ученые записки Казанского университета. 1891. Кн. 2. Кн. 3. Кн. 5.; 1892. Кн. 1. Кн. 3; *он же*. Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы» // ВВ. 1895. Т. II. С. 372–377; *он же*. Иоанн Ритор в церковной истории Евагрия // УЗКУ. 1890. Кн. V; *он же*. Кандид Исаврийский // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Т. IV. Византийское отделение. Одесса, 1894. С. 124–149; *он же*. Парижская рукопись Симеона Логофета // ВВ. 1897. Т. IV. С. 167–183; *он же*. О рукописях Симеона Логофета // ВВ. 1898. Т. V. С. 19–62.

³Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра // ВВ. 1901. Т. VII. С. 38–63.

⁴Шестаков С.П. Письма-энкомии ритора Либания // Отдельный оттиск из сборника в честь Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1911.

⁵Либаний. Речи / Пер., прим. и введ. С.П. Шестакова. Т. 1–2. Казань, 1914–1916.

⁶См. Шестаков С.П. К истолкованию херсонской надписи времен Зинона // ЖМ-НП. 1906. Ч. 2. С. 140–151; *он же*. К вопросу о месте крещения св. Владимира // ИОАИЭ. Т. XXII. Вып. 5. С. 319–339; *он же*. О начале христианства в Херсоне // Отдельный оттиск из Serta Boryshnenica. Сборник в честь Ю.А. Кулаковского. Киев, 1911; *он же*. Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2. С. 151–165; *он же*. Визан-

следовательской деятельности ученого в области истории Византии стал его курс лекций. Сергей Петрович стал читать лекции по истории Византии с осени 1912 г. в Казанском университете и на Высших женских курсах⁷. Тогда же им была издана программа курса «История Византии». В 1915 г. им был издан первый том лекций по истории Византии⁸. Примерно в то же время С.П. Шестаковым было подготовлено еще два тома лекций, доводивших изложение до 1261 г., однако они так и не увидели свет⁹.

Заслуживает внимания небольшая работа Д.П. Шестакова «Три поэта византийского Ренессанса». В статье Д.П. Шестаков анализирует творчество трех византийских поэтов Николая Калликла, Феодора Продрома, Христофора Митиленского, приходя к выводу, что основными темами поэтов византийского Ренессанса были «воспевание материальных побед империи над врагами и мечты о духовной победе культуры над невежеством внутри империи»¹⁰.

В 1910 г. Д.П. Шестаков защищает магистерскую диссертацию на тему «Исследования в области греческих народных сказаний о святых», где приходит к выводу, что греческие народные сказания о святых зачастую представляют христианизированные предания языческого и международного прошлого¹¹. Это было одно из первых исследований такого рода в российской исторической науке, в которых бы жития святых подвергались такому осмыслению с целью выделения в них целого пласта языческих представлений и верований.

Известен своими трудами ученик выдающегося специалиста по византийскому искусству Н.П. Кондакова Д.В. Айналов, который в 1890–1903 гг. преподавал в Казанском университете теорию и историю изящных искусств. В исторической науке с именем Д.В. Айналова связан расцвет в изучении древнехристианского, византийского и древнерусского искусства. В казанский период деятельности Д.В. Айналовым были защищены магистерская и докторская диссертации. Темой магистерской были избраны мозаики IV и V вв., а в качестве докторской дис-

тийский посол на Руси Мануил Комнин // Отдельный оттиск из сборника статей, посвященных Д.А. Корсакову. 1913. 16 с.

⁷НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2173. Л. 171 об.

⁸Шестаков С.П. Лекции по истории Византии. Т. 1. Казань, 1915.

⁹См. Иванов Ю.А. Профессор С.П. Шестаков. К 40-летию ученой деятельности // ВВ. 1926. Т. 24. С. 94.

¹⁰Шестаков Д.П. Три поэта Византийского Ренессанса. Казань, 1906. С. 1–36.

¹¹Шестаков Д.П. Исследования в области греческих народных сказаний о святых // ВУИ. 1909. № 9. С. 1–24; 1910. № 1–7. С. 25–232; № 10. С. 233–268.

сертации ученым была представлена работа «Эллинистические основы византийского искусства». В ней Д.В. Айналов попытался доказать, что византийское искусство в основе своей — эллинистическое, изменившееся под влиянием восточных народных искусств.

В целом, в Казанском университете в кон. XIX — нач. XX вв. научные интересы ученых зависели от преподаваемых ими дисциплин. Поэтому большинство работ казанских ученых были посвящены истории культуры Византии и исследованию византийских источников. В то же время существовали проблемы организационного плана. В Казанском университете несмотря на все попытки С.П. Шестакова не удалось создать кафедру византиноведения, что не лучшим образом сказалось на развитии византиноведения в стенах университета и перспективах создания собственной византиноведческой школы.

Р.М. Шукуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремного христианства?

Недавние исследования показали, что в гаремах сельджукской элиты в XII–XIII вв. преобладали гречанки. Причем греческие дамы в гаремах пользовались религиозной свободой и исповедовали христианство. Письменные свидетельства о существовании христианской среды внутри гаремов находят важное подтверждение в сохранившихся материальных памятниках. До сих пор можно было считать доказанным наличие, по крайней мере, двух анатолийских дворцовых церквей, служивших в сельджукский период нуждам гаремных дам, а также, вероятно, других придворных христиан. Это несохранившаяся церковь св. Амфилохия в Конье, которая находилась на территории султанского дворца, а также существующая поныне церковь (современное название *Arar Evliyası*) в пределах цитадели Аланьи. В настоящем сообщении обсуждаются еще две церкви, находящиеся в городских цитаделях, в резиденциях местных мусульманских правителей: внутри крепостей Испира и Байбурта. Обе церкви имеют характерные признаки «трапезундской» храмовой архитектуры XIII–XV вв. Возведены они были в Испире и Байбурте, — городах, давно потерянных греками, — именно для нужд гаремов местных правителей, для их трапезундских жен. В сообщении делается попытка поместить эти храмы в известный на сегодня событийный контекст, предлагаются возможные даты их возведения.

О.Е. Этингоф

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Некоторые проблемы исследования византийского искусства в России и на Западе в XX в.

На протяжении XX в. исследования византийского искусства на Западе и в России надолго разошлись. В нашей стране под влиянием политической ситуации, государственного атеизма и некоторой изоляции от западного мира сложно было заниматься содержательными аспектами средневекового искусства, иконографией, символикой, интерпретацией взаимосвязи архитектуры, живописи и прикладного искусства с богословием и литургикой. Многие ученые русского происхождения вынуждены были эмигрировать на Запад, такие как А. Грабар, Н.П. Кондаков или исследователи его школы. В результате этих ограничений в СССР преимущественно развивались направления исследований, связанные с архитектурной археологией, реставрацией памятников, атрибуцией и стилистическим анализом, иногда граничившим с внеисторической художественной критикой.

Однако в сфере именно этих направлений советская история византийского искусства, несмотря на некоторую изоляцию от западного мира, достигла замечательных результатов. В частности, работы П.А. Раппопорта по строительной технике средневековой архитектуры переводились на иностранные языки и получили очень высокую оценку на Западе. Наши методики реставрации и реставрационных исследований также принадлежат к самым высоким достижениям в этой области. Атрибуции византийских памятников очень профессионально делались музейщиками, в частности, сотрудниками Государственного Эрмитажа, особенно А.В. Банк. Стилистический метод наиболее плодотворно реализован в работах В.Н. Лазарева, главный труд которого «История византийской живописи», также переведенный на итальянский язык, до сих пор является классической работой во всем мире.

В западном (особенно американском) византийском искусствознании преобладала другая тенденция: ученые иконографические штудии, литературные, богословские и литургические интерпретации художественных явлений, проблемы церковной археологии, сакральной топографии. Эти исследования иногда носили характер чисто книжных занятий, отрывавшихся от конкретного изучения произведений искусства. Однако и на Западе предпринят целый ряд систематиче-

ских публикаций памятников искусства, новых открытий, монастырских собраний.

Благодаря широкой эрудиции лучших исследователей, которые сочетали филологические и исторические познания с изучением памятников искусства, на протяжении XX в. западной наукой созданы классические работы по византийскому искусству, в том числе труды К. Вейцмана, О. Демуса, Э. Китцингера, С. Манго и других. В последние десятилетия ярко проявился интерес к выставочным исследовательским проектам, в которых выдвигаются не столько музейно-атрибуционные задачи, сколько существенные проблемы византийского искусства. Такие выставки проходят во всех крупных музеях мира.

В последние десятилетия и в настоящее время постепенно можно наблюдать сближение характера исследований русских и западных ученых. Методика работы все более усложняется, искусствовед-медиевист должен владеть разнообразным арсеналом исследовательских приемов, включающих анализ стиля, археологических качеств, реставрационных данных, иконографии, символики, функции, топографии, исторического контекста, эпиграфики и проч.

Список сокращений

АДСВ	—	Античная древность и средние века;
ВВ	—	Византийский Временник;
ВО	—	Византийские Очерки;
ВХНРЦ	—	Всероссийский художественный научно-реставраци- онный центр имени И.Э. Грабаря;
ГАСО	—	Государственный архив Свердловской области;
ГИМ	—	Государственный Исторический музей;
ГТГ	—	Государственная Третьяковская галерея;
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж;
ЖМНП	—	Журнал министерства народного просвещения;
ЖМП	—	Журнал Московской Патриархии;
ЗРВИ	—	Зборник Радова Византолошког Института;
ИРЛИ	—	Институт русской литературы;
ИХМ	—	Искусство христианского мира;
МИФЛИ	—	Московский институт философии, литературы и ис- тории;
НАВ	—	Новгородский архивный вестник;
ТГУ	—	Тюменский государственный университет;
ТМНО	—	Труды Московского Нумизматического Общества;
ЦГРМ	—	Центральные государственные реставрационные ма- стерские;
AB	—	Analecta Bollandiana;
Byz.	—	Byzantion;
BZ	—	Byzantinische Zeitschrift;
CFHB	—	Corpus Fontium Historiae Byzantinae;
DOP	—	Dumbarton Oaks Papers;
GRBS	—	Greek, Roman and Byzantine studies;
JÖB	—	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik;
NC	—	Numismatic Circular;
PG	—	Patrologia Graeca;
TM	—	Travaux et mémoires;
Σύντ.	—	Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων / Ἐκδ. ὑπὸ Γ. Παλ- λη, Μ. Ποτλῆ. Ἀθήναι, 1852–1859. Τ. 1–6.

Содержание

С.П. Карпов

Российское византиноведение сегодня: школы, итоги и перспективы 3

Тезисы докладов

Л.Т. Авилушкина (С.-Петербург)

Особенности рукописной традиции Хроники Михаила Глики . . . 14

А.А. Адашинская (Москва)

Погребальные церемонии и иконографическая программа нартекса: Case study монастыря Козия 16

З.А. Акопян (Ереван)

Возвращение Животворящего Креста в памятниках армянской скульптуры VII в. 20

А.И. Александрова (С.-Петербург)

Неопубликованное петербургское житие Иоанна Златоуста и агиографическая традиция 23

В.А. Арутюнова-Фиданян (Москва)

Образ армян в византийских источниках X–XI вв. 25

Н.Д. Барабанов (Волгоград)

Достойны ли именоваться христианами? Иосиф Вриенний о религиозности византийцев XV в. 27

К.Ю. Бардола (Харьков)

Византийское налогообложение в российской историографии. Взгляд со стороны 30

А.В. Бармин (Москва)

Посольство от Урбана II в Константинополь: отзвуки в противолатинской полемике 32

О.А. Барынина (С.-Петербург)

Македонский ренессанс в исследованиях отечественных византистов 35

М.В. Бибиков (Москва)	
Греческий титул русского царя и патриарха	36
В.Р. Блиев (Омск)	
Византийский компонент проблемы восстановления Патриаршества в материалах Предсоборного Присутствия 1906 г.	39
Н.Н. Болгов (Белгород)	
К истории изучения частной жизни женщины в ранней Византии	42
А.Г. Бондач (Москва)	
Иоанн Зонара о правовом статусе супругов. Подчинение жены мужу или равноправие?	44
С.Г. Бочаров (Симферополь), В.Ю Коваль (Москва)	
Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли	46
Н.И. Быстрицкий (Москва)	
Развитие византиноведческих информационных ресурсов	49
А.Б. Ванькова (Москва)	
Ранневизантийский монастырь и <i>ius asyli</i> (кон. IV–V вв.)	54
С.Я. Васильева (Москва)	
Традиции византийского искусства во фресковой живописи острова Готланд XII в.	55
Ю.Я. Вин, Д.Е. Кондратьев (Москва)	
Социокультурный концепт «императорской власти» в византийском праве: понятие « <i>βασιλεία</i> » в «Василиках» и его лексические эквиваленты	58
А.А. Войтенко (Москва)	
Изучение египетского монашества в отечественной историографии (вторая пол. XIX — нач. XX вв.)	61
А.А. Воронова (Москва)	
Византийская Далмация: архитектурно-планировочные особенности развития городов восточного побережья Адриатики	63
Н.В. Герасименко (Москва)	
К вопросу о некоторых общих закономерностях выбора и расположения святых в ранневизантийских храмовых декорациях	67
Л.А. Герд (С.-Петербург), А.Н. Николов (София)	
О проекте участия В.Н. Бенешевича в Софийском конгрессе византинистов 1934 г.	68

Д.С. Гордиенко (Киев)	
К дискуссии о времени крещения княгини Ольги	71
М.В. Грацианский (Москва)	
К вопросу о происхождении этнонима «анты»	74
А.В. Громова (Москва)	
К вопросу о методах историописания в «Хронографии» Иоанна Малалы	77
С.А. Денисов (Москва)	
Социально-политические отношения в Эпирском царстве в первой половине XIII в. в освещении российских ученых XIX–XX вв.	79
Э.Н. Добрынина (Москва)	
Формы греческого глагола и развитие иконографии Вознесения пророка Илии	81
М.Е. Домановская (Харьков)	
Понятие «византизм» в научном наследии В.К. Надлера	84
А.Н. Домановский (Харьков)	
«Книга епарха» в отечественной византистике конца XIX — начала XX в.	87
А.Н. Домановский, С.Б. Сорочан (Харьков)	
Харьковская византистика: истоки, история, перспективы	90
Е.Ю. Ендольцева (С.-Петербург)	
Об одном мотиве украшения алтарных преград в западном Закавказье	96
С.П. Заиграйкина (Москва)	
Мозаики V в. в Италии. К вопросу о стиле	99
В.Н. Залесская (С.-Петербург)	
Некоторые артефакты византийского Херсонеса	100
О.И. Захаров (Омск)	
Причины эмиграции А.А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН	103
А.Ю. Казарян (Москва)	
Архитектурная композиция Аванского собора и византийский омфал. К изучению творческого метода средневековых зодчих.	106
А.Е. Карначев (С.-Петербург)	
Заметки латинского читателя на полях и между строк «Бесед» Иоанна Златоуста на Апостольские Деяния	109

Н.В. Квливидзе (Москва) Роспись церкви Мерьемана в Гёреме (капелла 33): формирование ктиторских программ в монастырском искусстве Каппадокии . . .	112
В.П. Кирилко (Симферополь) Двухапсидный храм Сотеры: версия О.И. Домбровского	114
И.О. Князький (Москва) Византия и миграция тюркских народов в XI в.	117
А.С. Козлов (Екатеринбург) Феномен М.Я. Сюсюмова в российском византиноведении	119
В.Е. Колупаев (Милан) Работы М.А. Таубе по византиноведению в Русском Зарубежье XX в. 122	
А.Ю. Кондратюк (Киев) Росписи церкви Спаса на Берестове 40-х гг. XVII в. в контексте богослужебной практики эпохи Петра Могилы	124
М.Г. Крамаровский (С.-Петербург) Две Таны. Половцы на фреске из церкви Сан-Франческо в Сиене (А. Лоренцетти, 20-е гг. XIV в.)	128
А.М. Крюков (Москва) К вопросу о сохранности корпуса поучений Михаила Хониата . . .	132
П.В. Кузенков (Москва) Византийско-русские связи при Михаиле VII Дуке в научном наследии В.Г. Васильевского	135
М.А. Курышева (Москва) Греческие рукописи южноитальянского происхождения из собрания Государственного исторического музея (Москва): проблемы изучения	138
Т.В. Куц (Екатеринбург) Отражение внутридинастического конфликта в «Нравственном диалоге, или о браке» Мануила II Палеолога	140
И.Л. Кызласова (Москва) О некоторых итогах исследования византийского и древнерусского искусства отечественными учеными в 20–30-е гг. XX в.	142
Г.Е. Лебедева, В.А. Якубский (С.-Петербург) Кафедра византиноведения Ленинградского государственного университета	145

Л.В. Луховицкий (Москва) Богословско-полемические сочинения патриарха Никифора I в XIV в.	147
Д.И. Макаров (Екатеринбург) К анализу мариологии Феофана Никейского	150
К.А. Максимович (Москва) Изучение византийского права в России и Западной Европе: итоги и перспективы	153
С.В. Мальцева (С.-Петербург) Принципы размещения приделов в сербских храмах имперского периода	154
Е.И. Мирошниченко (Новосибирск) Византийская концепция образа: проблемы изучения	157
А.С. Мохов (Екатеринбург) Высший командный состав византийской армии в XI в.: стратилаты Востока и Запада	159
В.Е. Науменко (Симферополь) Таврика в контексте русско-византийских отношений X в.: историко-археологический комментарий	162
М.М. Никитенко (Киев) «Слово» Киево-Печерского патерика о прп. Евстратии Постнике в контексте средневековой нумерологии	164
Н.Н. Никитенко, В.В. Корниенко (Киев) Святая Варвара в стенописи Софии Киевской: новые исследования граффити, атрибуция и святокультовый статус образа	167
О.В. Овчарова (Москва) История изучения фресок Нерези (стилистический аспект)	170
И.А. Орецкая (Москва) К вопросу о византийских рукописных центрах конца XI в. на примере иллюстрированных рукописей литургических гомилий Григория Назианзина	173
А.Л. Осипян (Краматорск) Роль армянского купечества в развитии торговли в Причерноморье и Восточном Средиземноморье в конце XIII–XIV вв.	174

Н.Г. Пашкин (Екатеринбург)	
Рим и Константинополь после Констанцского собора: миссия Антонио да Масса	177
В.В. Петрунин (Орёл)	
О некоторых аспектах падения Константинополя в 1453 г.	179
Е.К. Пиотровская (С.-Петербург)	
Молитвы «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова в греческой и древнерусской версиях сочинения	181
Д.И. Польшин (Иваново)	
Болгарское средневековое историописание: объем, формы, особенности	183
М.А. Поляковская (Екатеринбург)	
Инсигнии императорской власти в поздней Византии (по Псевдо-Кодину)	185
И.Н. Попов (Москва)	
Процессы забывания и воспоминания исторических событий в византийских хрониках (на примере повествований об эпохе Феодосия II Младшего)	188
А.А. Пржегорлинский (Волгоград)	
Общинные идеалы св. Феопимпа Филадельфийского (XIV в.): к вопросу о специфике византийского гуманизма	190
А.И. Романчук (Екатеринбург)	
История Таврики в работах уральских исследователей (истоки традиции)	193
А.Л. Саминский (Москва)	
Константинопольское украшение Первого Тбетского Евангелия	195
Вл.В. Седов (Москва)	
Килевидные арки в архитектуре византийского мира: Древняя Русь, Византия, Армения, Грузия	197
В.В. Серов (Барнаул)	
Отечественная историография истории Византии VII в.: состояние и перспективы развития	200
Д.А. Скобцова (Москва)	
Иконографическая программа росписи жертвенника и дьяконника Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке	202

В.П. Степаненко (Екатеринбург)	
К просопографии рода Апокапов в Византии	204
И.А. Стерлигова (Москва)	
Византийские древности в Музеях Московского Кремля: итоги работы над каталогом	206
С.В. Тарханова (Москва)	
Проблема генезиса христианской базилики на примере храмовой архитектуры Палестины V в.	211
А.А. Тюняев (Москва)	
Византино-древнерусские торговые связи	213
Л.Г. Хрушкова (Москва)	
Вымостки opus sectile в Причерноморье и Киеве: средиземноморский контекст	215
А.А. Чекалова (Москва)	
Выходцы с Запада в ранневизантийском обществе	218
Д.А. Черноглазов (С.-Петербург)	
Византийский эпистолярный этикет IX–XIII вв.: итоги и перспективы исследования	221
Н.П. Чеснокова (Москва)	
Пределы и границы в политической географии Никиты Хониата	223
М.М. Чореф (Тюмень)	
«Ad Fontes», или к прочтению монограммы 	225
Л.М. Шмелева (Казань)	
Изучение и преподавание истории Византии в Казанском университете в кон. XIX — нач. XX вв.	228
Р.М. Шукуров (Москва)	
Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремного христианства?	231
О.Е. Этингф (Москва)	
Некоторые проблемы исследования византийского искусства в России и на Западе в XX в.	232
Список сокращений	234

Научное издание

РОССИЙСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Традиции и перспективы

*Тезисы докладов XIX Всероссийской
научной сессии византинистов*

Оригинал-макет подготовлен А.М. Крюковым
в издательской системе $\text{\LaTeX}$

Подписано в печать 12.01.2011. Объем 15,25 п. л. Тир. 200 экз.
Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета

125009, Москва, ул. Б. Никитская 5/7.

Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71

(495) 939-34-93 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отпечатано в отделе быстрой печати
Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова